

Сборник научных статей
по итогам работы
Международного научного форума

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Москва 2026

Коллектив авторов

Сборник научных статей по итогам работы
Международного научного форума
**НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Москва, 2026

УДК 330

ББК 65

С56

Сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (г. Москва, 30 июля 2026 г.). / Отв. ред. Д. Р. Хисматуллин. — Москва: Издательство Инфинити, 2026. — 169 с.

У67

DOI 10.34660/INF.2026.10.22.113

Сборник материалов включает в себя доклады российских и зарубежных участников, предметом обсуждения которых стали научные тенденции развития, новые научные и прикладные решения в различных областях науки.

Предназначено для научных работников, преподавателей, студентов и аспирантов вузов, государственных и муниципальных служащих.

Все статьи, представленные в сборнике, проходят процедуру рецензирования. Рецензирование осуществляется членами редакционной коллегии и приглашенными экспертами по соответствующим научным направлениям.

УДК 330

ББК 65

DOI 10.34660/INF.2026.10.22.113

© Издательство Инфинити, 2026

© Коллектив авторов, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Оценка экологического состояния Долгого пруда на территории района северный города Москвы по состоянию на сентябрь 2025 года <i>Бровкин Николай Владимирович, Воробьёв Дмитрий Максимович, Лисицина Ульяна Ивановна</i>	8
--	---

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

Гальванический синдром в стоматологии: новые аспекты диагностики и комплексной реабилитации <i>Берлов Антон Владимирович</i>	14
Сравнительный анализ информационных систем регистрации и учета первичной злокачественной онкологической заболеваемости и смертности в мире <i>Менг Андрей Александрович, Сидорова Светлана Сергеевна, Софронов Олег Юрьевич</i>	21

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

Перспективные сорта пшеницы твердой яровой для использования на крупяные цели в условиях Центрально-Черноземного региона России <i>Тугарева Фаина Владимировна, Сидоренко Владимир Сергеевич</i>	26
---	----

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Влияние добавки восстановленного фосфогипса на оптические характеристики материала <i>Ротин Виталий Викторович, Шабельская Нина Петровна</i>	35
Сравнение SimCLR-ориентированного и случайного отбора изображений при ограниченном бюджете разметки <i>Мельников Никита Сергеевич</i>	39
Экспериментальная оценка влияния разделения кода и оптимизации изображений на производительность одностраничного React-приложения <i>Устинов Даниил Николаевич</i>	48

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Итоги приёмной кампании 2025–2026 учебного года в ГБПОУ «Магаданский политехнический техникум»: анализ, тенденции и перспективы <i>Дмитров Владислав Игоревич</i>	57
Spiritual Solace in a Fast-Paced Era: Analyzing the Psychology of the «Emotional Economy» Through the LABUBU Phenomenon <i>Zhang Huanming</i>	60
Discrete and continuous theoretical textual and visual generalizations in the activity of a manager <i>Karpenko Alexander Gennadievich, Kiselev Vladimir Dmitrievich</i>	63

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

К вопросу о формировании теории налоговой предустановленности в уголовно-процессуальном праве России <i>Купцов Иван Андреевич</i>	80
Криминологическая безопасность адвокатской деятельности в эпоху глобальной цифровизации <i>Селезнёва Елизавета Алексеевна</i>	91
Адвокат будущего: менеджмент как стратегия и цифровой стандарт <i>Селезнёва Елизавета Алексеевна</i>	103
О совершенствовании правовой защиты абитуриентов, добившихся высоких спортивных результатов, при поступлении в учреждения высшего образования Беларуси <i>Воробьёв В. А.</i>	114
О создании равных условий для абитуриентов, поступающих в белорусские региональные университеты <i>Воробьёв В. А.</i>	117

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Полипрофессиональный подход к организации ранней помощи детям и родителям в условиях консультационного пункта ДОО <i>Гриценко Жанна Александровна, Бирюкова Татьяна Маннуровна, Кириллова Юлия Валерьевна</i>	120
Развитие коммуникативной компетенции студентов инженерных специальностей СПО в аспекте профессионального взаимодействия через работу с нормативной документацией <i>Долгих Антон Александрович</i>	134

Проблемы формирования этнической идентичности молодежи
в многокультурном регионе

Нюдюрмагомедов Абдулахад Нюдюрмагомедович,

Абдурагимова Лейла Абдулахатовна,

Савзиханова Марьям Абдулахатовна 140

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Судебная реформа 1922 года: институциональное оформление
и проблемы реализации (на примере Ставропольской губернии)

Гисцева Алина Сергеевна 145

Между идеалом и реальностью: идейно-политическое воспитание
и проявления инакомыслия в студенческой среде Ставрополя
(вторая половина 1950-х – начало 1980-х гг.)

Логвинович Георгий Владимирович 150

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Особенности рассказов Абдул Бисмиллаха

Раджабов Хабибулло 155

Эмоциональная оценка и ценность: эмоционально-экспрессивные
предложения в татарском и французском языках

Гизатуллина Альбина Камилевна 163

DOI 10.34660/INF.2026.91.17.083

ОЦЕНКА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ДОЛГОГО ПРУДА НА ТЕРРИТОРИИ РАЙОНА СЕВЕРНЫЙ ГОРОДА МОСКВЫ ПО СОСТОЯНИЮ НА СЕНТЯБРЬ 2025 ГОДА

Бровкин Николай Владимирович,

Воробьев Дмитрий Максимович,

Лисицина Ульяна Ивановна

Московский педагогический государственный университет

Актуальность работы заключается в том, что Долгий пруд является рекреационно значимым местом для жителей района Северный, и ближайших поселений. Здесь расположен пляж, места для пикников и места для ловли рыбы. Оценка загрязнения данного водоёма имеет важное значение для населения и гостей района Северный.

Новизна работы заключается в важности исследования состояния пруда на текущий период.

Цель работы заключается в оценке экологического состояния Долгого пруда на территории района северный города Москвы.

Задачи:

1. Определить точки отбора проб и перечень изучаемых показателей для оценки качества водных объектов.

2. Отобрать пробы воды, провести физико-химический лабораторный анализ на выбранные показатели.

3. На основе полученных данных рассчитать индекс загрязнения воды (ИЗВ) в исследуемых объектах, а также установить возможные источники загрязнения. Сделать выводы.

Объект исследования – Долгий пруд расположен на территории района Северный Северо-Восточного административного округа города Москвы. Площадь объекта исследований – 0.13 км². Протяженность пруда с севера на юг составляет 960 метров.

С восточной стороны пруда протекает Дмитровское шоссе, с северной расположена Долгопрудная аллея. На западной стороне находится лесопарк «Долгие пруды».

Климат – умеренно континентальный с средней температурой последний января –5, а июля +25. Среднегодовое количество осадков 600 мм.

Местность в окрестностях района – слабохолмистая, с диапазоном абсолютных высот от 190 до 176 метров. Наиболее возвышенная часть к юго-западу от центральной части пруда.

Материалы и методы исследования. Отбор проб воды производился в конце сентября 2025 года. Для отбора проб были использованы пластиковые бутылки объемом 0,5л, которые были предварительно промыты водой из пруда. Во время отбора проб были проведены измерения температуры воды с использованием электронного термометра. Анализ собранных материалов проводился в лабораторных условиях с использованием тест-комплекта с применением колориметрического метода.

Рисунок 1. Карта-схема точек отбора, ИЗВ и расположения изучаемого объекта – Долгие пруды

Результаты

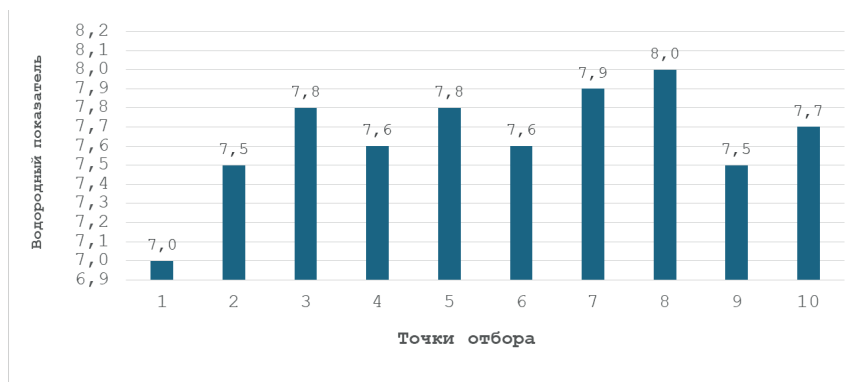

Рисунок 2. Диаграмма водородного показателя

Значение pH (Водородный показатель (pH)) представлено на рисунке 2. В точках находилось в пределах нормы по ПДК СанПиН – 2021 и ПДК рыб-хоз. Разброс данных показателей кислотности воды составляло от 7 до 8 единиц. Наиболее нейтральная среда была зафиксирована в точке 1, а наиболее щелочная в точке 8, что может быть связано со смывом солей с шоссе. Помимо этого, была измерена общая жёсткость воды, которая равна 2.1 мг-экв/л, что не превышает норму.

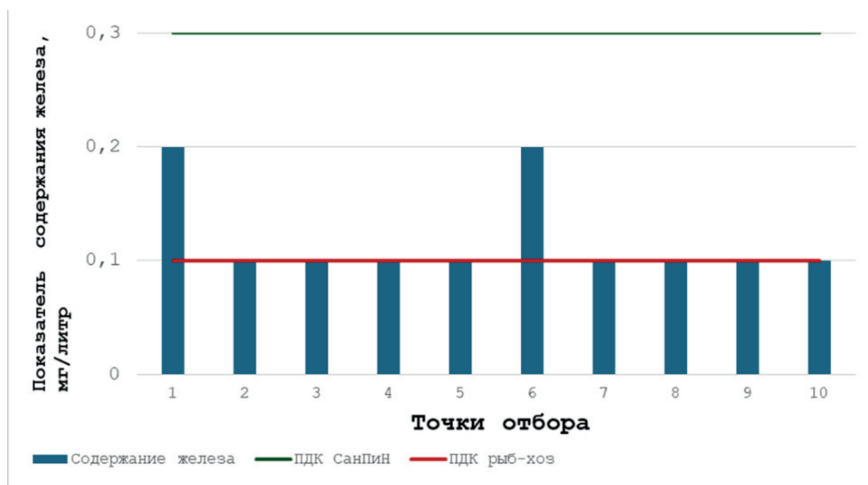

Рисунок – 3. Диаграмма содержания железа

Концентрация железа в воде оценивалась по ПДК СанПиН 2021 г. и ПДК рыб-хоз.

Концентрация общего железа (мг/л), представлена на рисунке – 3. Концентрация в точках не превышала норму ПДК СанПиН, за исключением точек 1 и 2, в которых значение было близко к границе. По ПДК рыб-хоз точки 1 и 2 превысили норму, которая равна 0,1 мг-экв/л, что может быть связано с заболачиванием водоёма.

Содержание фосфатов (PO₄), представлено на рисунке – 4 и не превышает норму по ПДК СанПиН-2021 и ПДК рыб-хоз.

По ПДК СанПиН 2021г превышений нет, тогда как по более строгому ПДК рыб-хоз. значения находятся на верхнем пределе, который составляет 0.2 мг/литр, в точках 1,2,4,5 и 9, что может быть связано с поступлением бытовых стоков, содержащих фосфаты, например, бытовых моющих средств. [1]

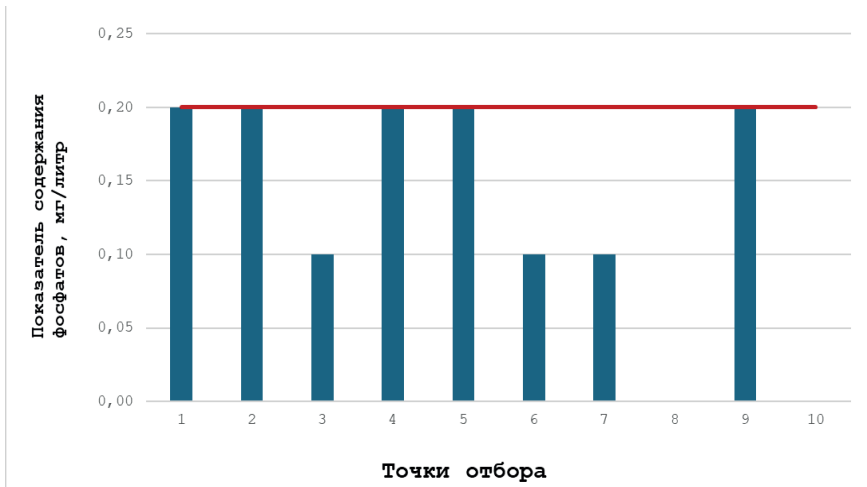

Рисунок – 4. Содержание фосфатов

Общая минерализация (TDS), измеряемая в ppm (мг/литр) во всех точках находится в пределах нормы, составляющей 1000 мг/литр.

Значение концентрации нитритов (NO₂), измеряющихся в мг/литр во всех точках было равно 0.

Далее был подсчитан ИЗВ по следующей формуле:

$$\text{ИЗВ} = \sum_{i=1}^n \frac{C_{\text{факт}}}{\text{ПДК}}, \quad (1)$$

где $C_{\text{факт}}$ – концентрация фактическая i-го вещества;

ПДК – предельно-допустимая концентрация i -го вещества для водоёмов;
 n – количество веществ, взятых для исследования.

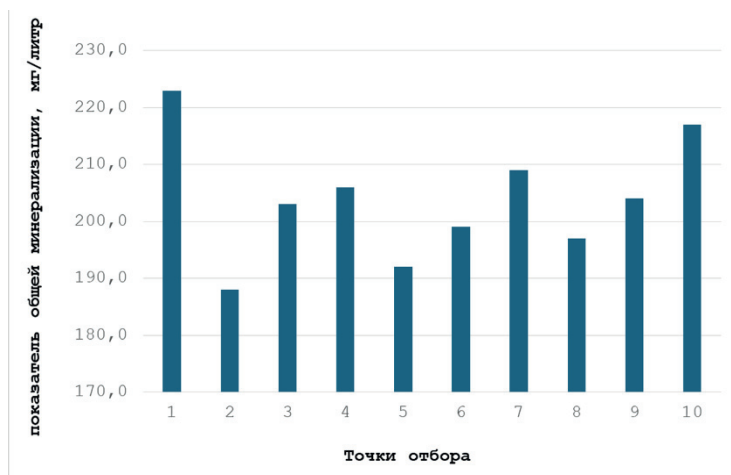

Рисунок – 5. Общая минерализация

Чтобы рассчитать ИЗВ было использовано 6 показателей с наибольшими показателями концентрации, даже если они не превышали нормативы ПДК. [2].

Таблица 1 – Класс воды по ИЗВ в исследуемых точках. Источник: [2]

Точка отбора пробы	Значение ИЗВ	Класс воды
1	0,75	Чистая
2	0,58	Чистая
3	0,50	Чистая
4	0,58	Чистая
5	0,58	Чистая
6	0,67	Чистая
7	0,50	Чистая
8	0,42	Чистая
9	0,58	Чистая
10	0,42	Чистая

Выводы:

1. На основе рассчитанного индекса загрязнения воды Долгий пруд относится ко второму классу качества воды «чистая вода». Средний индекс загрязнения воды по территории водоёма составляет 0,56.

2. Относительно различных частей пруда наиболее загрязненными являются точки 1 и 6, что связано особенностями береговой линии где происходит застаивание воды. В точке 6 расположен пляж, являющийся дополнительным источником загрязнения.

3. Наиболее чистые точки расположены в менее доступных местах, а также в зонах перемешивания воды.

4. В качестве рекомендации можно выделить необходимость проведения очистки береговой линии и прибрежной части пруда от накопившегося мусора.

Список литературы

1. СанПиН 1.2.3685–21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания» [nagut6.gosuslugi.ru > netcat_files/...](https://nagut6.gosuslugi.ru/netcat_files/...) Официальный сайт государственной организации. – Текст: электронный // СанПиН: [сайт]. – URL: https://nagut6.gosuslugi.ru/netcat_files/174/2801/SP123685_21.pdf?ysclid=mology2yr2283455771 (дата обращения: XX.XX.2026)

2. Мониторинг среды обитания: Учебное пособие к практическим занятиям / Н. В. Глотова. – Челябинск: Издательство ЮУрГУ, 2006. – 22 с.

DOI 10.34660/INF.2026.91.26.131

УДК 616.31–02:615.462

ГАЛЬВАНИЧЕСКИЙ СИНДРОМ В СТОМАТОЛОГИИ: НОВЫЕ АСПЕКТЫ ДИАГНОСТИКИ И КОМПЛЕКСНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ

Берлов Антон Владимирович

доктор медицинских наук, профессор

ЗАО «Научно-практический медицинский центр Здоровье»,

г. Москва, Россия

ORCID ID: 0009–0008–41, SPIN-код: 3230–0005

Резюме. Статья посвящена актуальной проблеме современной ортопедической стоматологии – гальваническому синдрому (гальванозу), развивающемуся вследствие электрохимических взаимодействий между разнородными металлическими сплавами в полости рта. Авторами проанализированы современные этиологические факторы, патогенетические механизмы формирования микротоков и их системное влияние на организм. В работе представлены новые диагностические алгоритмы, включающие прецизионную потенциометрию, оценку биохимического состава ротовой жидкости и цитологический мониторинг слизистой оболочки. Особое внимание уделено инновационным протоколам реабилитации пациентов с применением биоинертных конструкционных материалов на основе диоксида циркония и полимеров высокой плотности, а также методам патогенетической медикаментозной поддержки.

Ключевые слова: гальваноз, гальванический синдром, разнородные металлы, потенциометрия, ортопедическая стоматология, диоксид циркония, биосовместимость.

Abstract. The article is devoted to an urgent problem of modern prosthetic dentistry – galvanic syndrome (galvanosis), which develops due to electrochemical interactions between dissimilar metal alloys in the oral cavity. The authors analyzed modern etiological factors, pathogenic mechanisms of microcurrent generation and their systemic effect on the body. The paper presents new diagnostic algorithms, including precision potentiometry, evaluation of the biochemical composition of oral

fluid, and cytological monitoring of the mucous membrane. Particular attention is paid to innovative rehabilitation protocols for patients using bioinert construction materials based on zirconium dioxide and high-density polymers, as well as methods of pathogenic drug support.

Keywords: *galvanosis, galvanic syndrome, dissimilar metals, potentiometry, prosthetic dentistry, zirconium dioxide, biocompatibility.*

Введение

Современная ортопедическая стоматология располагает широким арсеналом конструкционных материалов, однако проблема биосовместимости и интолерантности к зубным протезам остается одной из наиболее сложных и междисциплинарных. Среди всех видов непереносимости конструкционных материалов ведущее место занимает гальванический синдром (гальваноз) – патологическое состояние, обусловленное протеканием электрохимических процессов между металлическими элементами в полости рта, сопровождающееся возникновением макро- и микротоков, изменением электролитного состава слюны и развитием как местных, так и общих соматических реакций.

Широкое применение в прошлые десятилетия неблагородных металлических сплавов (нержавеющая сталь, кобальт-хромовые (КХС) и никель-хромовые сплавы (НХС), КХС с напылением нитрида титана, серебряно-палладиевые сплавы) в сочетании с современными имплантационными системами и новыми реставрациями создает предпосылки для формирования гальванических пар. Наличие электрохимической неоднородности в полости рта приводит к суммации патологических эффектов. Ситуация усугубляется увеличением соматической отягощенности населения, изменением pH ротовой жидкости в сторону ацидоза при общесоматических заболеваниях, что резко повышает коррозионную активность металлов. В связи с этим актуализируется необходимость пересмотра старых диагностических подходов и внедрения новых малоинвазивных, высокоточных методов верификации гальваноза, а также разработки персонализированных программ реабилитации.

Этиология и патогенез гальванического синдрома

Полость рта представляет собой уникальную гетерогенную среду, в которой ротовая жидкость выполняет роль электролита с высокой ионной проводимостью. В норме между тканями и средами полости рта существуют стационарные потенциалы, не превышающие физиологических констант. При введении в эту среду металлического включения на границе «металл – слюна» формируется двойной электрический слой и устанавливается определенный электродный потенциал.

Если в полости рта присутствуют два или более металлов с различными электрохимическими потенциалами (например, штампованно-паяный

мостовидный протез из нержавеющей стали с золотым напылением или кобальт-хромовый сплав в сочетании с титановым имплантатом), возникает замкнутая гальваническая цепь. Электроны начинают перемещаться от металла с более отрицательным потенциалом (анод) к металлу с более положительным потенциалом (катод). Анодный металл при этом подвергается электрохимической коррозии, сопровождающейся выходом ионов металлов (железа, хрома, никеля, марганца, меди) в ротовую жидкость.

Патогенез гальванического синдрома складывается из трех основных взаимосвязанных компонентов:

1. Токсико-аллергическое действие. Избыточное поступление ионов металлов-примесей в слюну оказывает прямое токсическое действие на эпителий слизистой оболочки полости рта (СОПР). Кроме того, ионы металлов, связываясь с белками слюны и тканевых структур, приобретают свойства гаптенов, запуская сенсибилизацию организма и развитие аллергических реакций замедленного типа (IV тип по Джеллу и Кумбсу) [1].

2. Электрогальваническое действие. Прохождение постоянного микротока через ткани полости рта и рецепторные поля вызывает раздражение свободных нервных окончаний, изменяет проницаемость клеточных мембран, нарушает поляризацию нервных волокон. Это приводит к извращению вкусовой чувствительности, парестезиям и хроническому нейростоматологическому болевому синдрому [2].

3. Системное вегетативно-невротическое действие. Хроническое раздражение рецепторного аппарата тройничного нерва и постоянная микротоковая нагрузка вовлекают в патологический процесс вегетативную нервную систему. Пациенты начинают предъявлять жалобы на общую слабость, раздражительность, нарушения сна, лабильность артериального давления, диспепсические расстройства [3]. Развивается симптомокомплекс, сходный с астено-вегетативным синдромом.

Клиническая картина

Клинические проявления гальваноза характеризуются выраженным полиморфизмом [2]. Местные симптомы включают жалобы на постоянное ощущение металлического или кислого вкуса во рту, чувство жжения и покалывания языка (глоссалгия), губ, твердого нёба. Пациенты часто отмечают сухость во рту (ксеростомию) или, напротив, кратковременную гиперсаливацию. При осмотре СОПР выявляется гиперемия, отечность, часто в местах непосредственного контакта с металлическими протезами определяются очаги гиперкератоза (лейкоплакия), эрозивные или язвенные поражения. Характерным признаком является изменение цвета самих протезов – потемнение пайек, потеря блеска, появление окисных пленок.

Общие симптомы манифестируют в виде неврологических и психоэмоциональных расстройств. Пациенты отмечают беспричинную головную боль, канцерофобию, депрессивные состояния, снижение работоспособности [3]. Из-за отсутствия специфических патогномичных симптомов такие больные годами обследуются у неврологов, гастроэнтерологов и психотерапевтов, получая неэффективное симптоматическое лечение.

Новые аспекты диагностики

Диагностика гальванического синдрома традиционно вызывала трудности из-за отсутствия стандартизированных подходов. На современном этапе диагностический протокол должен носить комплексный характер и включать как клинико-инструментальные, так и лабораторные критерии [1].

- **Прецизионная внутриротовая потенциометрия.** Измерение электрохимических потенциалов металлических включений является базовым методом. Ранее использовавшиеся аналоговые приборы обладали высокой погрешностью из-за поляризации электродов. Сегодня применяются цифровые биопотенциометры с высоким входным сопротивлением (не менее 10^{12} Ом), оснащенные неполяризующимися хлорсеребряными электродами сравнения [5]. Измерения проводят на всех металлических элементах, слизистой оболочке и языке. Диагностически значимым считается наличие разности потенциалов между металлическими протезами более 50–80 мВ, а также сила тока, превышающая 5–6 мкА.

- **Анализ вольтамперных характеристик (ВАХ).** Данный метод позволяет оценить динамику электрохимического процесса под нагрузкой [5]. Регистрация ВАХ дает возможность дифференцировать истинный гальваноз от явлений кратковременной электрохимической активности, связанных с приемом специфической пищи или изменением рН.

- **Биохимическое и физико-химическое исследование ротовой жидкости.** Важным диагностическим маркером служит сдвиг рН слюны. В норме рН составляет 6,8–7,4. При гальванозе чаще наблюдается выраженный сдвиг в кислую сторону (менее 6,2), что катализирует коррозию. С помощью метода атомно-абсорбционной спектроскопии или масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой (ИСП-МС) в слюне определяется качественный и количественный состав микроэлементов. Обнаружение повышенных концентраций никеля, хрома или меди (в 5–10 раз выше референтных значений) достоверно указывает на активный процесс разрушения протезов.

- **Цитологический и иммунологический мониторинг.** Цитограмма мазков-отпечатков с пораженных участков СОПР при гальванозе демонстрирует признаки деструкции эпителиоцитов, повышенную инфильтрацию нейтрофильными лейкоцитами и лимфоцитами. Изучение местного иммунитета (определение уровней секреторного IgA, интерлейкинов IL-1 β , IL-6 и TNF- α

в ротовой жидкости) позволяет верифицировать выраженность локального воспалительного и аллергического процесса.

Новые аспекты комплексной реабилитации

Устранение гальванического синдрома требует строго последовательного, патогенетически обоснованного подхода [3]. Реабилитационные мероприятия можно разделить на три ключевых этапа: санационный (подготовительный), терапевтический и ортопедический (реконструктивный).

1. Санационный этап

Основой лечения гальваноза является полное устранение этиологического фактора – удаление из полости рта металлических конструкций, формирующих гальванические пары [2]. В первую очередь подлежат удалению штампованные протезы, конструкции из разнородных металлов и элементы с видимыми следами коррозии. При наличии дентальных имплантатов вопрос об их удалении рассматривается индивидуально; как правило, титановые имплантаты высокого качества очистки редко выступают первичным анодом, и гальваноз купируется после удаления супраструктур (абатментов и коронок) из КХС или НХС [5]. После удаления металлов пациенту изготавливают временные провизорные протезы из гипоаллергенных пластмасс горячей полимеризации или безмономерных термопластов на срок от 1 до 3 месяцев для полной эвакуации ионов металлов из тканей и нормализации электрохимической среды [4].

2. Терапевтический этап (патогенетическая поддержка)

Поскольку гальванический синдром вызывает системные сдвиги, реабилитация должна включать медикаментозное сопровождение:

- *Местная терапия:* применение антиоксидантных и регенерирующих препаратов (масляные растворы витаминов А, Е, гели с метилурацилом) для ускорения эпителизации эрозий СОПР. Назначение ополаскивателей с нейтрализующим действием для нормализации pH.

- *Системная десенсибилизирующая терапия:* антигистаминные препараты нового поколения для купирования аллергического компонента [1].

- *Седативная и вегетотропная терапия:* фитосборы, малые транквилизаторы или адаптогены по согласованию с неврологом для стабилизации психоэмоционального фона и купирования астено-вегетативных проявлений.

3. Реконструктивный (ортопедический) этап

Новым аспектом в реабилитации таких пациентов является полный отказ от использования традиционных КХС и НХС при постоянном протезировании. Современный протокол выбора материалов включает:

- **Диоксид циркония (ZrO_2).** На сегодняшний день это золотой стандарт биоинертности [6]. Материал не обладает электропроводностью, полностью исключает развитие гальванических токов, обладает высочайшей механической прочностью и великолепной эстетикой. Применение диоксид-циркониевых

структур показано как для одиночных коронок, так и для протяженных мостовидных протезов, а также для изготовления индивидуальных абатментов на имплантатах.

● **Высокотехнологичные полимеры (PEEK, BioPPR).** Полиэфирэфиркетон обладает модулем упругости, близким к костной ткани, абсолютно биосовместим и не проводит электрический ток [6]. Используется для изготовления каркасов съемных, частично съемных и бюгельных протезов, обеспечивая полноценное восстановление жевательной эффективности без риска рецидива гальваноза [4].

● **Благородные сплавы (на основе золота и платины).** Их применение возможно, но строго при условии однородности – все элементы в полости рта должны быть выполнены из одного и того же сплава. Однако из-за высокой стоимости и уступки в эстетике диоксиду циркония их использование сужается.

● **Цифровые технологии (CAD/CAM).** Изготовление каркасов методом фрезерования полностью исключает этап литья и пайки металлов. Это устраняет риск технологической неоднородности материала (пористость, включения оксидов), которая сама по себе может служить причиной локального микрогальванизма [6].

Выводы

1. Развитие гальванического синдрома в современной стоматологической практике носит мультифакторный характер и обусловлено деструктивным воздействием электрохимических процессов коррозии, возникающих между разнородными металлическими сплавами. Патогенез заболевания включает сочетанное токсико-аллергическое, электрогальваническое и системное вегетативно-невротическое действие на организм пациента.

2. Оптимизация диагностического протокола требует обязательного междисциплинарного подхода и внедрения высокоточных цифровых методов потенциометрии с использованием биопотенциометров с высоким входным сопротивлением, а также спектрометрического анализа качественного и количественного состава ротовой жидкости.

3. Успешная реабилитация пациентов с гальванозом базируется на принципе тотальной деметаллизации полости рта на санационном этапе и последующем долгосрочном ортопедическом восстановлении исключительно с применением безметалловых конструкционных материалов.

4. Новым патогенетически обоснованным стандартом реконструктивного лечения является применение биоинертных диоксид-циркониевых структур (ZrO_2) и высокотехнологичных полимеров высокой плотности (PEEK), изготавливаемых методом CAD/CAM фрезерования, что исключает риски технологической неоднородности материалов и полностью ликвидирует электрохимические микротоки.

Список литературы

1. Лебедев К. А., Митронин А. В., Понякина И. Д. Непереносимость зубопротезных материалов: руководство для врачей. М.: Практическая медицина, 2024. 216 с.
2. Гожая Л. Д., Олесова В. Н. Синдром гальванизма в современной ортопедической стоматологии: этиология, клиника, лечение // Стоматология. 2025. Т. 104, № 2. С. 48–53.
3. Иорданишвили А. К., Сериков А. А., Музыкин М. И. Особенности диагностики и комплексной реабилитации пациентов с гальванозом старших возрастных групп // Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». 2024. № 1. С. 22–30.
4. Берлов А. В., Николаева И. Ю. Реабилитация съёмными пластиночными протезами стоматологических пациентов при полной и частичной адентии зубов // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2015. № 4. С. 12–19.
5. Цимбалистов А. В., Михайлова Е. С., Котышова С. В. Мониторинг электрохимических процессов в полости рта при использовании современных металлокерамических и имплантационных систем // Институт стоматологии. 2023. № 3 (100). С. 54–57.
6. Schmalz G., Bindsvlev D. A., Hickel R. Biocompatibility of Dental Materials and New Digital Technologies. Berlin: Springer International Publishing, 2024. 415 p.

DOI 10.34660/INF.2026.91.36.132

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ РЕГИСТРАЦИИ И УЧЕТА ПЕРВИЧНОЙ ЗЛОКАЧЕСТВЕННОЙ ОНКОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ И СМЕРТНОСТИ В МИРЕ

Менг Андрей Александрович

главный врач

Иркутский областной онкологический диспансер

Сидорова Светлана Сергеевна

*заместитель главного врача по организационно-методическим
вопросам*

Иркутский областной онкологический диспансер

Софронов Олег Юрьевич

ассистент

Иркутский государственный медицинский университет;

врач-методист

Иркутский областной онкологический диспансер

Резюме. В статье рассматривается сравнительный анализ информационных систем регистрации и учета первичной злокачественной онкологической заболеваемости и смертности в мире. Согласно результатам исследования выявлено, что самой эффективными на сегодняшний день с точки зрения медицинской, социальной и экономической эффективности являются Российские информационные системы

Ключевые слова: первичная злокачественная онкологическая заболеваемость и смертность; информационные системы; учет и регистрация заболеваний; анализ статистических показателей.

Abstract. This article presents a comparative analysis of information systems for registration and recording of primary malignant oncological morbidity and mortality globally. The study revealed that Russian information systems are currently the most effective in terms of medical, social, and economic efficiency.

Keywords: primary malignant oncological morbidity and mortality; information systems; disease registration and recording; statistical analysis.

Введение

Охрана и укрепление общественного здоровья в современных условиях приобретает приоритетное методологическое и научно-практическое значение, т.к. здоровье населения является определяющим фактором сбережения человеческого потенциала и обеспечения стабильного демографического развития страны¹ [1–3].

В начале XXI века в странах с развитой экономикой сформировался неэпидемический профиль патологии с доминирующим значением в структуре заболеваемости и смертности населения злокачественными заболеваниями [4–6].

За изучением первичной злокачественной онкологической заболеваемости скрывается более важная проблема борьба со смертностью от нее. Особенно актуальным является переход от системы, ориентированной на лечение заболевания, к первичной профилактике и укреплению соответствующего профилактического направления в науке.

Формирование научных исследований в области первичной злокачественной онкологической заболеваемости и смертности невозможно без современной информационной системы. В онкологии выбор подходящей информационной системы по сей день остается актуальным.

Методика исследования

Цель исследования – провести сравнительный анализ информационных систем регистрации и учета первичной злокачественной онкологической заболеваемости и смертности в мире.

Предмет исследования – медицинская, социальная и экономическая эффективность информационных систем регистрации и учета первичной злокачественной онкологической заболеваемости и смертности в мире.

Объект исследования:

1. Без системный старый подход СССР
2. Действующие Российские серверные системы регистра с использованием научно-исследовательских институтов
 - а. Единая цифровая платформа
6. Медицинская информационная система Популяционный раковый регистр
3. Аналитические информационные системы с использованием Искусственного Интеллекта
 - а. ARIA Oncology Information System (GCO)
 6. Surveillance, epidemiology, and End Results (SEER) Program (США)
 - в. Global Cancer Observatory (GCO) (ВОЗ)

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности РФ» Доступен по: <https://baza.np.ru/prezident-rf-ukaz-n683-ot31122015-h2664165/>

Результаты исследования

Проводя сравнительный анализ информационных систем регистрации и учета первичной злокачественной онкологической заболеваемости и смертности в мире выявлено, что самой эффективными на сегодняшний день с точки зрения медицинской, социальной и экономической эффективности являются Российские информационные системы (Таблица 1).

Таблица 1. сравнительный анализ информационных систем регистрации и учета первичной злокачественной онкологической заболеваемости и смертности в мире

Критерий эффективности	Виды систем		
	Старый подход СССР не применяется	Действующие Российские системы	Зарубежные
	без системного подхода с использованием научно-исследовательских институтов	Серверная система регистра с использованием научно-исследовательских институтов	Аналитические информационные системы с использованием Искусственного интеллекта
1. введение бумажной учетной и отчетной документации	+	+	-
2. введение электронной учетной и отчетной документации	-	+	+
3. ручной ввод информации и расчет статистических показателей и их анализ	+	+	-
4. задействование нескольких специалистов в учете информации и низкий процент ошибок	+	+	-
5. высокая стабильность информационной базы данных	+	+	-
6. единая коммуникационная сеть баз данных между уровнями управления	-	+	+
7. единая методика анализа статистических показателей	+	+	+
Итого	6	8	3

Сравнительный анализ информационных систем проводился с точки зрения медицинской, социальной и экономической эффективности этих систем.

Первая социальная эффективность характеризует на сколько ценный по отношению к обществу данный критерий.

Вторая медицинская эффективность это качественность оказанной лечебной и профилактической помощи населению.

Третья экономическая эффективность это эффективность затраченных финансовых средств.

Все семь критериев является положительными с точки зрения перечисленных эффективностей. Так, первый критерий введение бумажной документации создают рабочие места врачей специалистов, дублируют электронную информацию, при утере которой можно воссоздать самые ценные сточки зрения науки и аналитики абсолютные значения случаев первичной злокачественной заболеваемости и смертности населения с громадным перечнем учетных признаков, что является ресурсом для развития любой медицинской науки.

Второй критерий облегчает труд специалистов, врачей, ученых.

Третий критерий сам по себе и создает специалиста, врача, ученого так как практически закрепляет навык владения методикой расчета и анализа показателей. Использование инструментов искусственного интеллекта при этом необходимо лишь в как дублирующий компонент, а не как основной инструмент для увеличения точности расчетов и снижения ошибок.

Четвертый критерий также необходим для увеличения точности расчетов и снижения ошибок.

Пятый критерий является слагаемым 1–4 критериев.

Шестой критерий характеризует высокий технически прогресс.

Седьмой критерий характеризует общность методического общемирового подхода.

Заключение

Так, в совокупности достижения медицинской, социальной и экономической эффективности лидирует действующие Российские информационные системы. Это говорит, что информационные технологии искусственного интеллекта в целом полезны, но труд специалистов, врачей, ученых занимающихся, регистрацией, учетом, расчетом и анализом показателей первичной злокачественной онкологической заболеваемости и смертности в мире пока незаменим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стародубов В. И., Улумбекова Г. Э. Как анализировать системы здравоохранения и формировать стратегии. ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. 2016; 3(1): 33–52.

2. Хабриев Р. У., Щепин В. О., Миргородская О. В. Комплексная оценка целевых показателей здоровья населения центрального федерального округа Российской Федерации. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2020; 28(3): 349–354.

3. Щепин О. П., Коротких Р. В. Перспективы развития здравоохранения Российской Федерации. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2015; 23(6): 3–6.

4. Damiani G., Pinnarelli L., Colosimo S. C., Almiento R., Sicuro L., Galasso R., Sommella L., Ricciardi W. The effectiveness of computerized clinical guidelines in the process of care: a systematic review. *BMC Health Serv Res*. 2010; 10(2): 56–59.

5. Cooper L. A., Roter D. L., Carson K. A. A randomized trial to improve patient-centered care and hypertension control in underserved primary care patients. *J Gen Intern Med*. 2011; 26(11): 1297–1304.

6. Cossutta R., Masserini A. B., Colombelli P. Evaluation of quality of life in patients with systemic sclerosis by the SF-36 questionnaire. *Arthritis and Rheumatism*. 2000; 9: 776.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ СОРТА ПШЕНИЦЫ ТВЕРДОЙ ЯРОВОЙ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НА КРУПЯНЫЕ ЦЕЛИ В УСЛОВИЯХ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РЕГИОНА РОССИИ

Тугарева Фаина Владимировна

научный сотрудник

ORCID ID: 0009-0003-6560-5457

Сидоренко Владимир Сергеевич

кандидат сельскохозяйственных наук

ORCID ID: 0000-0002-9921-6105

ФГБНУ ФНЦ зернобобовых и крупяных культур

Аннотация... В статье представлены результаты исследования качественных показателей зерна сортов пшеницы яровой твердой, выращенных в условиях северо-западной части Центрально – Черноземного региона в 2022–2025 гг. Исследуемые сорта удовлетворяют требованиям, предъявляемым к зерну на мировом рынке. Высокие показатели качества зерна и относительно стабильную урожайность во все годы исследования показали сорта пшеницы твердой яровой Триада и Фея. Триада – сорт интенсивного типа, зарекомендовал себя именно в Центрально-Чернозёмном регионе, отличается высокой стабильностью урожайности зерна, имеет высокий потенциал продуктивности, проявляет высокую устойчивость к полеганию при урожайности зерна ~ 6,0 тонн/га. Сорт Фея – максимальная урожайность отмечена в Орловской области в 2023 году – 6,54 т/га. Новый сорт характеризуется высокой урожайностью, адаптивностью, повышенным качеством зерна, устойчивостью к абиотическим факторам.

Ключевые слова: твёрдая пшеница, сорт, качество зерна, протеин, клейковина.

Abstract... The article presents the results of a study of the quality indicators of grain of spring durum wheat varieties grown in the northwestern part of the Central Black Earth Region in 2022–2025. The studied varieties meet the requirements for grain on the world market. High grain quality indicators and relatively stable yields in all years of the study were shown by the varieties of hard

spring wheat Triada and Feya. Triada is an intensive type variety that has proven itself in the Central Black Earth Region, is characterized by high stability of grain yield, has a high productivity potential, and exhibits high resistance to lodging with a grain yield of ~ 6.0 t/ha. Grade Feya – the maximum yield was recorded in the Oryol region in 2023–6.54 t/ha. The new variety is characterized by high productivity, adaptability, increased grain quality, resistance to abiotic factors

Keywords: durum wheat, variety, grain quality, protein, gluten.

Введение. Твердая пшеница ценится за свои диетические и питательные свойства. Твердые пшеницы используются предпочтительно при производстве макарон, а также при производстве других продуктов [1,2,3,4]. В связи с развитием предприятий по выпуску макаронных изделий возникла потребность в стабильном производстве зерна твёрдой пшеницы с высокими показателями качества [5,6]. Между тем, в настоящее время мнение многочисленных специалистов и экспертов сходятся на том, что ежегодно возрастает спрос на сорта твердых пшениц. Это объясняется тем, что постепенно, с каждым годом, повышается уровень жизни россиян, они стараются потреблять больше качественных макаронных изделий, которые изготавливаются из сортов твердых пшениц. В связи с прогнозируемым ростом спроса, некоторые крупные российские компании – производители стали осуществлять свои масштабные проекты, касающиеся интенсивного выращивания сортов твердых пшениц [7,8,9,10,11, 12].

В связи с развитием предприятий по выпуску макаронных изделий возникла потребность в стабильном производстве зерна твердой пшеницы с высокими показателями качества [13,14].

Следует отметить, что пшеница яровая твердая является единственным и незаменимым источником сырья для производства макаронных изделий и крупяной промышленности [15,16,17].

Пшеница яровая твердая считается наиболее полезной из всех видов пшениц. Она имеет высокие показатели пищевой ценности, богата белками, клетчаткой, витаминами и минералами. Зерно пшеницы яровой твердой отличается повышенной стекловидностью эндосперма, обладает высокими технологическими достоинствами [18].

В настоящее время макаронные изделия являются одним из наиболее доступных продуктов питания, изготавливаемые из твердых сортов пшениц. Эти изделия можно использовать в качестве разнообразных блюд и гарниров. Основными свойствами и положительными качествами макаронных изделий являются: питательность – не менее 12% белковых веществ и 70–72% углеводов; калорийность – около 350 килокалорий на 100 грамм; усвояемость питательных веществ; простота и быстрота приготовления [19].

Цель исследований – провести сравнительную оценку сортов пшеницы твердой яровой, выращенных в условиях конкурсного сортоиспытания на базе ФНЦ ЗБК в 2022–2025 гг., по элементам продуктивности для выявления лучших показателей зерна на крупяные цели.

Материалы и методы.

Полевые и лабораторные исследования выполнялись в лаборатории селекции зерновых крупяных культур ФНЦ ЗБК согласно Методическим рекомендациям ВИР (1981, 1983, 1988). Исследования провели по методике Госкомиссии по сортоиспытанию и охране селекционных достижений (1988). При качественной оценке зерна определяли показатели: урожайность, содержание протеина (или белка), количество клейковины в зерне. Физико-химические показатели качества зерна определяли стандартными методами: количество и качество клейковины – по ГОСТ 54478-2011; содержание белка в зерне определяли в лаборатории физиологии и биохимии растений в ФНЦ ЗБК на приборе Infratec 1241 Grain Analyzer.

Объекты исследования – сорт яровой твердой пшеницы Триада, созданный в результате кооперации селекционно-исследовательских работ ФНЦ зернобобовых и крупяных культур, ФГБНУ «НЦЗ им.П.П.Лукияненко» и Самарского НИИСХ-ФИЛИАЛа Самарского научного центра РАН, который решением Госкомиссии по испытанию и охране селекционных достижений РФ от 12.03.2020 года допущен (рекомендован) для хозяйственного использования в 5 регионе России; новый сорт (межвидовой гибрид) твердой яровой пшеницы Фея, полученного в результате сотрудничества ФНЦ зернобобовых и крупяных культур и Самарского НИИСХ – филиала Самарского НЦ РАН. Сорт Фея создан методом многократного индивидуального отбора из расщепляющейся межвидовой гибридной популяции F8: линия 682Д-7 (*Triticum durum* Desf.) × к-1949 (*Triticum dicoccum* Schubl). Сорт Фея с 2023 года допущен к использованию в Центрально-Чернозёмном регионе России; сорт яровой твердой пшеницы Донская Элегия, созданный ФГБНУ Федеральным Ростовским аграрным научным центром, включен в Госреестр по Центрально-Черноземному (5), Северо-Кавказскому (6) и Нижневолжскому (8) регионам с 2009 г.

Результаты и обсуждение.

При качественной оценке зерна твердой пшеницы в 2022–2025 гг. определяли показатели: урожайность, содержание протеина (или белка) и крахмала, качество клейковины, массу 1000зерен.

Главным критерием любой селекционной программы является урожайность. Изученные сорта обладают высоким генетическим потенциалом продуктивности (5,3–5,9 т/га). В наших исследованиях средняя урожайность в конкурсных испытаниях (2022–2025 гг.) составила –от 5,35 т/га у сорта

Донская Элегия до 5,93 т/га; у Триады от 4,13 т/га до 7,07 т/га и у Феи от 4,21 т/га до 6,54 т/га (табл. 1.).

Таблица 1. Урожайность сортов пшеницы твердой яровой в конкурсном сортоиспытании в 2022–25гг, т/га.

сорт	2022	2023	2024	2025	среднее
Триада ст.	4,13	7,06	7,07	5,47	5,933
Фея	4,21	6,54	6,38	5,12	5,563
Донская Элегия	4,22	5,96	6,45	4,76	5,348
НСР ₀₅	0,05	0,55	0,38	0,36	0,96

В современных условиях требуется не только повышение урожайности, но и качества зерна. В связи с увеличением спроса на макароны и крупы сорта твердой пшеницы должны быть коммерчески ценными – стабильно формировать высокий урожай с хорошими показателями качества зерна. Основными критериями согласно ГОСТу Р 52554–2006 для заготавливаемой и поставляемой твердой пшеницы в Российской Федерации являются такие показатели, как натура, содержание клейковины и её качество, содержание белка в зерне.

Изучение физико-химических свойств зерна сортов твердой яровой пшеницы показало, что по содержанию белка и клейковины все они в большинстве лет отвечают требованиям стандарта на твердую пшеницу (табл. 2).

Для выработки высококачественных макарон требуется мука, дающая плотное, вязное тесто, с хорошей сопротивляемостью к разрыву, достаточно упругое и эластичное, не деформирующееся в процессе изготовления, разделки, сушки, варки (Синицын С. С., 1987). Качество муки регламентируется ГОСТ 12307-66. Содержание белка в зерне твердой пшеницы не является строго лимитирующим фактором. Уровень белка в пределах 12–15% вполне достаточен для получения макаронных изделий, хорошего качества [14]. Соотношение содержания крахмала и белка в зерне пшеницы является одним из важных генотипических признаков, определяющих биохимическое качество зерна.

В годы исследований средний показатель содержания белка был 14,6% у сорта стандарта пшеницы твердой яровой, 14,8% у межвидового гибрида *Triticum durum* × *Triticum dicoccum* и 15,9 у сорта Донская Элегия. Содержание белка в зерне исследуемых сортов варьировало от 13,7 до 15,4% у сорта Триада, от 14,1 до 15,5% у сорта Фея и от 14,8 до 17,5% у сорта Донская Элегия (табл. 2.).

В соответствие с количеством протеина в зерне формируется и количество клейковины. Массовая доля клейковины согласно ограничительным нормам ГОСТ 9353-90 для твердых сортов пшеницы должна быть от 22%

до 28 %. Данным нормам соответствует сорт Триада и Фея. Средний показатель за 4 года исследований у сорта Триада – 27,1 %; у сорта Фея – 25,8 %, у сорта Донская Элегия 29,4 %. В годы исследований количество клейковины варьировало от 21,4 до 29,4 % у сорта Триада и от 26,2 до 29,0 % у сорта Фея, а у сорта Донская Элегия от 26,3 до 33,0 % (табл. 2.).

Таблица 2. Качество зерна сортов пшеницы твердой в 2022–25 гг.

Год/сорт	Белок, %			Клейковина, %			Крахмал, %		
	Д.Элег.	Фея	Триада	Д.Элег.	Фея	Триада	Д.Элег.	Фея	Триада
2022	17,5	15,5	15,4	33,0	29,4	29,0	62	63,8	63,3
2023	14,8	14,9	14,5	26,3	24,9	26,6	62,9	63	62,8
2024	15,9	14,5	13,7	29,4	21,4	26,6	62,9	64,4	64,1
2025	15,4	14,1	14,8	28,9	27,5	26,2	63,8	64,1	64,3
среднее	15,9	14,75	14,6	29,4	25,8	27,1	62,9	63,83	63,63
НСР ₀₅	1,158	0,597	0,707	2,758	3,465	1,281	0,735	0,602	0,699

Результаты структурного анализа свидетельствуют о различиях между сортообразцами по отдельным признакам и показателям растений. Самым низкорослым растением за годы исследований был сорт Триада (72,4см/80см). Средняя высота за 4 года исследований 78,7см. Рекордным по высоте до 115,8 см был сорт донская Элегия в 2024 г, средняя высота за годы исследований – 98,1см. Максимальная высота у сорта Фея – 109,8см в 2023 г, средняя высота за 4 года – 99,4см. По результатам исследований высоким показателем кустистости, а также наибольшей массе зерна с растения отмечена у нового сорта Фея (табл. 3).

Таблица 3. Характеристика растений сортов твердой пшеницы и межвидового гибрида Фея в конкурсном сортоиспытании (2022–2025 гг.)

год/сорт	Высота, см				Кустистость, шт.				Масса зерна с растения, г			
	2022	2023	2024	2025	2022	2023	2024	2025	2022	2023	2024	2025
Д.Элегия	87,9	100,5	115,8	88,2	2,0	2,2	2,4	2,4	1,95	3,19	3,78	2,07
Триада	72,4	78,8	82,0	81,6	2,6	3,0	2,2	1,9	2,73	4,05	3,72	2,31
Фея	88,9	109,8	106,4	92,4	2,8	3,1	2,4	2,1	3,28	5,44	3,31	2,90
НСР ₀₅	9,25	15,91	17,45	5,44	0,42	0,49	0,12	0,25	0,668	1,135	0,256	0,427

Лучшим генотипом по длине, массе зерна с колоса, а также числу зерен с главного колоса является новый сорт Фея. Наиболее крупнозёрный по массе 1000 зёрен в 2022 году был сорт Триада (стандарт), в 2023 году – сорт Фея (54,6 г), в 2024 и 2025 сорт Донская Элегия (табл. 4).

Таблица 4. Результаты структурного анализа сортов твердой пшеницы и межвидового гибрида по элементам продуктивности главного колоса

год/сорт	Длина колоса, см				Число зерен, шт.			
	2022	2023	2024	2025	2022	2023	2024	2025
Донская Элегия	7,2	5,9	6,6	5,9	29,7	37,1	35,4	31,9
Триада	7,1	6,1	6,4	6,0	38,7	38,6	38,4	36,2
Фея	7,7	7,0	6,7	6,3	39,4	51,6	38,0	42,1
НСР ₀₅	0,32	0,59	0,15	0,21	5,41	7,97	1,63	5,12
год/сорт	Масса зерна, г				Масса 1000 зёрен, г			
	2022	2023	2024	2025	2022	2023	2024	2025
Донская Элегия	1,28	1,93	1,96	1,52	43,2	51,5	55,3	47,2
Триада	1,92	1,79	1,98	1,46	49,5	46,1	51,4	40,4
Фея	1,99	2,77	1,75	1,70	48,3	54,6	45,9	40,5
НСР ₀₅	0,391	0,530	0,127	0,125	3,35	4,30	4,72	3,88

По результатам структурного и других анализов можно выделить межвидовой гибрид сорт Фея и сорт Триада в качестве исходного материала с комплексом хозяйственно ценных признаков.

Новый сорт Фея и сорт Триада имеют высокую урожайность, содержание белка, клейковины, а также стекловидность. Данные сорта соответствуют требованиям ГОСТ для зерна первого класса. (табл. 5)

Таблица 5. Краткая характеристика крупяных достоинств сортов твердой пшеницы, (2019–2020 гг.)

Показатель	Донская Элегия <i>Triticum durum</i>	Триада <i>Triticum durum</i>	Фея <i>Triticum durum</i> * <i>T. dicoccum</i>
Урожайность т/га	5,17	5,88	5,59
Содержание сырого протеина, %	15,2	16,6	16,1
Клейковина, %	26,5	29,2	28,1
Стекловидность, %	72,2	77,6	83,6
Коэффициент разваримости, балл	3,7	3,9	3,8

Таким образом, биологический потенциал современных сортов пшеницы твердой яровой позволяет в условиях Центрально – Черноземного региона России получать высокий и качественный урожай зерна, пригодный на продовольственные цели.

Триада – включён в Госреестр по Центрально-Чернозёмному (5) региону. Рекомендован для возделывания в Белгородской, Курской, Липецкой и Орловской областях. Разновидность гордеиформе. Сорт интенсивного типа, зарекомендовал себя именно в Центрально-Чернозёмном регионе, отличается высокой стабильностью урожайности зерна, имеет высокий потенциал продуктивности, проявляет высокую устойчивость к полеганию при урожайности зерна ~ 6,0 тонн/га. Триада даёт очень хороший выход макаронной муки. Сорт отличается высокой устойчивостью к комплексу патогенов. Отличается стабильностью формирования высококачественной клейковины. Масса 1000 зёрен – 35–49 г. Максимальная урожайность – 89,4 ц/га, получена в 2019 г. в Курской области. Устойчив к полеганию. По устойчивости к засухе уступает стандарту до 1 балла. Макароны качества хорошие. Устойчив к мучнистой росе. Умеренно восприимчив к пыльной головне. В полевых условиях слабо поражен стеблевой и бурой ржавчиной, сильно – септориозом.

Сорт Фея – включен в Госреестр по Центрально-Черноземному (5) региону. Рекомендован для возделывания в Белгородской области. Максимальная урожайность в Орловской области в 2022 году – 6,54 т/га. Средняя урожайность в регионе – 45,7 ц/га. В Белгородской области прибавка к стандарту Триада составила 6,5 ц/га при урожайности 39,2 ц/га. Максимальная урожайность (72,1 ц/га) получена в 2022 г. в Курской области. Масса 1000 зерен – 39–45 г. Устойчив к полеганию и засухе. Крупа и макаронные качества хорошие. Устойчив к пыльной головне. Умеренно восприимчив к мучнистой росе.

Новый сорт характеризуется высокой урожайностью, адаптивностью, повышенным качеством зерна, устойчивостью к абиотическим факторам. Сорт относится к разновидности *subsp. expansum* Vav., *var. gordeiforme*, отличается высокой устойчивостью к комплексу патогенов. Сорт предназначен для получения пшеничной и манной крупы. Эта яровая твёрдая пшеница является результатом скрещивания твёрдой пшеницы с полбой, поэтому у неё очень сильная устойчивость к листовым болезням, притом с высокими показателями качества крупы. Сорт сделан именно для приготовления пшеничных круп. Сорт, из которого можно получить манную, пшеничную крупу (а это булгур, кускус, крупы «Полтавская», «Артек» и т.д.) наивысшего качества.

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по теме «Селекция новых сортов и генотипов зерновых, зернобобовых и крупяных культур с повышенной устойчивостью к патогенам, абиотическим факторам, высоким качеством зерна» (FGZZ-2025–0015)

Литература

1. Belattar, Rima, Boudour, Leila; Chaib, Ghania *Analyse De La. Variation Morpho-Phenologique Et Genetique De Vingt Accessions Du Ble Dur Algerien (Triticum durum D.E.S.F.)*, 2016, *European Scientific Journal, ESJ*; Vol 12, No 24: *ESJ August Edition, Revista Cientifica Euro*.
2. Ivanisova A. S., Ilichkina N. P., Samofalova N. E. *Urozhajnost' ikachestvozer naozimojtverdojpshenicy razlichnyhgrupp spelosti [i dr.] (Yield and grain quality of winter durum wheat of different ripeness groups [and others])*, *Nauchno-praktich eskijzhurnalZernovoehozyajstvoRossii*. 2023. T. 15, No. 1. P. 70–75.
3. Lozhkin A. G., Shashkarov L. G., Eliseeva L. V., Alexandrova A. N. *Formation of elements of the harvesting structure of spring durum wheat in agroecological conditions of the Chuvash, IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, Macau, 21–24 July 2019, Macau: Institute of Physics Publishing, 2019, P. 012054*.
4. Ilichkina N. P., Samofalova N. E., Makarova T. S., Dubinina O. A. *Novyy sort ozimojtverdojpshenicyYubilyarka (The new variety of winter durum wheat Yubilyarka)*, *NauchnyzhurnalTavrisheskijvestnikagrarnojnauki*. 2020. No. 4(24). pp. 62–71.
5. *Научные основы производства высококачественного зерна пшеницы.* – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2018. – 396 с.
6. Розова М. А. *Особенности производства твердой пшеницы в Алтайском крае // Се лекция сельскохозяйственных растений в аридных территориях Сибири и Дальнего Вос тока: Материалы междунар. науч.-практ. конференции, 21–24 июля 2015 г. – Новосибирск, 2015. – С. 229–236*.
7. Lozhkin A. G., Malchikov P. N., Makushev A. E., Vasiliev O. A., Shashkarov L. G., Pushkarenko N. N. *Evaluation of spring durum wheat varieties by yield, structure and grain quality // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science: International AgroScience Conference, AgroScience 2019, Cheboksary. Cheboksary: Institute of Physics Publishing, 2020. P. 012045*.
8. Ложкин А. Г., Васильев О. А., Димитриев В. Л., Крамаренко А. В. *Влияние препаратов Bloom & Grow и Immune system на продуктивность яровой твердой и мягкой пшеницы в условиях Чувашской Республики // Зерновое хозяйство России. 2020. № 2 (68). С. 39–43*.
9. Ложкин А. Г., Мальчиков П. Н. *Продуктивность сортов яровой твердой пшеницы в Чувашской Республике // Аграрный научный журнал, 2018. № 12. С. 31–33*.

10. Самофалова Н. Е., Иличкина Н. П., Дубинина О. А., Ионова Е. В., Макарова Т. С., Костыленко О. А., Каменева А. С., Кравченко Н. С. Эйрена – сорт озимой твердой пшеницы, адаптированный к абиотическим и биотическим факторам среды // *Зерновое хозяйство России*. 2019. № 6 (66). С. 60–67.
11. Цыганков В. И., Губашева Б. Е., Аккереева Э. К., Цыганков А. В. Биохимическая и технологическая оценка зерна сортов яровой твердой пшеницы в засушливых условиях Западного Казахстана // *Наука и образование*. 2022. № 2 (67). С. 130–139.
12. Yasmina Semiani, Marie Stella Bradea, Abdelkader Benbelkacem, Mohammed Semian. Comparative study of proline accumulation of Some varieties of Durum Wheat (*Triticum durum* Desf.) under water Stress Conditions. *Bulletin of University of Agricultural Sciences and Veterinary Medicine Cluj-Napoca: Agriculture*, Vol 73, Iss 2, P. 306–310 (2016).
13. Научные основы производства высококачественного зерна пшеницы. – М.: ФГБНУ «Росинформагротех». 2018. – С. 396 с.
14. Розова М. А. Особенности производства твердой пшеницы в Алтайском крае. // *Селекция сельскохозяйственных растений в аридных территориях Сибири и Дальнего Востока: материалы междунар. науч.-практ. конференции, 21–24 июля 2015 г. Новосибирск, 2015.* – С. 229–236.
15. Голик В. С., Голик О. В. Селекция *Triticum durum* Desf. / *Ин-т растениеводства им. В. Я. Юрьева.* – Харьков: Магда ЛТД, 2008. – 519 с.
16. Sidorenko V. S., Tugareva F. V., Starikova Zh. V. Experimental verification of cluster analysis to identify valuable breeding samples of spring wheat. // *IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science* 650 (2021) 012105. doi:10.1088/1755-1315/650/1/012105 SCOPUS
17. Иванисова А. С. Оценка коллекционного материала озимой твердой пшеницы и выделение источников хозяйственно ценных признаков. // *Автореферат. Зерноград*. 2024. 24 с
18. Доронин В. Г., Ледовский Е. Н., Кривошеева С. В. Защита яровой мягкой пшеницы от листостебельных болезней. // *Земледелие*. – 2016. – № 6. – С. 43–45.
19. Евдокимов М. Г. Яровая твердая пшеница в Сибирском Прииртышье: монография / М. Г. Евдокимов, В. С. Юсов. – Омск: ООО ИПЦ «Сфера», 2008–160с.
20. Н. С. Васильчук Селекция яровой твердой пшеницы / Н. С. Васильчук. – Саратов. 2001. – 119с.

ВЛИЯНИЕ ДОБАВКИ ВОССТАНОВЛЕННОГО ФОСФОГИПСА НА ОПТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МАТЕРИАЛА

Ротин Виталий Викторович

Шабельская Нина Петровна

доктор технических наук, профессор

Южно-Российский государственный политехнический

университет (НПИ) имени М. И. Платова,

г. Новочеркасск, Российская Федерация

С ростом промышленного производства образуются отходы, переработка которых является актуальной задачей современного общества [1]. Фосфогипс – это побочный продукт производства фосфорной кислоты, основным компонентом которого является дигидрат сульфата кальция [2]. Фосфогипсовые отвалы будут представлять серьезную проблему для окружающей среды, если их не перерабатывать [3]. В этой связи вопрос о том, как организовать вторичное использование фосфогипса, является актуальным с экологической и экономической точки зрения. В последние годы ученые во всем мире провели многочисленные исследования по обработке и использованию фосфогипса [4–11]. Например, керамический композиционный модификатор, полученный из фосфогипса, улучшил адсорбционную способность урана [5], комбинация фосфогипса и лигнинового осадка может быть использована в качестве почвенной добавки для обеспечения необходимыми питательными веществами и кальцием роста растений [6]. Фосфогипс также может быть смешан со строительными отходами, стальным шлаком, молотым гранулированным доменным шлаком и другими твердыми отходами, для получения улучшающих добавок в цемент [7]. На основе фосфогипса получают вяжущие материалы [8]. Проводятся многочисленные исследования по извлечению редких элементов из фосфогипса [9]. В исследовании [10] фосфогипс был предложен в качестве пассивата для извлечения из почв соединений мышьяка. В работе [11] фосфогипс использовали для частичной замены диоксида титана в составе белой эмульсионной краски. В большинстве описанных исследований фосфогипс повторно использовали в качестве вяжущих материалов, модификаторов и добавок к почве, что указывает на то, что фосфогипсовые твердые отходы широко применяют без изменения химического

состава. Тем не менее, количество производимого фосфогипса по-прежнему значительно превышает используемое, что приводит к необходимости поиска новых способов его переработки.

Целью исследования являлось изучение возможности использования термообработанного фосфогипса в качестве наполнителей ПВХ профилей по ряду показателей.

Экспериментальная часть

Для синтеза материалов был использован фосфогипс для сельского хозяйства и сульфат кальция $\text{CaSO}_4 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$. В качестве восстановителя использовали лимонную кислоту ($\text{C}_6\text{H}_8\text{O}_7$). Более подробно технология восстановления рассмотрена в работе [12].

Продукт восстановления представлял собой порошок светло-серого цвета, в основном, состоящим из сульфида кальция (CaS) с небольшим количеством примесей (в основном: не прореагировавший гипс и активаторы). В горячей воде компонент гидролизуется (разлагается), термостойкий, разрушается (реагирует) в присутствии кислот, не растворим, имеется едкий запах.

Так как в стандартном рецепте концентрация пигментов примерно равна 0,5 мас. долям – были смешаны и протестированы 4 тестовых рецепта:

Тест-1: содержал 0,5 мас. доли восстановленного фосфогипса;

Тест-2: содержал 1,0 мас. доли восстановленного фосфогипса;

Тест-3: содержал 1,5 мас. доли восстановленного фосфогипса;

Тест-4: содержал 2,0 мас. доли восстановленного фосфогипса.

Проектные рецепты были протестированы по следующим показателям, посредством лабораторных испытаний: цветность, глянец.

Результаты и обсуждение

Важно заметить, что компаунд смешивался исключительно из компонентов одной партии (за исключением ПВХ). Каждый из компонентов в рецепте проходит входной контроль при поступлении до процесса смешивания.

Смешивание проектных рецептов производилось на лабораторном миксере, согласно технологическому алгоритму, максимально приближенному к процессу производственного смешивания.

По имеющимся данным проектных рецептов были составлены графики в сравнении со стандартным рецептом.

На рис 1а понижение показателя цвета по ΔL . Показатель характеризует цвет от светлого (+) в темный (–). Соответственно, чем показатель ниже, тем больше тускнеют другие колориметрические характеристики, такие как Δa от красного (+) в зеленый (–) и Δb от желтого (+) в синий (–). В сравнительной характеристике со стандартным параметром тестовые показатели вне допуска, заявленных производителем. По допускам в соответствии с ГОСТ 30673-2013 подходит только Тест-1 (линия допуска нанесена

на рис. 1а пунктиром). Рассматривая данный показатель, при возможном дальнейшем использовании исследуемого компонента, следует корректировать концентрации других компонентов в рецепте.

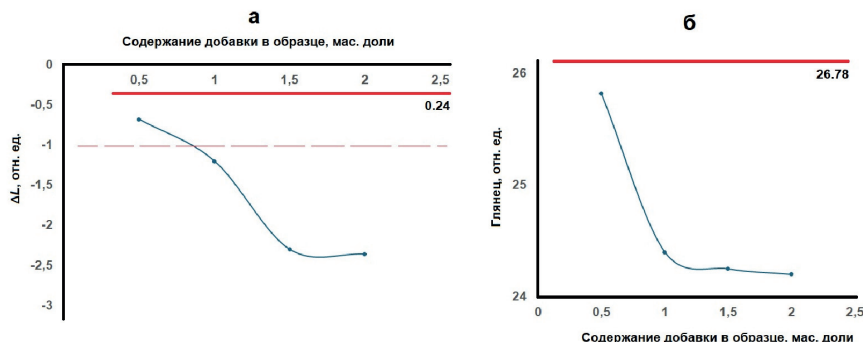

Рис. 1. Цветность (а) и глянец (б) поливинилхлоридных материалов в зависимости от содержания добавки

Анализируя данные рис. 1б можно выявить, что при добавлении в рецепт исследуемого компонента и последующем увеличении его концентрации – уменьшается параметр глянца сверху. Рассматривая данный показатель, следует придерживаться концентрации исследуемого компонента в рецептуре – от 0,5 до 1,0 мас. долей.

Глянец поверхности компаунда в экструдере характеризует блеск и эстетические качества материала. На глянец влияют, в частности, следующие факторы:

- Структура частиц наполнителя. Частицы с небольшим соотношением сторон, например CaCO_3 или BaSO_4 , не обеспечивают значительное улучшение прочности на растяжение и сопротивление на разрыв, но повышают коэффициент упругости. Частицы с большим соотношением сторон, такие как тальк или волластонит, помогают улучшить прочность на разрыв и сопротивление износу.

- Распределение частиц наполнителя. Поведение частиц в процессе зависит от вандерваальсовых сил, действующих между частицами (размер частиц > 1 мкм), и дисперсионных сил трения в экструдере (размер частиц < 10 мкм).

- Поверхность наполнителя. Степень диспергирования на поверхности обозначает число точек адгезии между наполнителем и полимерными цепочками. Чем больше поверхность, тем больше точек адгезии, что приводит к улучшению механических свойств (более высокая ударная вязкость и лучший блеск поверхности полимера).

Выводы

Изучена возможность введения в поливинилхлоридную матрицу добавки восстановленного фосфогипса. Показано, что увеличение введенной добавки негативно влияет на цветность изделий и их блеск. Для сохранения качества товарной продукции, следует использовать исследуемый компонент в рецептуре в количестве от 0,5 до 1,0 мас. долей.

Литература

1. И. В. Соколов, Ю. Г. Антипин, А. А. Рожков, Ю. М. Соломеин, *Зап. Горн. ин-та*. 260. 289–296 (2023).
2. L. Ou, R. Li, H. Zhu, H. Zhao, R. Chen, *J. Clean. Prod.* 420. 138332 (2023).
3. М. Г. Выстрчил, В. Н. Гусев, А. К. Сухов, *Зап. Горн. ин-та*. 262. 562–570 (2023).
4. Т. Е. Литвинова, Д. В. Сучков, *Зап. Горн. ин-та*. 264. 906–918 (2023).
5. M. D. Syczewski, A. Borkowski, A. Gasainski, J. Raczko, K. Mordak, I. Gradziel, M. Krzesicka, M. Kalaska, M. Siuda, *Appl. Geochem.* 123. 10 (2020).
6. V. A. Matveeva, Y. D. Smirnov, D. V. Suchkov, *Environmen. Geochem. Health.* 44 (5). 1605–1618 (2022).
7. A.R.D. Costa, S.R.C. Matos, G. Camarini, J. P. Goncalves, *Sustain. Mat. Technol.* 28. 13 (2021).
8. А. А. Сагындыков, Б. А. Нурлыбаев, Н. Т. Карабаев, А. К. Медетов, *Механ. технол.* 1 (75). 71–77 (2022).
9. И. С. Недбаев, Н. В. Цывкунова, Е. Ю. Елсукова, *Вестн. евраз. науки.* 14 (4). 10 (2022).
10. M. Ma, X. Xu, Z. Ha, Q. Su, C. Lv, J. Li, D. Du, R. Chi, *Environmen. Poll.* 336. 122258 (2023).
11. Z. Valančius, R. Vaickelionienė, G. Vaickelionis, P. Makčinskis, *J. Clean. Prod.* 380 (1). 134888 (2022).
12. О. А. Меденников, Н. П. Шабельская, *Тонк хим. технол.* 17 (4). 357–368 (2022).

СРАВНЕНИЕ SIMCLR-ОРИЕНТИРОВАННОГО И СЛУЧАЙНОГО ОТБОРА ИЗОБРАЖЕНИЙ ПРИ ОГРАНИЧЕННОМ БЮДЖЕТЕ РАЗМЕТКИ

Мельников Никита Сергеевич

студент

Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

Аннотация. *Исследуется эффективность активного отбора изображений на основе представлений SimCLR в условиях ограниченного бюджета ручной разметки. Эксперимент выполнен на STL-10: из обучающего пула объемом 4000 изображений формировались подмножества размером 5, 10, 20 и 40%, после чего на них обучалась модель YOLOv8n-cls. Сравнивались две стратегии: случайный отбор и стратегия simclr_al, использующая self-supervised представления SimCLR. Для каждого бюджета проведено по три запуска с seed 42, 43 и 44. Качество оценивалось на тестовой выборке из 8000 изображений по Top-1 Accuracy, Macro-F1 и Balanced Accuracy. Средняя Accuracy случайного отбора составила 58,38; 74,97; 81,04 и 84,96%, а SimCLR-ориентированного отбора – 54,95; 74,89; 80,47 и 84,49% соответственно. Разность между методами составила –3,44, –0,08, –0,57 и –0,48 процентного пункта. Стратегия simclr_al превзошла случайный отбор только в 2 из 12 попарных сравнений. Наибольшее ухудшение наблюдалось при минимальном бюджете 5%, тогда как при 10–40% методы показывали близкие результаты с небольшим преимуществом случайного отбора. Поклассовый анализ выявил неоднородный эффект: F1 для классов «собака» и «обезьяна» возрастал на всех бюджетах, а для «корабля» и «грузовика» снижался. Полученные результаты показывают, что в исследованной реализации использование признакового пространства SimCLR для отбора не повысило label efficiency и потребовало дополнительного вычислительного этапа.*

Ключевые слова: активное обучение, SimCLR, self-supervised learning, контрастивное обучение, отбор данных, классификация изображений, бюджет разметки, YOLOv8, STL-10.

1. Введение

Обучение современных моделей компьютерного зрения требует значительных объёмов размеченных данных. При этом в прикладных задачах изображения часто доступны в большом количестве, но их разметка ограничена стоимостью работы аннотаторов, сроками проекта и необходимостью экспертной проверки. Активное обучение направлено на уменьшение этих затрат: вместо случайной передачи объектов на разметку алгоритм выбирает подмножество, которое предположительно содержит наиболее полезную информацию для последующего обучения модели [1].

Для глубоких нейронных сетей предложены стратегии, основанные на неопределённости предсказаний, разнообразии выборки, геометрии пространства признаков и градиентных представлениях [2–4]. Однако преимущество активного отбора не гарантировано. Его результат зависит от качества представлений, критерия выбора, размера пакета, начального состояния модели и соответствия между пространством, в котором выполняется отбор, и downstream-задачей.

Self-supervised метод SimCLR обучает визуальный encoder без классовых меток, сближая представления двух аугментированных видов одного изображения и разделяя представления разных изображений [5]. Такие признаки потенциально могут использоваться не только для переноса весов, но и для выбора репрезентативного подмножества из неразмеченного пула. При этом остаётся открытым практический вопрос: даёт ли такой отбор преимущество перед простой случайной выборкой при одинаковом числе размеченных объектов.

Цель работы – экспериментально сравнить SimCLR-ориентированный и случайный отбор изображений при нескольких бюджетах разметки. В отличие от исследований, где self-supervised веса непосредственно переносятся в классификатор, здесь проверяется именно стратегия формирования размечаемого подмножества. Основные задачи:

1. сравнить качество двух стратегий при бюджетах 5, 10, 20 и 40%;
2. проверить устойчивость результата на трёх seed;
3. оценить поклассовые изменения качества;
4. сопоставить выигрыш в метриках с дополнительными вычислительными затратами.

2. Материалы и методы

2.1. Датасет и разбиение

Эксперимент проводился на наборе STL-10 [6], включающем изображения десяти классов. Использовались обучающий пул из 4000 изображений, валидационная выборка из 1000 изображений и тестовая выборка из 8000 изображений. Тестовая часть сбалансирована: каждый класс представлен 800 объектами.

Из обучающего пула формировались подмножества размером 200, 400, 800 и 1600 изображений, что соответствует 5, 10, 20 и 40% доступных

данных. Для каждого бюджета использовались seed 42, 43 и 44. Одинаковые значения seed применялись для попарного сопоставления методов.

2.2. Стратегии отбора

Случайный отбор. Из обучающего пула выбиралось заданное число изображений с использованием соответствующего seed. Этот вариант выступал базовой стратегией и не требовал отдельного обучения модели представлений.

SimCLR-ориентированный отбор. Стратегия, обозначенная в эксперименте как `simclr_al`, включала self-supervised обучение SimCLR в течение 20 эпох и последующее формирование подмножества на основе полученных представлений. Для двух аугментированных видов изображения i и j SimCLR минимизирует NT-Xent loss:

$$\ell_{i,j} = -\log [\exp(\text{sim}(z_i, z_j)/\tau) / \sum_{k \neq i} \exp(\text{sim}(z_i, z_k)/\tau)] \quad (1)$$

где z – проекция признакового представления,

sim – косинусная близость,

τ – температурный параметр [5].

Рис. 1. Схема экспериментального сравнения стратегий отбора

Предоставленные итоговые выгрузки фиксируют завершённые результаты стратегии `simclr_al`, но не содержат отдельной формулы `acquisition score`. Поэтому выводы относятся к реализованному пайплайну отбора в целом и не интерпретируются как оценка конкретного критерия неопределённости или кластеризации.

2.3. Классификатор и обучение

Для обеих стратегий использовалась одна и та же модель `yolov8n-cls.pt` библиотеки Ultralytics [7]. Размер входного изображения составлял 96×96 пикселей, продолжительность supervised-обучения – 20 эпох. Для каждого seed сначала формировались подмножества всех четырёх размеров, затем классификатор обучался и оценивался при одинаковой схеме валидации и тестирования.

Такой дизайн изолирует влияние состава размеченного подмножества: downstream-архитектура, количество эпох, размер изображения и объём выборки внутри каждой пары совпадают.

2.4. Метрики и агрегирование

Основной метрикой являлась Top-1 Accuracy:

$$\text{Accuracy} = (1/N) \sum_{i=1}^N 1(y_i = \hat{y}_i). \quad (2)$$

Дополнительно рассчитывались Macro-F1 и Balanced Accuracy:

$$\text{MacroF1} = (1/C) \sum_{c=1}^C 2P_c R_c / (P_c + R_c), \quad (3)$$

$$\text{BAcc} = (1/C) \sum_{c=1}^C R_c, \quad (4)$$

где $C = 10$, P_c и R_c – precision и recall класса c . Для каждого сочетания метода и бюджета приведены среднее и стандартное отклонение по трём seed. Попарный прирост определялся как

$$\Delta M = M_{\text{simclr_al}} - M_{\text{random}}. \quad (5)$$

Положительное значение означает преимущество SimCLR-ориентированного отбора.

3. Результаты

3.1. Агрегированное качество

Результаты по Top-1 Accuracy приведены в табл. 1. При всех четырёх бюджетах средняя Accuracy случайного отбора была выше. Наибольшая разница наблюдалась при 5 % данных: 58,38 % против 54,95 %, то есть –3,44 п. п. для simclr_al. При 10% результаты практически совпали, а при 20 и 40 % дефицит SimCLR-ориентированного отбора составил менее 0,6 п. п.

Таблица 1. Top-1 Accuracy, среднее $\pm$ стандартное отклонение, %

Разметка	Random	SimCLR-AL	Δ , п. п.
5 %	58,38 $\pm$ 1,01	54,95 $\pm$ 1,36	–3,44
10 %	74,97 $\pm$ 0,63	74,89 $\pm$ 0,32	–0,08
20 %	81,04 $\pm$ 0,69	80,47 $\pm$ 0,78	–0,57
40 %	84,96 $\pm$ 0,77	84,49 $\pm$ 0,33	–0,48

Обе кривые на рис. 2 закономерно возрастают с увеличением числа размеченных объектов. Основное расхождение сосредоточено в low-label режиме. Начиная с 10 % разметки различия становятся небольшими по сравнению с абсолютным ростом качества от добавления данных.

Macro-F1 демонстрирует ту же общую картину (табл. 2). При 5 % случайный отбор превосходит simclr_al на 3,21 п. п. При 10% SimCLR-ориентированный вариант имеет формальное преимущество 0,07 п. п., которое меньше разброса между seed. При 20 и 40 % random снова оказывается выше на 0,52 и 0,48 п. п.

Balanced Accuracy совпадает с обычной Accuracy до округления, что объясняется равным числом тестовых объектов каждого класса. Следовательно, итоговое сравнение не изменяется при переходе от общей доли правильных ответов к среднему recall по классам.

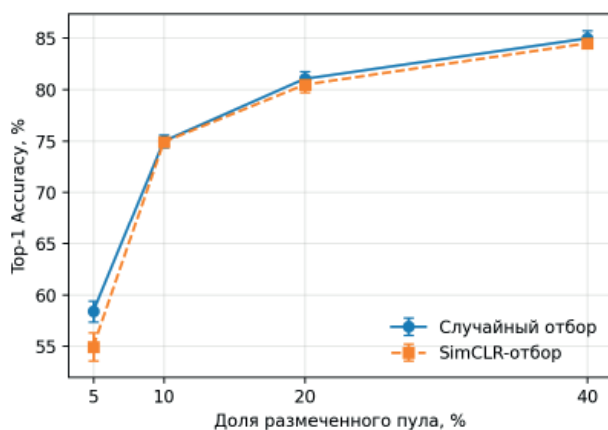

Рис. 2. Зависимость Top-1 Accuracy от бюджета разметки

Таблица 2. Macro-F1, среднее $\pm$ стандартное отклонение, %

Разметка	Random	SimCLR-AL	Δ , п. п.
5 %	$56,92 \pm 1,32$	$53,71 \pm 1,35$	-3,21
10 %	$74,61 \pm 0,74$	$74,68 \pm 0,34$	+0,07
20 %	$80,90 \pm 0,67$	$80,38 \pm 0,80$	-0,52
40 %	$84,90 \pm 0,83$	$84,42 \pm 0,32$	-0,48

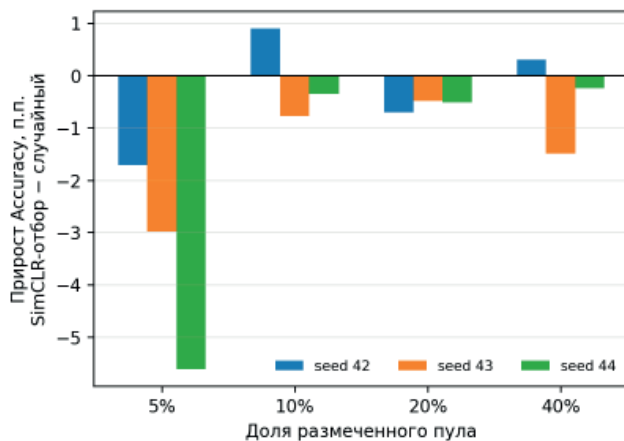

Рис. 3. Попарные изменения Accuracy для каждого seed

3.2. Попарный анализ по seed

Из 12 попарных сравнений по Ассигасу стратегия `simclr_al` выиграла два: при seed 42 на бюджетах 10 и 40 %. В остальных десяти случаях преимущество осталось за случайным отбором. Минимальный прирост составил $-5,61$ п. п. при 5 % и seed 44, максимальный $+0,90$ п. п. при 10 % и seed 42.

При 5 % все три значения отрицательны: $-1,71$, $-2,99$ и $-5,61$ п. п. Это указывает на устойчивый дефицит SimCLR-ориентированного отбора именно при самом жёстком ограничении бюджета. При 10 и 40 % направление эффекта зависит от seed, но среднее остаётся около нуля с небольшим преимуществом `random`. При 20 % все три различия также отрицательны, однако их абсолютная величина мала: от $-0,70$ до $-0,49$ п. п.

Три повторения на бюджет недостаточны для надёжного вывода о статистической значимости небольших различий. Поэтому значения менее одного процентного пункта интерпретируются как отсутствие практического преимущества `simclr_al`, а не как доказательство универсального превосходства `random`.

3.3. Поклассовые различия

Агрегирование по классам показывает, что влияние стратегии неоднородно (рис. 4). При 5 % разметки наиболее сильное снижение F1 наблюдалось для классов «самолёт» ($-18,2$ п. п.), «грузовик» ($-11,1$ п. п.), «автомобиль» ($-6,8$ п. п.) и «корабль» ($-4,3$ п. п.). Одновременно F1 для «обезьяны» увеличился на $8,5$ п. п., а для «собаки» — на $4,2$ п. п.

Для классов «собака» и «обезьяна» средний прирост F1 положителен на всех четырёх бюджетах. Для «корабля» и «грузовика» он отрицателен на всех бюджетах. Такая структура показывает, что близкое общее качество при 10–40 % скрывает перераспределение ошибок между классами.

Причину этого эффекта нельзя установить только по итоговым метрикам. Возможными проверяемыми гипотезами являются различия в классовом составе выбранных подмножеств, недостаточное покрытие внутриклассового разнообразия или несоответствие геометрии SimCLR-признаков границам downstream-классов. Для подтверждения требуется анализ файлов выбранных индексов, распределения классов и расстояний в embedding-пространстве.

3.4. Вычислительные затраты

SimCLR-предобучение занимало в среднем 3964 с, или около 66 мин на один seed. Случайный отбор не требовал этого этапа. Поэтому при отсутствии выигрыша в итоговых метриках стратегия `simclr_al` в текущей конфигурации имеет худшее соотношение качества и вычислительной стоимости.

Полное wall-clock время отдельных запусков не используется для прямого количественного сравнения: два `random`-запуска выполнялись на GPU, один — на CPU, тогда как завершённые `simclr_al`-запуски выполнялись на GPU. Кроме того, поле общего времени включает последовательную

обработку нескольких бюджетов и служебные этапы. Корректно сравнивать только наличие дополнительного SimCLR-предобучения, а не абсолютные значения суммарного времени между всеми seed.

4. Обсуждение

Эксперимент не подтвердил гипотезу о том, что SimCLR-ориентированный отбор автоматически повышает эффективность разметки. В наиболее важном low-label режиме 5 % метод не просто не улучшил результат, а уступил случайному отбору по всем seed и основным метрикам. При больших бюджетах различия уменьшились, но устойчивого преимущества также не появилось.

Отрицательный результат не означает, что self-supervised представления бесполезны для active learning в целом. Он показывает, что само наличие пространства признаков SimCLR недостаточно: качество определяется тем, каким acquisition-критерием выбираются объекты и какие свойства выборки он оптимизирует. Современные методы active learning обычно комбинируют разнообразие с неопределённостью модели, поскольку выбор только геометрически отличающихся объектов может не соответствовать объектам, наиболее полезным для разделяющей границы [2–4].

Возможным фактором является короткое SimCLR-предобучение: использовано 20 эпох, тогда как эффективность контрастивных представлений чувствительна к длительности обучения, аугментациям и размеру batch [5]. Другая возможная причина состоит в том, что downstream-классификатор инициализировался из готового чекпоинта yolov8n-cls.pt. Следовательно, классификатор уже обладал предварительно обученными визуальными признаками, а дополнительная ценность выбора по отдельному SimCLR-пространству могла быть ограничена. Эти объяснения являются гипотезами и требуют отдельных абляций.

Поклассовая картина особенно важна. Улучшение для животных «собака» и «обезьяна» одновременно со снижением для транспортных классов показывает, что одна агрегированная метрика не полностью описывает поведение стратегии. В практической системе такой сдвиг может быть неприемлем даже при равной общей Accuracy, если классы имеют разную бизнес-ценность или стоимость ошибки.

5. Ограничения исследования

Во-первых, использованы только три seed, поэтому небольшие отличия в пределах одного процентного пункта нельзя считать статистически устойчивыми. Во-вторых, эксперимент проведён на одном датасете, одной архитектуре и четырёх бюджетах.

В-третьих, предоставленная агрегированная выгрузка не раскрывает точную формулу acquisition score стратегии simclr_al. Это ограничивает

воспроизводимость алгоритмической части и не позволяет отделить вклад SimCLR-признаков от вклада конкретного правила выбора.

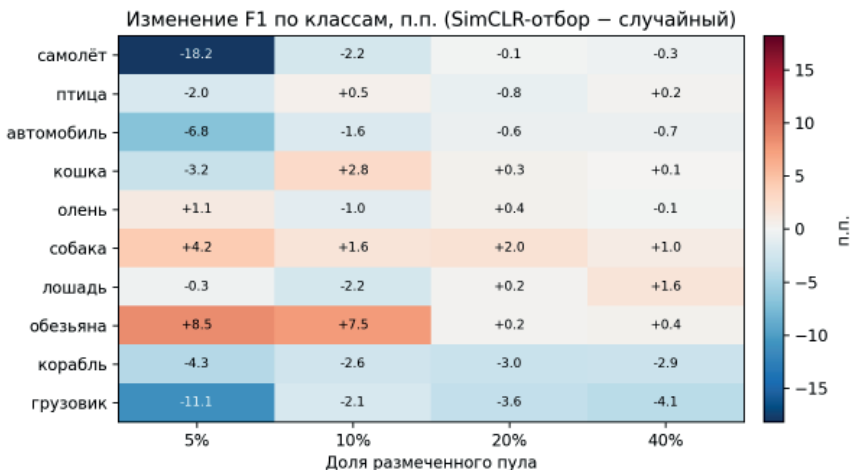

Рис. 4. Поклассовое изменение F1; положительные значения соответствуют преимуществу SimCLR-ориентированного отбора

В-четвёртых, сравнение включает только random baseline. Для полноценной оценки необходимо добавить uncertainty sampling, core-set, BADGE и простой кластерный отбор. В-пятых, не проведены абляции длительности SimCLR-предобучения, аугментаций, размерности embedding и способа нормализации признаков.

Наконец, для активного обучения важно моделировать итерационный процесс: разметить стартовый набор, обучить модель, выбрать следующую партию и повторить цикл. В рассматриваемом эксперименте оцениваются фиксированные подмножества при разных бюджетах, поэтому результат относится к batch selection, а не к полноценному многократному циклу взаимодействия модели с аннотатором.

6. Заключение

Проведено сравнение случайного и SimCLR-ориентированного отбора изображений на STL-10 при бюджетах разметки 5, 10, 20 и 40%. Для каждого бюджета выполнено три попарных запуска, а downstream-модель и схема обучения оставались одинаковыми.

SimCLR-ориентированный отбор не превзошёл random baseline: средняя разность Top-1 Ассигасу составила $-3,44, -0,08, -0,57$ и $-0,48$ п.п. Стратегия выиграла только 2 из 12 попарных сравнений. Наиболее выраженный

отрицательный эффект получен при 5 % разметки, где random оказался лучше по всем трём seed. При 10–40 % различия между методами невелики, однако дополнительное SimCLR-предобучение занимало около 66 мин на seed. Таким образом, в исследованной реализации стратегия `simclr_al` не обеспечила повышения label efficiency и не компенсировала вычислительные затраты.

Дальнейшая работа должна быть направлена на явное сочетание разнообразия и неопределённости, контроль классового состава выбранных партий, увеличение длительности self-supervised обучения и сравнение с современными active-learning baseline. Отрицательный результат здесь является полезным: он фиксирует границы простого отбора по self-supervised представлениям и задаёт конкретные направления улучшения метода.

Список литературы

1. Settles B. *Active Learning Literature Survey*. Computer Sciences Technical Report 1648. University of Wisconsin–Madison, 2009.
2. Sener O., Savarese S. *Active Learning for Convolutional Neural Networks: A Core-Set Approach* // *International Conference on Learning Representations*. 2018.
3. Yoo D., Kweon I. S. *Learning Loss for Active Learning* // *Proceedings of the IEEE/CVF Conference on Computer Vision and Pattern Recognition*. 2019. P. 93–102.
4. Ash J. T., Zhang C., Krishnamurthy A., Langford J., Agarwal A. *Deep Batch Active Learning by Diverse, Uncertain Gradient Lower Bounds* // *International Conference on Learning Representations*. 2020.
5. Chen T., Kornblith S., Norouzi M., Hinton G. *A Simple Framework for Contrastive Learning of Visual Representations* // *Proceedings of the 37th International Conference on Machine Learning*. PMLR. 2020. Vol. 119. P. 1597–1607.
6. Coates A., Ng A., Lee H. *An Analysis of Single-Layer Networks in Unsupervised Feature Learning* // *Proceedings of the Fourteenth International Conference on Artificial Intelligence and Statistics*. PMLR. 2011. Vol. 15. P. 215–223.
7. Ultralytics. *YOLOv8 Documentation: Image Classification*. URL: <https://docs.ultralytics.com/tasks/classify/> (дата обращения: 22.07.2026).

DOI 10.34660/INF.2026.93.37.054

УДК 004.415.2:004.738.5

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ РАЗДЕЛЕНИЯ КОДА И ОПТИМИЗАЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ОДНОСТРАНИЧНОГО РЕАКТ-ПРИЛОЖЕНИЯ

Устинов Даниил Николаевич

студент

*Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия*

Аннотация. В работе исследовано раздельное и совместное влияние двух распространённых методов оптимизации клиентских веб-приложений: разделения JavaScript-кода по маршрутам и оптимизации доставки изображений. Для эксперимента разработано одностраничное приложение на React с четырьмя функциональными разделами, локальным набором из 18 000 аналитических записей и восемью изображениями. Сформированы четыре эквивалентные production-сборки: базовая, с разделением кода, с преобразованием изображений JPEG в WebP и отложенной загрузкой, а также комплексно оптимизированная. Каждая конфигурация пять раз протестирована с помощью Lighthouse в режиме мобильной эмуляции и симулированного ограничения ресурсов. По медиане измерений комплексная оптимизация снизила объём первоначально передаваемых данных с 7,85 до 0,31 МБ, уменьшила Largest Contentful Paint с 29,62 до 2,50 с и повысила Performance Score с 55 до 93. Установлено, что разделение кода преимущественно влияет на ранний вывод интерфейса и объём JavaScript, а оптимизация изображений – на сетевой трафик и время отображения крупнейшего элемента. Совместное применение методов устраняет оба независимых узких места, однако требует контроля визуальной стабильности при использовании асинхронных компонентов.

Ключевые слова: React, одностраничное приложение, производительность, разделение кода, динамический импорт, lazy loading, WebP, Lighthouse.

Abstract. *The paper evaluates isolated and combined effects of route-based JavaScript code splitting and optimized image delivery in a React single-page application. Four equivalent production builds were tested five times with Lighthouse mobile emulation. The combined configuration reduced initial transfer size from 7.85 MB to 0.31 MB, decreased median LCP from 29.62 s to 2.50 s, and increased the Lighthouse Performance Score from 55 to 93. The results show that code splitting and image optimization address different bottlenecks and provide the strongest effect when applied together.*

Keywords: *React, SPA, web performance, code splitting, dynamic import, lazy loading, WebP, Lighthouse.*

Введение

Одностраничные веб-приложения переносят значительную часть логики на клиентскую сторону. По мере роста проекта увеличиваются объём JavaScript-кода, число экранов и количество медиаресурсов, которые браузер должен загрузить, разобрать и выполнить до формирования рабочего интерфейса. В результате даже корректно спроектированное приложение может демонстрировать длительный первый вывод содержимого, позднее появление основного элемента страницы и задержки главного потока.

Для снижения начальной нагрузки применяются разделение кода и отложенная доставка ресурсов. Функция `React.lazy` позволяет загружать код компонента только при его фактическом отображении, а `Suspense` – показывать промежуточное состояние до завершения асинхронной загрузки [1, 2]. В основе этого механизма лежит динамический `import()`, загружающий модуль асинхронно и по требованию [3]. Для медиаконтента аналогичную задачу решают современные форматы с более эффективным сжатием и браузерная отложенная загрузка изображений, расположенных вне первоначальной области просмотра [4, 5].

Практическая проблема состоит в том, что перечисленные методы воздействуют на разные составляющие критического пути рендеринга. Уменьшение JavaScript не обязательно устраняет задержку крупного изображения, а сокращение веса изображений не компенсирует синхронный импорт тяжёлого модуля. Поэтому целью работы является количественная оценка изолированного и совместного влияния разделения кода и оптимизации изображений на производительность одного и того же React-приложения в контролируемых условиях. Гипотеза исследования заключается в том, что комплексная конфигурация даст существенно больший эффект, чем каждый метод по отдельности, поскольку одновременно уменьшит начальный объём исполняемого кода и сетевой вес медиаресурсов.

Обзор связанных исследований

Современные исследования рассматривают производительность веб-приложений как многокомпонентную характеристику, зависящую от объёма передаваемых ресурсов, вычислений в главном потоке, стратегии рендеринга и выбранной методики измерения. В обзоре J. Vepsäläinen, A. Hellas и P. Vuorimaa частичная загрузка, устранение неиспользуемого кода и сжатие ресурсов выделяются как самостоятельные направления оптимизации [13]. Эксперимент I. Malavolta и соавторов на мобильных веб-приложениях также показал, что исключение неиспользуемого JavaScript способно одновременно уменьшать объём сетевой передачи и время загрузки [14]. Эти результаты подтверждают целесообразность отдельной оценки начального JavaScript-пакета.

Медиаресурсы формируют вторую значимую составляющую веса страницы. Анализ 10 000 популярных веб-страниц, выполненный A. Saarinen и соавторами, продемонстрировал существенный потенциал сокращения передаваемых данных при сохранении основного содержимого [15]. При этом результаты лабораторных измерений зависят от выбранного маршрута: W. Aqeel и соавторы установили заметные различия между главными и внутренними страницами сайтов [16]. Поэтому в настоящей работе объект измерения зафиксирован явно – первоначальная загрузка главного маршрута одного SPA, а выводы ограничены рассматриваемой архитектурой и условиями теста.

Материалы и методы

Для эксперимента разработано локальное одностраничное приложение React Performance Lab. Оно включает главную страницу с восемью графическими карточками, каталог из 240 элементов, аналитический раздел и профиль. Аналитический модуль импортирует JSON-набор из 18 000 записей и при загрузке выполняет группировку и агрегацию данных. Это создаёт воспроизводимую вычислительную и сетевую нагрузку без обращения к внешним API, CDN и веб-шрифтам.

Приложение реализовано на React 19.2.0 и собрано Vite 8.1.5. Во всех конфигурациях сохранены одинаковые интерфейс, тексты, маршруты и локальные данные. Изменялись только стратегия импорта экранов и способ доставки изображений. Vite формирует отдельные асинхронные чанки при использовании динамических импортов, что позволяет исключить код неоткрытых маршрутов из первоначальной загрузки [12]. Состав вариантов приведён в таблице 1.

Исходный объём восьми JPEG-файлов в production-сборке составлял 4,11 МБ. После преобразования в WebP он уменьшился до 0,26 МБ, то есть на 93,65 %. Для изображений были явно заданы ширина и высота, что предотвращало изменение геометрии страницы после загрузки. Основное

изображение первого экрана загружалось немедленно; отложенная загрузка применялась только к карточкам ниже первоначальной области просмотра. Такой подход соответствует рекомендации не откладывать ресурс, потенциально формирующий LCP [4, 5].

Таблица 1 – Экспериментальные конфигурации приложения

Конфигурация	Импорт экранов	Доставка изображений
Базовая	Статический импорт всех четырёх экранов	Исходные JPEG; все восемь файлов загружаются немедленно
Разделение кода	React.lazy и dynamic import для каждого маршрута	Исходные JPEG; немедленная загрузка
Изображения	Статический импорт всех экранов	WebP; первые два изображения eager, остальные lazy; async decoding
Комплексная	React.lazy и dynamic import для каждого маршрута	WebP и отложенная загрузка изображений ниже первого экрана

Измерения выполнялись на ноутбуке с Windows 11, процессором AMD Ryzen 74800HS, 16 ГБ оперативной памяти и Google Chrome 150. Использовались Node.js 25.6.0 и Lighthouse 13.4.1. Lighthouse является автоматизированным инструментом аудита веб-страниц и может запускаться как Node.js-модуль [6]. Для каждой конфигурации выполнялась production-сборка и пять последовательных аудитов на localhost со стандартной мобильной эмуляцией, симулируемым ограничением сети и процессора, а также очисткой хранилища между запусками.

Фиксировались интегральный Performance Score, First Contentful Paint (FCP), Largest Contentful Paint (LCP), Total Blocking Time (TBT), Speed Index, Cumulative Layout Shift (CLS), объём первоначально переданных данных, объём JavaScript и изображений, а также число сетевых запросов. FCP характеризует момент появления первого содержимого, LCP – время отображения крупнейшего видимого элемента, TBT – суммарное время блокировки главного потока, а CLS – визуальную стабильность страницы [8–11]. Основным статистическим показателем выбрана медиана пяти запусков, поскольку она менее чувствительна к единичным фоновым отклонениям среды; дополнительно сохранялись средние значения и полные JSON-отчёты.

Результаты

Результаты пяти прогонов каждой конфигурации оказались стабильными. Например, LCP базовой версии находился в диапазоне 29,57–29,62 с, а комплексной – 2,47–2,51 с. Стандартное отклонение LCP составило 20,4 мс для базовой конфигурации, 19,6 мс для разделения кода, 0,7 мс для оптимизации

изображений и 17,6 мс для комплексного варианта. Коэффициент вариации во всех случаях не превысил 0,8%, что позволяет использовать медианные значения для дальнейшего сравнения. Основные показатели представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Медианные значения метрик Lighthouse

Конфигурация	Score	FCP, с	LCP, с	TBT, мс	CLS	Данные, МБ	Запросы
Базовая версия	55	19.26	29.62	68.0	0.0000	7.85	12
Разделение кода	70	1.92	10.92	0.0	0.1094	4.32	13
Оптимизация изображений	55	19.21	19.73	23.5	0.0000	3.84	7
Комплексная оптимизация	93	1.91	2.50	0.0	0.1094	0.31	8

Разделение кода уменьшило первоначально передаваемый JavaScript с 3,73 до 0,20 МБ (на 94,67%). Это сократило медианный FCP с 19,26 до 1,92 с и LCP с 29,62 до 10,92 с. При этом полный размер production-сборки практически не изменился: тяжёлый аналитический модуль сохранился, но был вынесен в отдельный чанк и не загружался при открытии главной страницы. Количество начальных запросов выросло с 12 до 13, что отражает дополнительный асинхронный чанк, однако его небольшой сетевой штраф оказался значительно ниже выигрыша от исключения неиспользуемого кода.

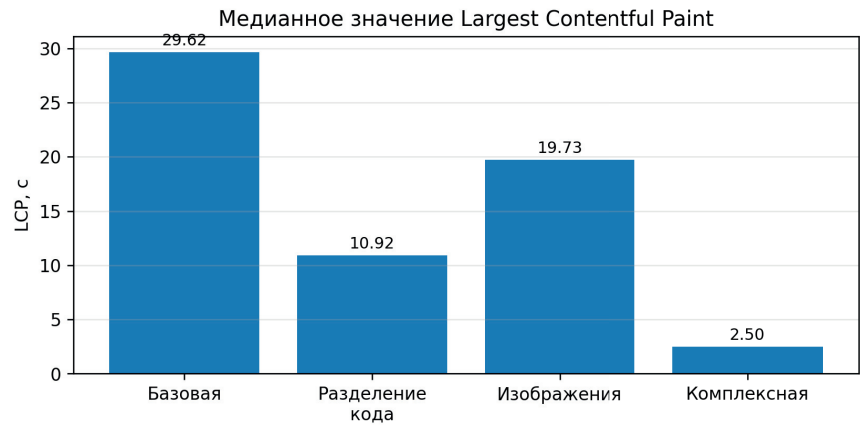

Рисунок 1 – Изменение медианного LCP при разных стратегиях оптимизации

Оптимизация изображений снизила первоначальный объём графики с 4,11 до 0,10 МБ (на 97,50%) и общий трафик с 7,85 до 3,84 МБ. LCP уменьшился на 33,37% – до 19,73 с, а TBT – с 68 до 23,5 мс. Вместе с тем FCP и интегральный Performance Score практически не изменились. Причина состоит в сохранении статически импортированного аналитического модуля: браузер по-прежнему загружал и обрабатывал около 3,73 МБ JavaScript до первого содержимого.

Комплексная конфигурация обеспечила наибольший эффект. Первоначальный объём данных уменьшился на 96,06% – с 7,85 до 0,31 МБ, FCP сократился на 90,10%, а LCP – на 91,54%. Performance Score вырос с 55 до 93, то есть перешёл из диапазона «требуется улучшения» в диапазон хорошей производительности по шкале Lighthouse [7]. Медианный LCP составил 2,504 с, практически достигнув рекомендуемой границы 2,5 с [9].

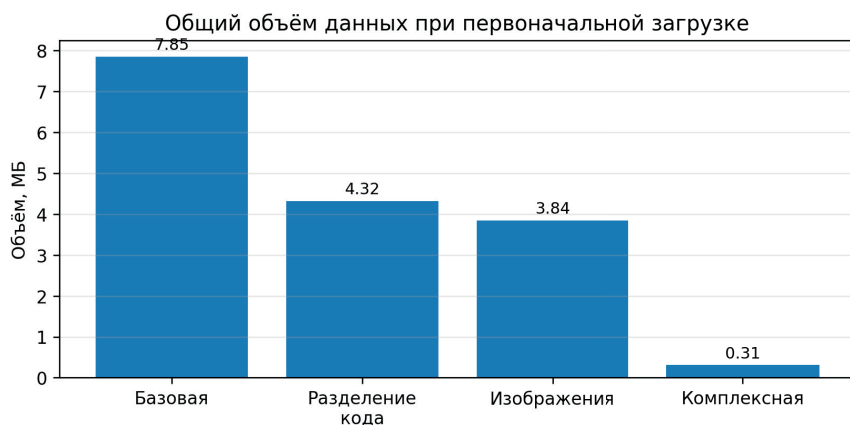

Рисунок 2 – Объём данных, переданных при первоначальной загрузке

Обсуждение результатов

Эксперимент подтверждает, что разделение кода и оптимизация изображений воздействуют на разные узкие места. Route-based code splitting прежде всего исключает из начального графа зависимостей код экранов, которые пользователь ещё не открыл. В созданном стенде наиболее тяжёлым являлся аналитический модуль с массивом из 18 000 записей и вычислениями на уровне модуля. Его перенос в асинхронный чанк почти не уменьшил полный размер сборки, но радикально снизил начальную стоимость загрузки и выполнения JavaScript.

Преобразование JPEG в WebP и отложенная загрузка карточек ниже первого экрана, напротив, почти не повлияли на FCP при наличии тяжёлого

синхронного JavaScript. При этом метод заметно улучшил LCP и более чем в 40 раз уменьшил первоначальный объём изображений. Результат показывает, что единый Performance Score не следует использовать как единственный критерий: в конфигурации «Изображения» итоговый балл остался равным 55, хотя LCP улучшился примерно на треть, а общий трафик сократился более чем вдвое. Для инженерных решений необходимо анализировать отдельные метрики и профиль передаваемых ресурсов.

Совместное применение методов дало эффект, существенно превышающий каждый отдельный вариант. Это объясняется не формальным сложением процентов, а последовательным устранением двух независимых ограничений: сначала из начальной загрузки исключается тяжёлый код неоткрытых маршрутов, затем сокращается медиатрафик текущей страницы. После этого главным LCP-элементом становится оптимизированное изображение первого экрана, которому дополнительно задан высокий приоритет загрузки.

Наряду с положительным эффектом выявлен компромисс. В вариантах с React.lazy медианный CLS составил 0,1094, тогда как в синхронных вариантах он был равен нулю. Полученное значение немного превышает рекомендуемую границу 0,1 [11]. Вероятной причиной является различие размеров временного fallback-компонента Suspense и фактического содержимого страницы. Следовательно, при внедрении разделения кода необходимо резервировать пространство под асинхронный экран либо применять skeleton-интерфейс с геометрией, близкой к конечному состоянию. Таким образом, ускорение загрузки не отменяет необходимости отдельного контроля визуальной стабильности.

Ограничения исследования

Исследование выполнено в лабораторной среде на одном устройстве и в одной версии Chromium. Симулируемое ограничение Lighthouse обеспечивает повторяемость, но не воспроизводит всё разнообразие реальных сетей, устройств, кэшированных и повторных посещений. Стенд представляет один тип SPA и не охватывает серверный рендеринг, предварительную загрузку маршрутов, HTTP/2 и HTTP/3, CDN, адаптивные изображения srcset, AVIF и полевые данные реальных пользователей. Поэтому численные значения не следует переносить на любой React-проект без дополнительного измерения. При этом изолированный дизайн эксперимента позволяет надёжно сравнить направления изменений внутри одинакового приложения.

Заключение

В работе экспериментально оценено влияние разделения кода и оптимизации изображений на производительность одностраничного React-приложения. Разделение кода сократило начальный JavaScript на 94,67% и FCP на 90,05%, но не устранило задержку тяжёлых JPEG-изображений.

Оптимизация изображений уменьшила их первоначальный трафик на 97,50 % и LCP на 33,37 %, однако не решила проблему синхронной загрузки крупного JavaScript-бандла. Комплексный вариант снизил общий объём первоначально переданных данных на 96,06 %, уменьшил LCP на 91,54 % и повысил Performance Score с 55 до 93.

Полученные результаты подтверждают исходную гипотезу: максимальный эффект достигается при совместной оптимизации вычислительной и медиасоставляющей критического пути. Практический вывод состоит в необходимости начинать работу не с механического применения отдельных рекомендаций, а с анализа структуры первоначальной загрузки. Для многомаршрутных React-приложений рациональной базовой стратегией является разделение кода по маршрутам, использование современных форматов изображений и lazy loading только для ресурсов ниже первого экрана. Дополнительно требуется контролировать CLS и размеры промежуточных состояний асинхронных компонентов.

Список литературы

1. *React. lazy – API Reference.* – URL: <https://react.dev/reference/react/lazy> (дата обращения: 26.07.2026).
2. *React. Suspense – API Reference.* – URL: <https://react.dev/reference/react/Suspense> (дата обращения: 26.07.2026).
3. *MDN Web Docs. import() – JavaScript Reference.* – URL: <https://developer.mozilla.org/en-US/docs/Web/JavaScript/Reference/Operators/import> (дата обращения: 26.07.2026).
4. *MDN Web Docs. Lazy loading – Web performance.* – URL: https://developer.mozilla.org/en-US/docs/Web/Performance/Guides/Lazy_loading (дата обращения: 26.07.2026).
5. *MDN Web Docs. Image file type and format guide.* – URL: https://developer.mozilla.org/en-US/docs/Web/Media/Guides/Formats/Image_types (дата обращения: 26.07.2026).
6. *Chrome for Developers. Introduction to Lighthouse.* – URL: <https://developer.chrome.com/docs/lighthouse/overview> (дата обращения: 26.07.2026).
7. *Chrome for Developers. Lighthouse performance scoring.* – URL: <https://developer.chrome.com/docs/lighthouse/performance/performance-scoring> (дата обращения: 26.07.2026).
8. *web.dev. First Contentful Paint (FCP).* – URL: <https://web.dev/articles/fcp> (дата обращения: 26.07.2026).
9. *web.dev. Largest Contentful Paint (LCP).* – URL: <https://web.dev/articles/lcp> (дата обращения: 26.07.2026).

10. *web.dev. Total Blocking Time (TBT).* – URL: <https://web.dev/articles/tbt> (дата обращения: 26.07.2026).
11. *web.dev. Cumulative Layout Shift (CLS).* – URL: <https://web.dev/articles/cls> (дата обращения: 26.07.2026).
12. *Vite. Building for Production.* – URL: <https://vite.dev/guide/build> (дата обращения: 26.07.2026).
13. *Vepsäläinen J. Overview of Web Application Performance Optimization Techniques / J. Vepsäläinen, A. Hellas, P. Vuorimaa // Web Information Systems and Technologies: 19th International Conference, WEBIST 2023, Revised Selected Papers. – 2025. – Vol. 543. – P. 45–62. – DOI: 10.1007/978-3-031-89621-7_3.*
14. *Malavolta I. JavaScript Dead Code Identification, Elimination, and Empirical Assessment / I. Malavolta, K. Nirghin, G. L. Scoccia et al. // IEEE Transactions on Software Engineering. – 2023. – Vol. 49, No. 7. – P. 3692–3714. – DOI: 10.1109/TSE.2023.3267848.*
15. *Saarinen A. Understanding and Mitigating Webpage Data Bloat: Causes and Preventive Measures / A. Saarinen, M. Z. Farooqi, M. Pärssinen, J. Manner // ACM SIGENERGY Energy Informatics Review. – 2025. – Vol. 4, No. 5. – P. 106–112. – DOI: 10.1145/3727200.3727216.*
16. *Aqeel W. On Landing and Internal Web Pages: The Strange Case of Jekyll and Hyde in Web Performance Measurement / W. Aqeel, B. Chandrasekaran, A. Feldmann, B. M. Maggs // Proceedings of the ACM Internet Measurement Conference. – 2020. – P. 680–695. – DOI: 10.1145/3419394.3423626.*

DOI 10.34660/INF.2026.93.96.006

ИТОГИ ПРИЁМНОЙ КАМПАНИИ 2025–2026 УЧЕБНОГО ГОДА В ГБПОУ «МАГАДАНСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ТЕХНИКУМ»: АНАЛИЗ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Димитров Владислав Игоревич

Научный руководитель – Широкова Елена Александровна

Северо-Восточный государственный университет

Введение

Приёмная кампания 2025–2026 учебного года в ГБПОУ «Магаданский политехнический техникум» (ГБПОУ МПТ) и его Ольском филиале стала важным этапом в развитии системы среднего профессионального образования (СПО) региона. В условиях демографических и экономических вызовов, характерных для Магаданской области, результаты приёма отражают не только текущие потребности рынка труда, но и эффективность реализуемых государственных программ, в первую очередь – федеральной инициативы «Профессионалитет». Настоящая статья посвящена анализу итогов кампании, выявлению ключевых тенденций и оценке перспектив развития кадрового обеспечения региона.

Общие итоги приёмной кампании

В целом по ГБПОУ МПТ контрольные цифры приёма (КЦП) выполнены на 87%, что свидетельствует о высокой востребованности образовательных программ техникума. В Ольском филиале показатель ниже – 68,6%, что требует отдельного анализа причин и корректировки региональной политики набора. На заочном отделении по специальности «Экономика и бухгалтерский учёт» (по отраслям) КЦП выполнены на 100%, что подтверждает стабильный интерес к экономическим профессиям.

В связи с неполным выполнением плана по ряду специальностей приём документов был продлён до 25 ноября 2025 года для очной формы (специальности: геология, маркшейдерское дело, землеустройство, эксплуатация сельхозтехники, ветеринария) и до 1 декабря 2025 года для заочной формы. Это позволило привлечь дополнительный контингент абитуриентов и частично компенсировать недобор.

Анализ структуры приёма по специальностям

Анализ статистической справки позволяет выделить несколько ключевых тенденций.

1. Востребованность технических и инженерных специальностей

Наибольший интерес абитуриентов проявлен к специальностям, связанным с ИТ, строительством, геологией и горным делом. Например:

- о Сетевое и системное администрирование: подано 100 заявлений на 47 мест (конкурс 2,22 чел./место).

- о Информационные системы и программирование: 103 заявления на 27 мест (конкурс 4,12).

- о Маркшейдерское дело: 112 заявлений на 25 мест (конкурс 4,48).

- о Геологическая съёмка, поиски и разведка месторождений: 98 заявлений на 26 мест (конкурс 3,96). Высокий конкурс свидетельствует о популярности этих профессий и осознанном выборе молодёжи в пользу технических специальностей, востребованных в экономике региона.

2. Стабильный интерес к экономическим профессиям

Специальность «Экономика и бухгалтерский учёт» остаётся одной из самых популярных как на очной (65 заявлений на 25 мест), так и на заочной (43 заявления на 20 мест) формах обучения. Средний балл аттестата по этим группам также высок (4,12 и 4,10 соответственно), что говорит о качественной подготовке абитуриентов.

3. Развитие аграрного и сервисного секторов

В Ольском филиале реализуются программы по эксплуатации сельхозтехники, ветеринарии и дошкольному образованию. Хотя КЦП выполнены не полностью, наличие набора по этим направлениям важно для обеспечения кадрами сельских территорий и социальной сферы.

4. Региональные особенности набора

На базе 11 классов (среднее общее образование) конкурс ниже, чем на базе 9 классов. Это связано с тем, что часть выпускников школ предпочитает поступать в вузы или уезжает из региона. Тем не менее по ключевым техническим специальностям (геология, маркшейдерское дело) конкурс сохраняется на уровне выше среднего.

Роль программы «Профессионалитет»

Значительная часть специальностей ГБПОУ МПТ реализуется в рамках нового образовательного стандарта «Профессионалитет» (отмечены * в таблице). Это направление предполагает:

- интеграцию образования и производства;
- практико-ориентированное обучение;
- использование современных технологий.

Выпускники этих программ получают не только диплом СПО, но и реальные навыки работы на современном оборудовании, что повышает их конкурентоспособность на рынке труда Магаданской области.

Проблемы и вызовы

Несмотря на положительные результаты, сохраняются следующие проблемы:

- недобор в Ольском филиале: требует анализа причин (демография, транспортная доступность, информированность населения);
- миграция молодёжи: даже при наборе студентов существует риск их оттока после окончания обучения;
- необходимость обновления материально-технической базы: для реализации современных программ требуется постоянное финансирование.

Заключение

Итоги приёмной кампании 2025–2026 учебного года демонстрируют высокую эффективность работы ГБПОУ «Магаданский политехнический техникум» как ключевого центра подготовки кадров для экономики региона. Стабильный спрос на технические специальности, успешная реализация программы «Профессионалитет» и высокий уровень подготовки абитуриентов создают прочную основу для дальнейшего развития кадрового потенциала Магаданской области. Для преодоления существующих вызовов необходимо продолжить работу по популяризации рабочих профессий, развитию филиальной сети и укреплению связей с работодателями.

**SPIRITUAL SOLACE IN A FAST-PACED ERA:
ANALYZING THE PSYCHOLOGY
OF THE «EMOTIONAL ECONOMY»
THROUGH THE LABUBU PHENOMENON**

Zhang Huanming

Master's student

Al-Farabi Kazakh National University, Al-Farabi Business School

Abstract: *The fast pace and heavy pressure of modern society are driving a paradigm shift in consumer behavior; with individuals increasingly willing to pay a premium for «emotional value.» Taking Pop Mart's blockbuster IP «LABUBU» as a case study, this paper argues that herd mentality and the «lottery effect» of blind boxes form the underlying logic of its global frenzy. Notably, through its cross-disciplinary collaboration at the 2026 FIFA World Cup, LABUBU successfully stitched its pop-toy identity into the collective emotions of global sports. The study demonstrates that modern consumption has entered an era where «emotional needs dominate,» and commodities have evolved into a form of spiritual solace for individuals coping with anxiety.*

I. Introduction: Utilitarianism to the Left, Emotion to the Right

In an era of material abundance, traditional competition based on cost-effectiveness and functionality faces diminishing marginal returns. Conversely, the high-intensity, fast-paced nature of contemporary life has brought widespread psychological anxiety and emotional burnout to the public. As people grow physically exhausted by the daily grind, they increasingly turn to consumption in search of an «emotional antidote.»

The decision-making logic of modern consumers is undergoing a fundamental transformation: **the share of «emotional value» in total consumption expenditures is rapidly increasing.** People no longer buy products simply because they are «useful»; they buy them for self-gratification, stress relief, and spiritual solace. The global LABUBU craze that swept the world between 2025 and 2026 is a quintessential reflection of this «emotional economy» era.

II. The Core Emotional Drivers Behind the LABUBU Phenomenon

1. The Herd Mentality: Social Currency and Subculture Identity

From global pop icons frequently flaunting the toy on social media to office workers hanging it on their daily commutes, LABUBU has transcended the definition of a standard toy to become a powerful **social token**.

- **Visual Password:** In a high-pressure, alienated society, wearing it serves as a visual password for trendsetters and the younger generation to recognize like-minded peers.

- **Data Validation:** This immense emotional stickiness is directly reflected in financial performances. In the first half of 2025 alone, the series generated 4.81 billion RMB in revenue (a 668% year-on-year increase), with global sales surpassing 100 million units. This proves that behind the massive traffic lies a global consumer thirst for a sense of belonging.

2. The Gamble on Luck: The «Lottery Psychology» of Blind Boxes

Herd mentality and luck are the two core psychological pillars that keep consumers hooked on LABUBU.

By placing highly sought-after «chase/hidden figures» with massive secondary-market premiums into random, cute toy boxes, the brand essentially leverages a lottery-style psychological gamble.

- **Instant Dopamine Hits:** Fast-paced lives strip people of a sense of control over their long-term futures. However, the suspense and anticipation at the exact moment of unboxing provide consumers with a low-threshold, instant hit of dopamine.

- **Affordable Thrills:** What people are addicted to is not just the figure itself, but the thrill of banking on «luck» as a playful, accessible way to resist life's uncertainties.

3. World-Class Crossover: Emotional Stitching at the 2026 World Cup

At the 2026 FIFA World Cup, LABUBU appeared on the pitch as a special guest wearing custom football jerseys, alongside the launch of the «THE MONSTERS × FIFA» co-branded collection. This cross-disciplinary move was a textbook success. It seamlessly blended the collective frenzy and sense of honor felt by hardcore football fans with the companionship sought by pop-toy collectors. The World Cup stage amplified a trendy toy into a global cultural symbol, proving that a mature IP can transcend geographical and cultural barriers to carry higher-level collective spiritual resonance.

III. Conclusion: Management Insights into the «Emotional Era»

The center of gravity in the consumer market has permanently shifted. In this era where «emotion dominates,» businesses must look beyond mere product functionality and begin studying the «psychological remedies» needed by modern consumers.

The ultimate takeaway is clear: Whoever can utilize engaging marketing mechanisms (such as controlled scarcity and playful gamification) to offer affordable, warm, and timely psychological compensation to people under pressure will secure the most resilient emotional attachment from consumers in future global business competition.

DOI 10.34660/INF.2026.94.41.168

DISCRETE AND CONTINUOUS THEORETICAL TEXTUAL AND VISUAL GENERALIZATIONS IN THE ACTIVITY OF A MANAGER

Karpenko Alexander Gennadievich

*Presidential Academy,
Moscow, Russian Federation*

Kiselev Vladimir Dmitrievich

*Doctor of Business Administration, Professor of Practice
Presidential Academy,
Moscow, Russian Federation*

Abstract. *The relevance of the topic is due to the lack of scientific reflection on cognitive graphics and methods of its organization, despite its widespread use in various fields of human activity. New information and communication technologies are constantly opening up opportunities for managers to provide multidimensional and dynamic visual representation of complex technical, technological, and socio-economic data, sometimes not directly accessible to them. The steady growth of interest in this issue is explained by the need to typologies various visual tools of cognitive graphics, which are actively developing in various subject areas.*

Research question: «is it possible to present a partially observed phenomenon so that the research manager can better understand its essence, is it possible to determine how to organize the means of presenting information to others in such a way that they follow a similar path of cognition that the research manager himself went through when creating these means of theoretical and visual generalization».

In this context, two main aspects of information acquisition can be distinguished: figurative, which provides only a visual representation, and theoretical, which allows us to reveal the essence of this visual representation and form a new, deeper understanding of the phenomenon.

Keywords: *the activity of a research supervisor; theoretical generalization of information, six normal forms, visualization of professional knowledge, transfer of knowledge to subordinates.*

Introduction

For a research manager, in a smooth (evolutionary) or abrupt (revolutionary) process of human development, in controlled or uncontrolled changing internal

and external environments, ways to generate «new professional knowledge (empirical, theoretical, methodological and design properties), its generalization, correct abstraction, compact conceptualization, appropriate dissemination and Securing subordinates is a long-standing problem (difficulty), which is solved each time in a different way during the transition to the next stage of development. But how? The problem is solved or not solved methodologically in different ways, which sometimes leads to the dramatization of the life of an individual, a group leader, a group, and even the entire society» [Киселев, 2025].

The professional competence of a manager includes the skill of generalizing personal and/ or group ideas about complex objective reality, developing ways to organize such generalizations that allow to simply and compactly overcome the «curse of dimensionality» of a complex or very complex system and / or its management system. Methodologically correct tools and skills for theoretical and visual generalization as types of managerial activities are necessary for a leader (small group, group, organization, group of organizations) to achieve the desired productivity, effectiveness, efficiency, synergy and success, which actually makes him a manager «in his place».

In the objective reality of a person, in his perception and thinking, dihedral discreteness and analog continuity alternate and mix – different aspects of the manifestation of objective reality. Can one dialectically pass into the other, merging and not contrasting? Is it possible to correctly form discrete (identifiable and quantifiable) representations of continuous (streaming, continuous) processes that occur at different and varying speeds, and are not always fully observable? Can continuum schemes (models), which are essentially discrete, adequately describe the picture of a continuous world? Can separate discrete words (terms) is it correct to describe a continuous palette of colors and their shades? Can individual phonemes, words, and sentences that make up a continuous or intermittent stream of speech describe a continuous stream of observations, experiences, and operations, actions, and human activity?

In mathematics, the concept of continuity does exist, but only because mathematicians allow infinity as a complete object. This is convenient, but in a sense absurd: such a construction makes the formulations compact, but it is based on an assumption that has no physical analogue. Georg Cantor, introducing completed infinity not as a process, but as an entity, drew analogies from religious beliefs (he was a Lutheran), for which he is still criticized, despite the fact that his approach has become a mathematical classic.

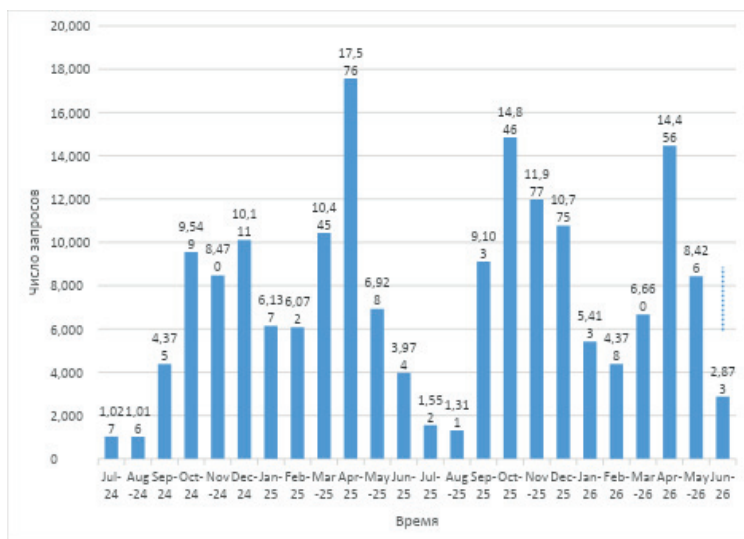
However, in modern fields of activity where computing and modeling are actively used, criticism of this «convenient absurdity» is becoming louder. In natural sciences such as physics, chemistry, biology, continuity is always just a model. We are dealing with finite quantities within a particular system. The

belief in the continuity of space-time is a relic of the Newtonian era, when physics dealt only with macro scales.

Systems theory offers a key concept for understanding this topic – emergence. For each modeled system, it is possible to identify a scale, when approaching which the system loses its meaning as a whole: its properties and entities begin to break down into simpler parts. This is how discreteness arises as a result of the destruction of the model when approaching (focusing on the quotient). However, this is not fundamental, but relative discreteness. The smaller level to which we have moved may also have its own «imaginary continuity», which will crumble again as we approach it further.

Literature review

The increase in requests (Fig.1) «to Yandex Wordstat on the topic of «Theoretical generalization» over the past two years has amounted to more than four thousand. There were no requests for the phrases «methods of organizing theoretical generalizations» and «theoretical generalizations in the activities of a supervisor» during the same period, that is, these topics in the user community have not been reflected at all, have not been developed, or have been developed very little» [Киселев, 2025].

Drawing 1. Yandex Wordstat, the number of queries and the trend of the phrase «Theoretical generalizations» over two years throughout the Russian Federation

Source: compiled by the authors

During the entire time of information collection, the E-Library for the «Theoretical Generalization» industrial project revealed and issued reports on publications (it should be noted, of a very different theoretical level in quality) on the core of RSCI – 5, on RSCI – 26, on elibrary.ru – 29 (see Table.1). It's very small.

Table 1. The «Theoretical generalization» queries on elibrary.ru

The key word	Number of publications
Theoretical generalization	22
Empirical and theoretical generalization	6
Meaningful theoretical generalization in the learning process	1
Total:	29

Source: compiled by the authors

Theoretical and methodological foundations of the research

The works of the scientific school «Technetika» (the system-cenological approach of Professor B. I. Kudrin; the works of Professor S. V. Chebanov; the works of Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor N. N. Nechaev.

Cenology is a scientific field that studies cenoses of various natures, founded by Professor Boris Ivanovich Kudrin (1934–2020). Kudrin took the concept of «cenosis» from biology (e.g., the cenosis of forests, swamps, or meadows, i.e., a stable (non-degenerating) community of organisms that live in the same environment and exchange resources with each other) and extended it to patterns of behavior of technical and material (e.g., a fleet of machine tools, books in a library, production waste) and social systems. The basic idea of B. I. Kudrina: «The world (living and inanimate, from microparticles, societies of different sizes and galaxies) is described by models of hyperbolic ranked H-distribution» [Киселев, 2025].

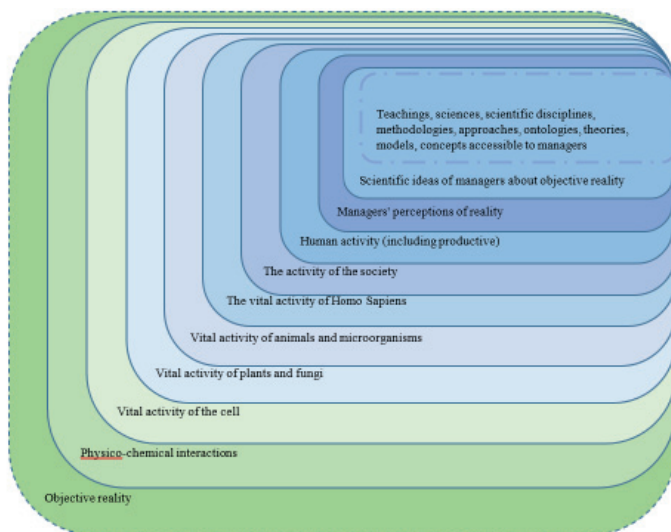
Objective reality, generalizing subject ontologies, methodologies, theories, models, concepts and paradigms

Figure 2 shows the relationship of widely used scientific terms, for example, methodology, ontology, theory, model, concept, paradigm against the background of objective reality. The terms are arranged on reductionist levels.

Characteristics of most sciences, doctrines, and academic disciplines:

- the orientation of adept researchers towards knowledge;
- objective evidence-based knowledge (using methods of analysis and synthesis, comparison and generalization, concretization and abstraction, classification and systematization, reduction and cenologization);
- experimental and/or experimental and/or logical recheck of all obtained results and/or statements;
- search for stable patterns, laws, scalable invariants and constants;

- focus on innovations as a result that can be made innovations (discoveries in a new scientific paradigm are «rethinking already known facts,» argued T. Kuhn);
- using the achievements of all branches of mathematics and focusing on measurability, accuracy, operationalization, productivity, efficiency, efficiency and synergy, necessary and sufficient simplicity of presentation of the research results;
- mandatory quantitative and qualitative modeling (including using representation languages) of the phenomenon under study and its essence;
- The dialectic of oppositional and cooperative relations of empiricism, theory and methodology;
- mandatory comparability and reproducibility of research results (based on common metrics), independence of results from the researcher's personality type;
- in cybernetics, the first–order juxtaposition of subject and object, the second–order juxtaposition of subject and subject, the third-order juxtaposition of subject and meta-subject;
- The presentation of the results during publication is one-dimensional (usually text or scale), two-dimensional (hypertext or flat visualization) and n-dimensional (using cognitive graphics).

Drawing 2. Interrelated levels of objective reality described by methodologies, methodological approaches, subject ontologies, theories, models, concepts, concepts, and terms.

Source: compiled by the authors

The structure of the research manager's activity

«All the elements of Figure 3 «The structure of the research manager's activity» can be addressed with questions, for example: what is the object of research (the phenomenon being studied/observed); what is the subject of research; who is the subject (meta-subject) of research; how well the research question is formulated; what is the broad problem of the situation (in whose ideas); what is the key problem (contradiction) in the representation of the key actor and how correctly/continuously it is formulated in terms of «resources»; what are the formulations of hypotheses (basic and alternative); is there a list of goals to be achieved and tasks to be solved within the framework of the declared values; what is the research methodology, methodological approach; what is the range of methods (techniques) of cognition (research) used; what is the design of the experiment, as well as: what is the arsenal of types of experiments and their tools; what is the subject of research of science (discipline), within which a study is being conducted and whether there is a correspondence to the stated subject of the study; what are the expected (measurable) results of the study; Are new phenomena expected to appear and reformulate all the issues listed above?

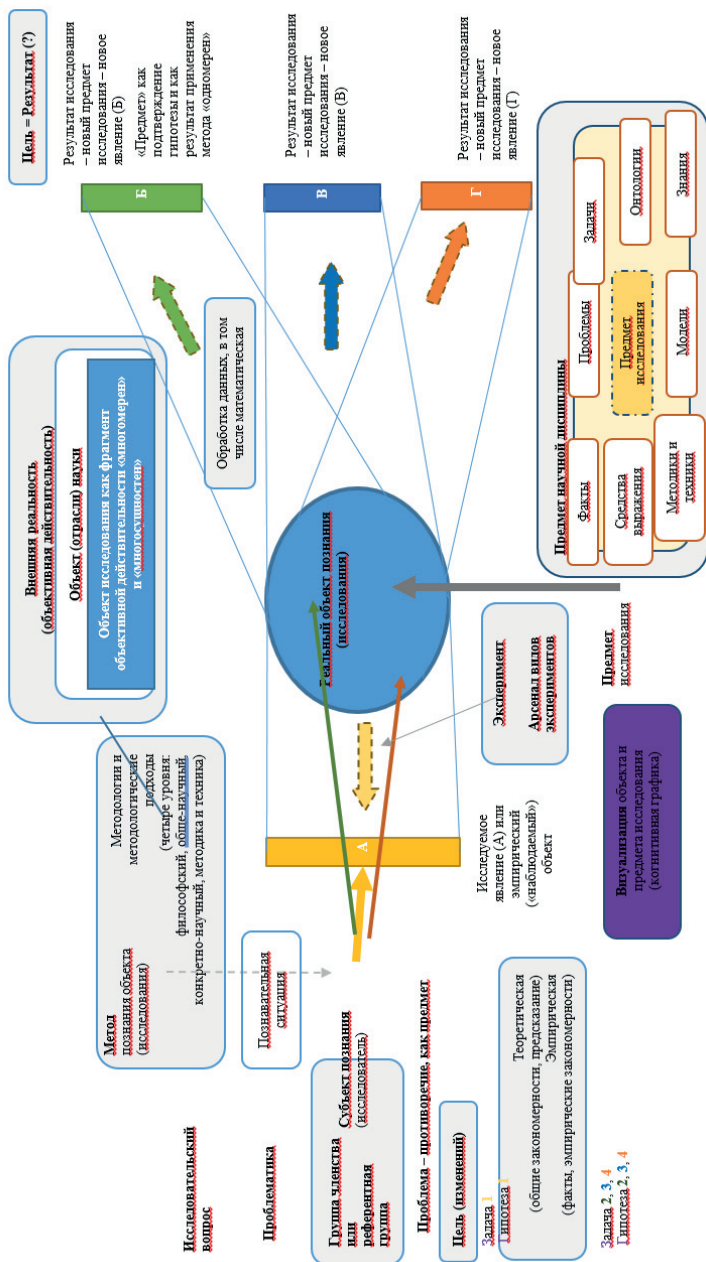
A typical problem in the activity of a manager is that he regularly does not have correctly formulated answers to most questions. This may relate to both the object and the subject of the study, the chosen/unselected methodological approach, method, methodology, procedure for presenting/processing the data obtained, etc.» [Киселев, 2025].

Such methodological flaws (errors) may arise due to emotionally tinged beliefs or prejudices, personal or group resource constraints of the researcher, due to the conflict behavioral situation in which he may find himself. The text of the problem, its context, subtext and subtext, which is not clearly understood by the researcher, can significantly distort both the processes and the results.

Levels of methodological analysis for 1st, 2nd and 3rd levels of cybernetics

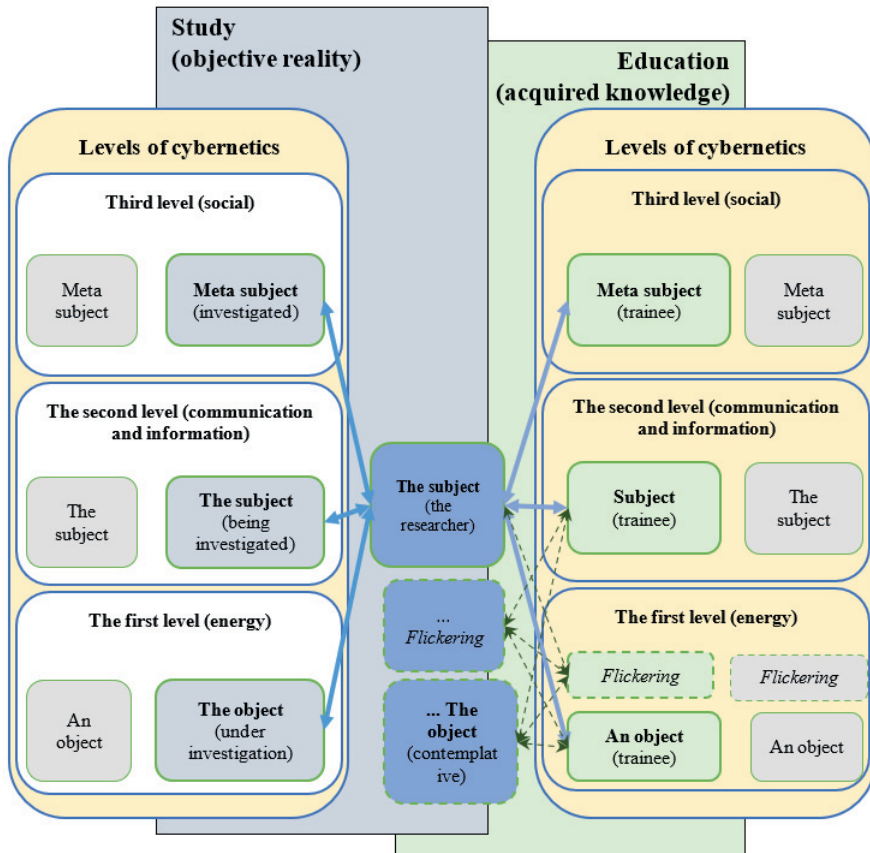
In Figure 4, the subject of management (the manager), who studies objective reality and receives knowledge in the process of studying, must consolidate them in his reference group (levels 1 and 2 of cybernetics). The relationship of the leader with the members of his group can have a subject–subject dynamic (or flickering or object), which can be set (dictated) a knowledge sharing situation. Flicker presupposes a mixed state when the manager moves from authoritarian or democratic styles to a liberal-indulgent style, giving the employee the opportunity to show and implement his unproven initiative, which does not necessarily coincide with the ideas of the manager.

Moreover, the manager himself may be in a flickering state, for example, in a state of doubt or at the point of managerial bifurcation (not an obvious choice). The third level of cybernetics, at which the subject (supervisor) enters into a relationship with a meta-subject (a polysubject self-developing environment), requires a transdisciplinary meta-reflection of knowledge.

Drawing 3. The structure of the research manager's activity

Source: compiled by the authors

Drawing 4. Levels of methodological analysis for the 1st, 2nd and 3rd levels of cybernetics, a network of frames

Source: compiled by the authors

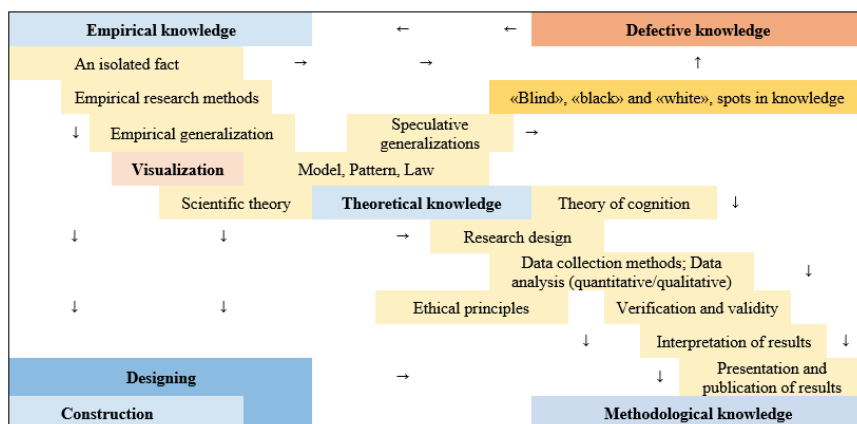
The results of scientific activity

A typical problem in the activities of a novice manager is confusion in the classification of knowledge (empirical, theoretical, methodological, design, design, defective; see Table 2), which leads to confusion in the ways of obtaining significant evidence-based scientific results and their evaluation.

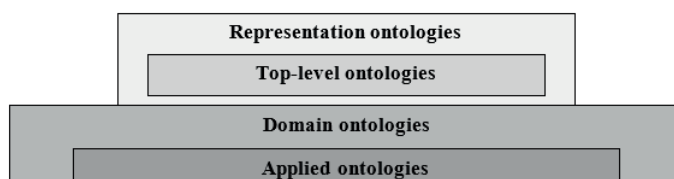
Widespread management ontologies

Logical conclusions drawn on the basis of the rules and axioms following from ontology can significantly expand the possibilities of analysis and synthesis, comparison and generalization, concretization and generalization, classification and systematization, reduction and cenologization. The possibilities of convincing evidence are increasing, including in management, as well as the possibilities of automating managerial decisions. Ontologies assume their multiple applications, which ensures the continuity of generations of managers, but does not exclude the possibility of expanding (clarifying) the content of ontologies, and also facilitates semantic navigation and the discovery of what is desired in complex information spaces.

Table 2. The results of scientific activity (from empirical knowledge to theoretical, methodological and design)

Source: compiled by the authors

Drawing 5. Ontology levels

Source: compiled by the authors

«In any intelligent systems, ontology is a key component. Ontologies facilitate the development of other ontologies (of the same, higher or lower levels). In the near future, there will probably be an engineering specialty «ontology designer», which will be equipped with the appropriate universal software» [Киселев, 2025]..

Representation, top-level, domain, and applied ontologies

Representation ontologies «focus on conceptualizing ways of representing knowledge without specifying a domain. They are characterized by the obligatory presence of a meta-model (concepts, properties, relations, classes, attributes, relationships, axioms, etc.), abstraction, polyvalence for different subject areas, the use of recognized standards and languages of knowledge representation.

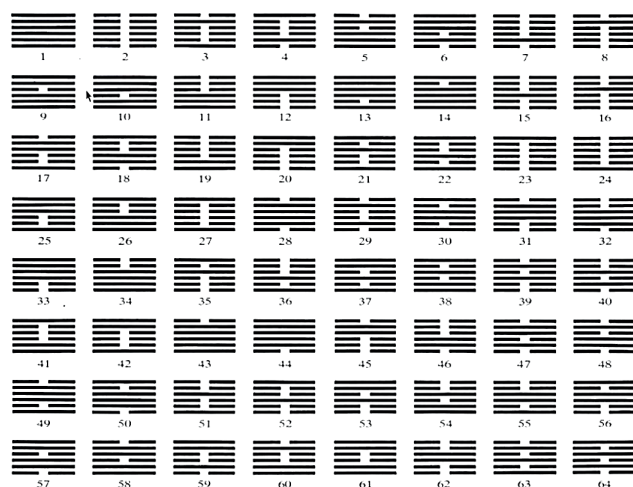
Examples of such ontologies are: Ontolingua— an ontology for describing ontologies; SUMO (Suggested Upper Merged Ontology), an upper – level ontology for representing general concepts (using categories: physical objects, abstract entities, processes); Dublin Core—an ontology for describing metadata of web resources. In management information technologies, there are key structures of abstract syntax, for example, function – argument – result; table – row – column; flow – operation – data; event – action; entity – component – behavior; class – attribute – method; subject – predicate – object; subject – predicate – subject; imperative sequence of commands; tree hierarchy of nodes, etc.

Top-level ontologies model the most general and abstract concepts that are relevant (consistent, interoperable) for a wide range of subject areas. They are characterized by the obligatory presence of universality, abstractness, applicable to different contexts, standardized in the studied communities. Examples of such ontologies are: BFO (Basic Formal Ontology), an ontology focused on representing real – world entities¹; DOLCE (Descriptive Ontology for Linguistic and Cognitive Engineering) is an ontology that takes into account cognitive and linguistic aspects (uses categories: cognitively permanent entities, process entities, qualities, abstractions); GFO (General Formal Ontology) is a complex ontology combining various perspectives (uses categories: elements, categories, relations); TLO64 – The ontology for the logical analysis of the life cycles of systems is based on the I Ching (Chinese Book of Changes)» [Киселев, 2025].

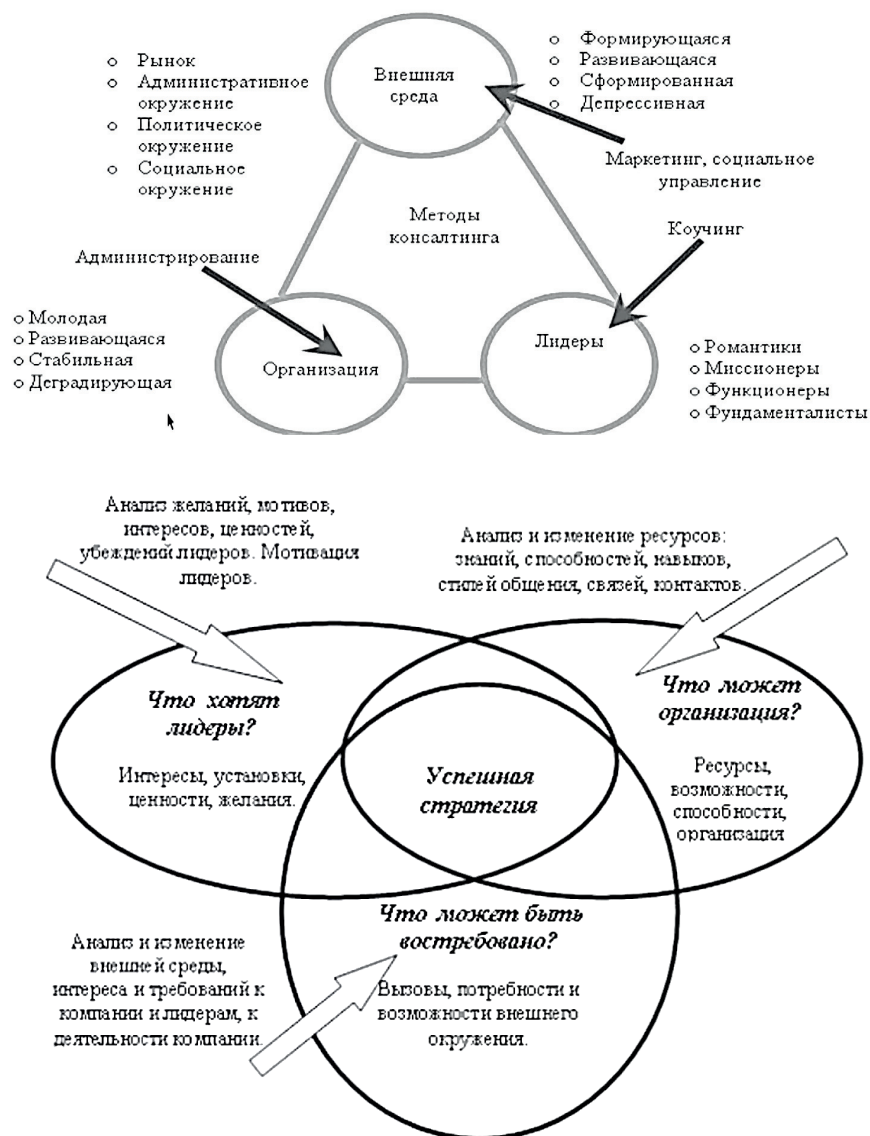
Other examples of top-level ontologies are TOVE (Toronto Virtual Enterprise), which models business processes in virtual enterprises, knowledge management, and data integration (using categories: activity (processes), resources (tangible and intangible), agents (participants in processes), goals (with limitations); REA

¹ GOST R 59798–2021 National Standard of the Russian Federation, Information technologies, Top-level ontologies (TLO), Basic formal Ontology (BFO), Information technology. Top-level ontologies (TLO). Part 1. Basic Formal Ontology (BFO) <https://docs.cntd.ru/document/1200181577>

(Resources, Events, Agents), focuses on resource management, accounting and modeling of complex economic processes (uses categories: resources (economic assets), events (economic operations), agents (participants of operations)); RTO (Physical Top-level Ontology) modeling of physical reality (uses categories: matter, energy, space, time); KR Ontology (Knowledge Representation Ontology), a universal framework for modeling various aspects of reality (uses categories: concept, relation, and instance). It should be mentioned: ISO 15926 (Industrial Automation Systems and Integration) designated for data integration of large industrial systems (physical object, activity and property);

Levels of methodological analysis			Reflection
Basic paradigms	Basic objects and types of activity of subjects	Basic scientific approaches	
«Subject – Meta-subject (Poly-subjective self-developing environment)»	Self-evolving environments Reflexive activity	The subject-orientation is oval Trans-disciplinary System-cenological	Meta-reflection
«The Subject is the Subject»	Active systems Communication activity	Subject-activity Interdisciplinary	Communicative reflection
«Subject – Object»	Complex systems. Activity activity	Activity – based Mono-disciplinary	Personal reflection, supra-situational reflection

Drawing 6. TLO64 Ontology: combinatorics (4 stages (impulse, development, design, persistence))

Source: Tarasenko V. V.

SCOR (Supply Chain Operations Reference); Enterprise Ontology methodology, BPMN (Business Process Model and Notation), Cyc/OpenCyc General Knowledge Ontology (thing, event and relation); universal Sowa's Diamond (Conceptual Structures by John Sowa) (essence, relation and concept); UFO (Unified Foundational Ontology) (cognitively permanent entities, events and situations); YAMATO (Yet Another More Advanced Top-level Ontology) (physical and abstract entities, emphasis on space-time relationships); ontology for creating a semantic web PROTON (PROTo ONtology) (entity, object, event, attribute).

Domain ontologies model domain-specific knowledge, consistent representation in specific contexts, texts, subtexts, and subtexts. They are characterized by the obligatory specialization (focusing on a strictly defined area of knowledge), more detailed elaboration of ideas and concepts, applied (target and value) orientation in decision-making and data integration (their markup), the possibility of expanding, deepening and clarifying knowledge. Examples of such ontologies: LRI-Core (Legal Research Institute Core Ontology) was created for legal systems modeling aspects of reality (agent, object and event); OFX (Open Financial Exchange) financial services ontology; Industry Ontology Foundry. There may be ontologies of public services, personnel management, the budget of the governing body, regulatory and many others.

Applied ontologies are part of domain ontologies and are developed to solve specific applied problems. They are characterized by the mandatory formulation of a specific task to be solved, a focus on application (application) in practice (consistency among performers of terminology and data used), deep detail and specialization, productivity, effectiveness, efficiency and synergy of the final activity of the systems.

The described widespread managerial ontologies make it possible to generalize, classify and systematize the activities of the head of any organization, his approaches to management, deeply assess (diagnose) the current state (situation) and evidently predict their further changes (development). This makes managerial ontologies a powerful and sought-after tool in management. However, it must be remembered that the structures of abstract synthesis, bearing in mind Godel's theorem, cannot be complete formal metalanguages, in a way suitable for lower-order (level) ontologies, since the «revealed» and its interpretation by a language that offers only what it contains cannot be identical to each other. Moreover, an ontological metalanguage probably cannot be created, but the processes of creating and refining ontology systems at all four levels in a changing world are an inevitable phenomenon. The world and ideas about it are constantly being transformed, sometimes very quickly, giving rise to new concepts and clarifying existing ones, which must be reflected in all four ontologies (upper-level, domain, task and applied), the methods of construction of which are also constantly being improved.

Cognitive graphics and ways to visualize knowledge

Rene Descartes, the author of analytical geometry, was able to move from textual algebra (systems of equations) to objects of geometry and vice versa, which allowed him to solve problems using methods from both subject areas.

Unfortunately, it is impossible to see them through the eyes in the process of individual speculative generation of an idea, concept, term, concept, representation, dream, reverie and/or image, they cannot be technologically captured in a visual hard copy on any material medium. However, there is an extensive range of cognitive graphics tools that allow you to build images as individual frames, as a dynamically linked sequence of frames, or as cognitive graphics atlases.

Visual means (components) of cognitive graphics: pictographs, various hieroglyphs, letters of different alphabets, texts, various numbers and numbers consisting of them, signs and formulas (mathematical, astrological, chemical, topographic, biological and others), graphic languages (e.g., LoCos language), outlines (scale is arbitrary), two- or three-dimensional black-and-white and/or color metric maps and non-metric cartoids, icons and statues, Buddhist Mandelas, drawings, drawings, photographs, paintings, diagrams and flowcharts, diagrams (including Euler-Venn), network diagrams and isomorphic matrices, matrices and tables, time scales, visual metaphors, infographics, hierarchies, intelligence maps, step-by-step instructions, graphic illusions, conceptual models, networks of frames, management of individual and group behavior, cognitive images, etc. The listed components can exist separately (independently) or combined with literal text (sometimes audio), duplicating (illustrating) using it or supplementing it with meanings.

Methods of creating cognitive images to represent the state of a multidimensional control object and assess the situation

«To reflect multidimensional data of complex objects, the following can be used:

- Bayesian trust networks are graphical probabilistic models with a variety of variables and their probabilistic dependencies according to Bayes. For analysis and decision-making, for risk management, for knowledge extraction.

- A botanical tree (or Melchior tree) is a representation of a control system in the form of a botanical tree, where the elements of the system correspond to various «parts» of a plant. Measurement of annual increases (changes) and comparison with benchmarks (scales). identification of critical points and bottlenecks.

- Pythagorean tree – decomposition of a problem or task. The method allows you to break down a complex problem into simpler and more understandable elements organized in a tree structure. Establishing cause-and-effect relationships. The Pythagorean Tree graphically displays the interrelationships between various factors influencing a problem or solving a problem.

- Chernov's faces – displays multidimensional data in the form of a human face or its individual parts.

- Andrews diagram – visualization of multidimensional objects in a compact two-dimensional format. Analysis, diagnostics, monitoring and decision-making in management.

- Star – compact representation of multidimensional data in two-dimensional space; intuitive visualization that allows you to quickly compare objects; the ability to analyze a large number of parameters simultaneously; identification of patterns, clusters and anomalies in the data» [Киселев, 2025]..

- Root hodograph – an analysis of the stability of the system. The root hodograph allows you to visually assess the stability of the control system by the location of the roots of the characteristic equation relative to the imaginary axis on the complex plane. Optimization of the regulator parameters. By changing the parameters of the regulator, you can achieve the desired location of the roots, which allows you to provide the required dynamic characteristics of the system. Synthesis of the control system. Based on the root hodograph, it is possible to synthesize the structure and parameters of the regulator that provide the specified quality indicators for transients. selection of the system gain factor, assessment of the degree of fluctuations, selection of the placement of zeros and poles of the correction links of the control system.

- Fuzzy cognitive maps are a tool for modeling processes in complex, poorly structured systems where factors (concepts) and the relationships between them are described inaccurately or incompletely.

- A point cloud is a set of points with spatial coordinates that eventually form a three – dimensional image. The resulting model can contain from several thousand to several million points.

- The Blake-Mouton lattice of concepts (managerial lattice) is a two – dimensional model that describes various management styles depending on the degree of the manager's orientation to production (tasks) and the degree of orientation to people (relationships).

- A reflexive target is a goal – setting tool for setting individual, team, and corporate goals.

- «Simplex method – iterating over the vertices of a convex polyhedron in a multidimensional space to find the optimal solution.

- The Novoselov fractal is a mathematical tool for modeling and forecasting complex dynamic processes in an organization, analyzing and predicting the behavior of various business units, products or markets, and identifying hidden patterns and relationships that can be used to develop effective strategies» [Киселев, 2025].

Discussion

- «For various types of human activity (science, art, religion, education, production, entrepreneurship, business), various ways of their graphic (compact) description (modeling) exist and are being reinvented, which is necessary for their correct perception by people of different psychological types (rational and not so). However, the social reflection of cognitive graphics, with its extremely wide representation in the life of mankind, is practically absent or not great as an independent activity.

- New information and computer technologies open up tempting and extensive prospects for planar and three-dimensional, static and dynamic visual representation of information received directly by a person, from a person or equipment.

- It becomes possible to move from linear sequential (one-dimensional) literary texts to multidimensional visual texts, i. e., objectively, there is a change in the anthropological concept.

- The variety of visual means (components) of cognitive graphics (from everyday, religious to scientific, methodological) requires their analysis and synthesis, comparison and generalization, concretization and abstraction, classification and systematization.

- Mastering professional cognitive graphics is an important part of quality education and subsequent co-distributed professional activities. It is very important to assess its heuristic potential in a rapidly (sometimes explosively) changing world. To do this, it is necessary to conduct research on the principles of its organization and development, as well as ways of regular application in management, education and upbringing.

- In the context of cognitive graphs functioning in the professional (scientific) and everyday spheres, there is a dialectical interaction of opposite trends. On the one hand, there is a desire for standardization, unification, streamlining and compatibility, which helps to eliminate excessive diversity and increase the level of mutual understanding. On the other hand, there is a constant search for more adequate, innovative and unique approaches that take into account dynamic changes in the living environment, while minimizing the volume of interpersonal, intergroup and intercultural communications.

- It should be noted that, under certain conditions, high-quality cognitive graphics can become an art object.

- It is possible (and not very expensive) for most types of human activity to create cognitive graphical ontologies (a hierarchy of 3–4 levels; open cognitive spaces)» [Киселев, 2025]. They can be arranged in the form of compact atlases, paper and/or electronic.

Conclusions

In the research activity of a manager, discrete and continuous theoretical textual and visual generalizations, in particular, cognitive graphics, generate opportunities for productive communication between people belonging to different social, cultural, linguistic, psychological and age groups. Visualization of various kinds of phenomena is widely used in human life, in managerial and industrial, entrepreneurial and governmental, educational and research processes of various levels of complexity. The use of cognitive graphics is natural for routine professional activities with strict codifications and communication styles, it is very organic for limited or closed professional groups. The semantics of graphics still does not have the property of computability and cannot turn into ontologies without special efforts – without them, productive work with knowledge is extremely difficult and not as effective as managers would like. The need to construct a holistic methodological approach with a set of interrelated methods that allow a researcher-manager to quickly conceptualize (consolidate and transfer) his professional (empirical, theoretical, methodological and design) knowledge about the part of objective reality he manages is realized and is overdue quite acutely.

References

1. Kiselev, V. D. *The role of theoretical generalizations in the activities of the head and ways of their organization* – Moscow: MGPPU, 2025, 84c.
2. Kudrin, B. I. *Studies of technical systems as communities of technocenosis products. System research. Methodological problems. Yearbook 1980. Moscow: Nauka, 1981. pp. 236–254.*
3. Lefebvre, V. A. *Reflection* – Moscow: Kogito-Center, 2003. 495 p.
4. Chebanov, S. V. *Cognitive graphics as a way of depicting ideas* / S. V. Chebanov // *Method.* – 2020. – No. 10. – pp. 309–376. – DOI 10.31249/metod/2020.10.16. – EDN WLNNVD.
5. Chebanov, S.V., Yershov D. A. *Cognitive graphics as a technique for drawing ideas and the problem of its polygraphic reproduction* // *Foreign languages: linguistic and methodological aspects. Tver: Tver State University, 2016. Vol. 36. –Pp. 203–210.*

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ТЕОРИИ НАЛОГОВОЙ ПРЕДУСТАНОВЛЕННОСТИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Купцов Иван Андреевич

старший преподаватель

*Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ –
Санкт-Петербург)*

Аннотация. *Статья посвящена вопросу о необходимости формирования теории налоговой предустановленности в уголовно-процессуальном праве России. В ее основе лежит процедура формирования налоговыми органами «исключительного» повода для инициирования уголовного преследования за совершение преступлений, предусмотренных ст. 198–199.2 УК РФ, его содержание (наличие определенных обстоятельств, выступающих необходимыми частными условиями для инициирования уголовно-процессуальной деятельности и привлечения лица к уголовной ответственности), доказательственное значение при возбуждении, расследовании и рассмотрении судом уголовного дела, создание эффективных гарантий баланса частных и публичных интересов в сфере уголовно-процессуальных отношений.*

Ключевые слова: *налоговая предустановленность, налоговая проверка, инициирование уголовного преследования, повод для возбуждения уголовного дела, «исключительный» налоговый повод.*

Annotation. *The article is devoted to the issue of the need to form a theory of tax pre-establishment in the criminal procedure law of Russia. It is based on the procedure for the formation by the tax authorities of an «exceptional» reason for initiating criminal prosecution for crimes provided for in art. 198–199.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, its content (the presence of certain circumstances that are necessary private conditions for initiating criminal procedural activities and bringing a person to criminal responsibility), the evidentiary value in initiating, investigating and considering a criminal case by*

a court, the creation of effective guarantees for the balance of private and public interests in the field of criminal procedural relations.

Keywords: *tax pre-determination, tax audit, initiation of criminal prosecution, reason for initiating criminal proceedings, «exceptional» tax reason.*

Уклонение от уплаты налогов представляет собой многоаспектную проблему, затрагивающую ключевые сферы государственной деятельности, создающую глобальные угрозы для экономической безопасности, влекущую долгосрочные системные риски. В этой связи политике в области регулирования налоговых отношений уделяется повышенное внимание. При этом особенностью рассматриваемых правоотношений выступает потребность гармонизации публичных и частных начал в сфере налогообложения и противодействия налоговым преступлениям, обеспечения баланса интересов государства (недопустимость сокращения поступлений в бюджет, привлечение к ответственности за совершение налоговых правонарушений и преступлений) и налогоплательщиков (снижение административного давления, устранение барьеров для экономического роста, защита конституционных прав), чтобы не допустить разрастание теневой экономики, снижение инвестиционной привлекательности, а также не потерять доверие бизнеса.

Важно отметить, что современная налоговая политика достаточно динамична и ориентирована на поиск разумного компромисса между бюджетными интересами государства и экономическими интересами налогоплательщиков. Однако особого внимания в этом отношении сегодня требует сфера уголовного судопроизводства, где возможно наиболее строгое ограничение прав лиц, вовлекаемых в эту область правоотношений, вызывающее многочисленные финансовые риски, в том числе угрозу ликвидации бизнеса.

Концептуальные изменения процедуры инициирования уголовного судопроизводства по налоговым преступлениям были связаны с введением в действие в 2011 году ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ¹, исключенной в 2014 г.², последующим возвратом почти дословной формулировки ранее отмененной

¹ Федеральный закон от 06.12.2011 № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7349.

² Федеральный закон от 22.10.2014 № 308-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 43. Ст. 5792.

нормы в 2022 году – ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ¹, а также ч. 3 ст. 32 НК РФ². Эти изменения уголовно-процессуального и налогового законодательства были направлены на попытку создания дифференцированного и в большей мере защищающего права налогоплательщиков порядка инициирования уголовного судопроизводства по налоговым преступлениям, предусмотренным ст. 198–199.2 УК РФ. Законодательные нововведения закрепили положения, содержание которых возможно назвать налоговой предустановленностью.

При этом разрешить указанные выше и иные вопросы возможно в рамках полноценного исследования, нацеленного на разработку теоретических основ (концепции) налоговой предустановленности, определение ее правовой природы и значения для инициирования и последующего осуществления уголовного судопроизводства по налоговым преступлениям, предусмотренным ст. 198–199.2 УК РФ. Налоговая предустановленность как результат реализации дискреционных полномочий налоговых органов должна найти свое место в доктрине отечественного уголовно-процессуального права для формирования в последующем непротиворечивой нормативной основы.

В рамках теоретических и прикладных исследований проблему начального этапа уголовного судопроизводства и поводов для возбуждения уголовного дела затрагивали многие ученые, при этом на уровне диссертационных исследований вопросы возбуждения и расследования уголовных дел по налоговым преступлениям после принятия действующего уголовно-процессуального закона затрагивались в работах Д. Б. Игнатьева (Документы как доказательства по делам о налоговых преступлениях, 2001)³, В. В. Карякина (Возбуждение уголовных дел о налоговых преступлениях, 2004)⁴, В. Г. Сидоренко (Проблемы расследования уклонения от уплаты налогов с организаций, 2004)⁵, С. В. Лукашевича (Доказывание по делам о преступном уклонении от уплаты налогов: уголовно-процессуальные и организационно-правовые проблемы,

¹ Федеральный закон от 09.03.2022 № 51-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 11. Ст. 1601.

² Федеральный закон от 14.07.2022 № 263-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29 (часть II). Ст. 5230.

³ Игнатьев Д. Б. Документы как доказательства по делам о налоговых преступлениях: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. 225 с.

⁴ Карякин В. В. Возбуждение уголовных дел о налоговых преступлениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 25 с.

⁵ Сидоренко В. Г. Проблемы расследования уклонения от уплаты налогов с организаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 22 с.

2007)¹, М. И. Воронина (Особенности доказывания по уголовным делам о налоговых преступлениях, 2008)², Н. Н. Загвоздкина (Теория и практика совершенствования выявления и расследования преступлений в сфере налогообложения, 2009)³, С. С. Пешкова (Особенности досудебного производства по уголовным делам о налоговых преступлениях, 2009)⁴, И. А. Морозкиной (Доказывание в процессе расследования налоговых преступлений, предусмотренных ст. 199.2 УК РФ, 2010)⁵, А. А. Минасова (Выявление и собирание доказательств на стадии возбуждения уголовного дела от уплаты налогов или сборов и сокрытия объектов налогообложения, 2011)⁶, Е. Э. Алексеевой (Нравственно-правовые основы уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, совершаемых в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, 2022)⁷, В. В. Ефимовой (Расследование современных схем налоговых преступлений, 2023)⁸ и других ученых.

Полученные исследователями результаты очень важны для развития уголовно-процессуальной науки и национального законодательства, вместе с тем, для разработки полноценной концепции налоговой предустановленности применительно к инициированию уголовного преследования за совершение преступлений, предусмотренных ст. 198–199.2 УК РФ, требуется исследовать частные условия для возбуждения уголовного дела (инициирования

¹ Лукашевич С. В. Доказывание по делам о преступном уклонении от уплаты налогов: уголовно-процессуальные и организационно-правовые проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2007. 25 с.

² Воронин М. И. Особенности доказывания по уголовным делам о налоговых преступлениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 27 с.

³ Загвоздкин Н. Н. Теория и практика совершенствования выявления и расследования преступлений в сфере налогообложения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 25 с.

⁴ Пешков С. С. Особенности досудебного производства по уголовным делам о налоговых преступлениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 2009. 27 с.

⁵ Морозкина И. А. Доказывание в процессе расследования налоговых преступлений, предусмотренных ст. 199.2 УК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 23 с.

⁶ Минасов А. А. Выявление и собирание доказательств на стадии возбуждения уголовного дела от уплаты налогов или сборов и сокрытия объектов налогообложения: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 217 с.

⁷ Алексеева Е. Э. Нравственно-правовые основы уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, совершаемых в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 34 с.

⁸ Ефимова В. В. Расследование современных схем налоговых преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 363 с.

уголовного судопроизводства) по налоговым преступлениям, раскрыть систему юридических фактов (фактический состав), образующую в своей совокупности понятие «налоговая предустановленность», описать процесс формирования исключительного налогового повода для возбуждения уголовного дела, выявить доказательственное значение информации, содержащейся в материалах налоговых органов, направляемых в соответствии с законодательством о налогах и сборах в следственные органы, сформулировать предложения о совершенствовании деятельности налоговых органов и органов предварительного следствия по инициированию уголовного преследования за совершение преступлений, предусмотренных ст. 198–199.2 УК РФ, а также о правовой регламентации института предустановленности в сфере уголовного судопроизводства.

Кроме того, для разработки полноценной концепции налоговой предустановленности применительно к инициированию уголовного преследования за совершение преступлений, предусмотренных ст. 198–199.2 УК РФ, должна быть применена индивидуальная методология и методы исследования. Методологической основой исследования должны выступить всеобщий диалектический метод и общенаучные методы познания: метод абстрагирования – для определения таких понятий, используемых в ходе исследования, как предустановленность в сфере уголовного судопроизводства и налоговая предустановленность, а также для формирования концептуальных положений налоговой предустановленности в сфере уголовного судопроизводства; анализ и синтез – для обоснования предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства; исторический метод – для рассмотрения процесса развития законодательного регулирования частных условий для инициирования уголовного судопроизводства по признакам отдельных составов преступлений; индукция и дедукция – для аргументации выводов о налоговой предустановленности как сложного юридического факта; метод восхождения от абстрактного к конкретному – для выявления проблем правоприменительной практики, возникающих в ходе инициирования уголовного судопроизводства по налоговым преступлениям.

Эффективными при исследовании должны стать и специальные методы научного познания: социологический (анкетирование) – для определения проблем, возникающих в деятельности налоговых органов и органов предварительного следствия, связанных с формированием повода для инициирования уголовного преследования за совершение преступлений, предусмотренных ст. 198–199.2 УК РФ; статистический – для обобщения количественных показателей и получения обоснованных суждений по вопросам правовой регламентации процедуры возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям.

В качестве нормативной базы исследования должны быть проанализированы нормы Конституции Российской Федерации, положения Уголовно-процессуального и Налогового кодекса Российской Федерации, иных федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность налоговых органов и органов предварительного следствия и суда при инициировании уголовного судопроизводства по налоговым преступлениям, предусмотренным ст. 198–199.2 УК РФ. При проведении исследования должны быть изучены также теоретико-правовые позиции, изложенные в решениях Конституционного Суда Российской Федерации и Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Теоретическая база исследования должна основываться на трудах ученых в сфере уголовно-процессуального и налогового права, в нее должны войти научные положения философии, логики, теории и истории права и государства, а также теории оперативно-розыскной деятельности.

В целом, исследование показало, что предустановленность в сфере уголовного судопроизводства – это наличие определенных обстоятельств, установленных в регламентированном законом порядке судом или иными субъектами в ходе их профессиональной деятельности (органами государственной власти), а также потерпевшим при подаче заявления о преступлении (по делам частного и частно-публичного обвинения), выступающих необходимыми частными условиями для инициирования уголовно-процессуальной деятельности и привлечения лица к уголовной ответственности.

Налоговая предустановленность представляет собой наличие юридически значимых обстоятельств (событие налогового правонарушения, факт вынесения решения налоговым органом о привлечении лица к налоговой ответственности, факт умышленного причинения вреда в крупном (особо крупном) размере, факт неисполнение требования об уплате налога в установленный срок), установленных в ходе административной деятельности налоговых органов по производству налоговой проверки (налоговому контролю) и отраженных ими в соответствующих материалах, составляющих содержание «исключительного» повода для инициирования уголовного преследования за совершение преступлений, предусмотренных ст. 198–199.2 УК РФ.

Таким образом, инициирование уголовного судопроизводства (уголовного преследования) за совершение налоговых преступлений имеет свою специфику, определяемую теорией юридических фактов.

Для инициирования уголовного преследования за совершение преступлений, предусмотренных ст. 198–199.2 УК РФ, необходим не просто юридический факт, а определенный фактический состав (совокупность юридических фактов) в виде налоговой предустановленности, включающей в себя обстоятельства, выступающие в качестве частных условий: обстоятельства

совершения налогового правонарушения (событие налогового правонарушения); факт вынесения решения налоговым органом о привлечении к налоговой ответственности, основанного на результатах мероприятий налогового контроля; факт умышленного причинения вреда в крупном (особо крупном) размере; факт неисполнения требования об уплате налога в установленный срок.

Направление налоговыми органами материалов налоговой проверки в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела является юридическим фактом, дополняющим фактический состав налоговой предустановленности и порождающим уголовно-процессуальные правоотношения.

Налоговая предустановленность как сложный юридический факт обуславливает исключительность налогового повода для инициирования уголовного судопроизводства. Только с моментом появления всей системы обязательных к установлению фактов связаны полномочия налоговых органов обратиться в органы предварительного следствия с соответствующими материалами. Когда налоговая предустановленность отсутствует в полном объеме, уголовное дело не может быть возбуждено, а при его возбуждении последующее производство должно быть прекращено.

С учетом изложенного приходим к выводу о том, что предложенную теорию (концепцию) налоговой предустановленности вполне возможно рассматривать в качестве структурного элемента (части) общей теории уголовно-процессуального права, а также структурного элемента (части) общей теории обеспечения предпринимательской деятельности. В этом плане налоговая предустановленность как научная теория (концепция) должна включать в себя базовые (конструктивные) параметры и структуру:

- целевую направленность;
- обеспечиваемый интерес;
- обеспечивательные средства и их виды;
- возникающие правовые эффекты.

Целевая направленность формирования налоговыми органами «исключительного» повода инициирования уголовного преследования по налоговым преступлениям и отражение в нем налоговой предустановленности обусловлена тем, что для субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность, предусмотрены специальные налоговые режимы, позволяющие оптимизировать систему учета и налоговых платежей. В конечном счете целевая направленность теории «исключительного» повода в целом и налоговой предустановленности, в частности, сводится к созданию эффективных гарантий от произвольного вмешательства в деятельность налогоплательщиков со стороны государства.

Обеспечиваемый интерес вытекает из специфики предпринимательской деятельности и сводится не только к обеспечению личных, но и государственных (публичных) интересов в целом. Не случайно Правительством РФ было издано Распоряжение от 02.06.2016 № 1083-р (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года»¹, которое представляет собой межотраслевой документ стратегического планирования в сфере развития малого и среднего предпринимательства и является основой для разработки и реализации государственных программ Российской Федерации, государственных программ субъектов Российской Федерации, содержащих мероприятия, направленные на развитие малого и среднего предпринимательства.

Обеспечительные средства. Налоговая предустановленность, как результат формирования «исключительного» повода для инициирования уголовного преследования за налоговые преступления, предполагает разработку на законодательном уровне системы мер административного и уголовно-процессуального характера, направленных на защиту налогоплательщиков от произвольного вмешательства в их профессиональную деятельность. К их числу можно отнести те ограничения, которые установлены действующим законом при формировании повода и последующей проверки поступившей информации о налоговых преступлениях:

- специальные субъекты, уполномоченные проводить налоговую проверку и выявлять факты, связанные с неуплатой налогов и составляющие содержание налоговой предустановленности;
- процедура налогового контроля;
- право-временная возможность освободиться от уголовной ответственности посредством уплаты недоимки в установленный законом срок.

Возникающие правовые эффекты. Налоговая предустановленность как результат формирования налоговыми органами «исключительного» повода для инициирования уголовного преследования за налоговые преступления обуславливает (порождает) создание благополучных условий для ведения бизнеса на территории Российской Федерации, снижения возможного давления на предпринимателей (включая меры государственного принуждения,

¹ Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» (вместе с «Планом мероприятий («дорожной картой») по реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года») // [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.02.2024).

применяемые правоохранительными органами), что, безусловно, положительно сказывается на экономике государства в целом, на наполнении федерального бюджета и реализации государственных программ, а также, не в последней очереди, на уровне правовой культуры российского общества.

При формировании «исключительного» повода для инициирования уголовного судопроизводства по налоговым преступлениям необходимо исходить из того, что всякое регулятивное воздействие на предпринимательскую деятельность неизбежно должно учитывать специфику ее организации и осуществления, предполагать стабильность, предвидение и последовательность, не допускающие резких колебаний и проявления непредсказуемых (случайных) факторов.

В дополнение к отмеченному укажем, что правовая обусловленность налоговой предустановленности как результата формирования налоговыми органами «исключительного» повода определяется тем, что налоговый орган в ходе своей профессиональной деятельности (на этапе проведения налоговой проверки) может более квалифицированно получить (сформировать) информацию, устанавливающую целый ряд обстоятельств, совокупность которых составляет фактический состав (налоговую предустановленность), включая факт недоимки, то есть один из признаков объективной стороны налогового преступления – непоступление в бюджетную систему денежных средств в крупном (особо крупном) размере, который согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству необходим для инициирования последующей уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного следствия, направленной на проверку наличия признаков налогового преступления и, как следствие, возбуждение уголовного дела.

Все вышеизложенное свидетельствует об объективной необходимости научного осмысления целесообразности официального закрепления в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве (в отдельной главе УПК РФ) института предустановленности (предсудимости) применительно к отдельным составам преступлений.

В свою очередь, перед наукой уголовного процесса стоит актуальная задача понять, где и когда возникает потребность для установления подобных частных условий (обстоятельств), отсутствие которых является препятствием для инициирования уголовного судопроизводства и, как следствие, надежной гарантией от необоснованного уголовного преследования, чтобы в последующем, детально проанализировав заявленные проблемы, заложить основы для разработки общего учения о предустановленности в уголовном и уголовно-процессуальном праве, выступающей в качестве необходимого частного условия для инициирования уголовного судопроизводства и привлечения виновных к уголовной ответственности.

Список литературы

1. Федеральный закон от 06.12.2011 № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7349.
2. Федеральный закон от 22.10.2014 № 308-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 43. Ст. 5792.
3. Федеральный закон от 09.03.2022 № 51-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 11. Ст. 1601.
4. Федеральный закон от 14.07.2022 № 263-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29 (часть II). Ст. 5230.
5. Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» (вместе с «Планом мероприятий («дорожной картой») по реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года») // [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.07.2026).
6. Алексеева Е. Э. Нравственно-правовые основы уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, совершаемых в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 34 с.
7. Воронин М. И. Особенности доказывания по уголовным делам о налоговых преступлениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 27 с.
8. Ефимова В. В. Расследование современных схем налоговых преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 363 с.
9. Загвоздкин Н. Н. Теория и практика совершенствования выявления и расследования преступлений в сфере налогообложения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 25 с.
10. Игнатьев Д. Б. Документы как доказательства по делам о налоговых преступлениях: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. 225 с.
11. Карякин В. В. Возбуждение уголовных дел о налоговых преступлениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 25 с.

12. Лукашевич С. В. Доказывание по делам о преступном уклонении от уплаты налогов: уголовно-процессуальные и организационно-правовые проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2007. 25 с.

13. Минасов А. А. Выявление и собирание доказательств на стадии возбуждения уголовного дела от уплаты налогов или сборов и сокрытия объектов налогообложения: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 217 с.

14. Морозкина И. А. Доказывание в процессе расследования налоговых преступлений, предусмотренных ст. 199.2 УК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 23 с.

15. Пешков С. С. Особенности досудебного производства по уголовным делам о налоговых преступлениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 2009. 27 с.

16. Сидоренко В. Г. Проблемы расследования уклонения от уплаты налогов с организаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 22 с.

DOI 10.34660/INF.2026.94.96.150

УДК 343.9:004

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Селезнёва Елизавета Алексеевна

*адвокат адвокатской палаты г. Москвы,
кандидат юридических наук, доктор юридического
администрирования*

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики»,*

доцент

Российский университет адвокатуры и нотариата имени

Г. Б. Мирзоева,

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

Аннотация. В статье рассматриваются криминологические угрозы, которым подвергается адвокатская деятельность в условиях глобальной цифровизации. Проведён анализ теоретических основ криминологической безопасности применительно к адвокатуре как институту гражданского общества, систематизированы ключевые факторы, порождающие новые криминогенные риски: кибератаки на адвокатские образования, утечки конфиденциальных сведений доверителей, компрометация адвокатской тайны через публичные ИИ-сервисы, фальсификация доказательств посредством *deepfake*-технологий. Выявлены критические пробелы нормативно-правового регулирования: адвокатские образования не отнесены к субъектам критической информационной инфраструктуры, уголовно-процессуальное законодательство не содержит дефиниции цифрового доказательства, отсутствуют специальные нормы об использовании искусственного интеллекта адвокатами. Обосновано, что адвокатская деятельность выступает самостоятельным объектом криминологической безопасности ввиду повышенной информационной чувствительности, конституционных гарантий независимости и системообразующей роли в механизме защиты прав граждан. Предложена авторская концепция обеспечения криминологической безопасности адвокатуры, объединяющая правовой, организационный

и технологический компоненты. Сформулированы конкретные предложения *de lege ferenda* по совершенствованию законодательства и корпоративного регулирования.

Ключевые слова: криминологическая безопасность; адвокатская деятельность; цифровизация; адвокатская тайна; кибербезопасность; искусственный интеллект; цифровые доказательства.

Abstract. *The article examines criminological threats to legal advocacy in the context of global digitalization. The author analyzes the theoretical foundations of criminological security as applied to the legal profession as a civil society institution, systematizes key factors generating new criminogenic risks: cyberattacks on law firms, leaks of confidential client data, compromise of attorney-client privilege through public AI services, and falsification of evidence using deepfake technologies. Critical regulatory gaps are identified. The author proposes a conceptual framework for ensuring criminological security of legal advocacy, combining legal, organizational, and technological components.*

Keywords: *criminological security; legal advocacy; digitalization; attorney-client privilege; cybersecurity; artificial intelligence; digital evidence.*

Введение

Адвокатура занимает особое место среди институтов гражданского общества. Через неё реализуется конституционное право каждого на квалифицированную юридическую помощь (ст. 48 Конституции РФ), а любое ослабление этого института неизбежно ведёт к разрушению состязательности судопроизводства и, шире, правовой системы. Между тем за последние пять лет характер угроз, с которыми сталкивается адвокатское сообщество, изменился радикально. Если прежде речь шла о давлении силовых структур или нарушении профессиональных гарантий в «физическом» пространстве, то сегодня эпицентр рисков сместился в цифровую среду.

Масштаб проблемы внушительен. По данным аналитического центра InfoWatch, в 2024 г. в России зафиксировано 592 случая утечки персональных данных – скомпрометировано 1,581 млрд записей, что на 30% превышает показатель предшествующего года [1]. На международном уровне картина не менее тревожна: согласно отчёту Arctic Wolf (2024), от 39 до 40% юридических фирм сообщили хотя бы об одном инциденте кибербезопасности за истекший год, а средняя стоимость одной утечки в секторе профессиональных услуг достигла 5,08 млн долларов (IBM Cost of a Data Breach Report, 2024). PwC Law Firms' Survey за тот же период зафиксировал, что 90% крупнейших юридических фирм назвали киберугрозу риском номер один [2].

В России цифровая трансформация адвокатуры получила законодательное закрепление: Федеральный закон от 22 апреля 2024 г. № 83-ФЗ придал статус Комплексной информационной системе адвокатуры России (КИС АР), введён Единый государственный реестр адвокатов, нормативно оформлено электронное взаимодействие с государственными органами через ЕСМЭВ. Параллельно эти нововведения создали дополнительные «точки уязвимости» для криминальных посягательств – и здесь возникает противоречие, которое до сих пор не получило системного криминологического осмысления.

Теория криминологической безопасности, сформированная трудами М. М. Бабаева и В. А. Плешакова ещё в конце 1990-х годов, трактует её как объективное состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и угроз таких посягательств [3]. Д. А. Конев (2022) уточнил это понятие применительно к цифровым технологиям [4]. Однако адвокатская деятельность как самостоятельный объект криминологической безопасности в научной литературе не исследовалась – ни в российских, ни в зарубежных источниках. Этот пробел и обуславливает научную новизну настоящей работы.

Цель исследования – разработка концептуальных основ криминологической безопасности адвокатской деятельности в условиях глобальной цифровизации. Для достижения цели решались следующие задачи: определить понятие и содержание криминологической безопасности адвокатской деятельности; систематизировать криминологические угрозы цифровой эпохи; проанализировать правовые механизмы защиты и сформулировать предложения по их совершенствованию.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили: нормативные правовые акты Российской Федерации (Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» № 63-ФЗ с последними изменениями 2024 г., ФЗ «О персональных данных» № 152-ФЗ в редакции 2025 г., ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры» № 187-ФЗ, Кодекс профессиональной этики адвоката в редакции от 18 апреля 2025 г.); статистические данные InfoWatch, Роскомнадзора, Positive Technologies, ABA TechReport, Arctic Wolf, IBM о кибератаках на юридические организации за 2020–2025 гг.; научные публикации российских и зарубежных авторов по проблемам криминологической безопасности, цифровизации адвокатуры и кибербезопасности в юридической сфере.

Методологическую основу работы составили: формально-юридический метод (анализ нормативных актов и правоприменительной практики), системно-структурный метод (моделирование системы криминологической безопасности адвокатской деятельности), статистический метод (обработка данных

о кибератаках и утечках), сравнительно-правовой метод (сопоставление российского и зарубежного регулирования).

Результаты исследования

Концепция криминологической безопасности оформилась как частная теория криминологии на рубеже XX–XXI веков. М. М. Бабаев и В. А. Плешаков предложили перенести фокус научного анализа с объекта нападения – преступности – на объект защиты: личность, общество, государство [3]. Плешаков обосновал структурные элементы теории: объекты безопасности (права, свободы, имущество), субъекты обеспечения (государственные органы, граждане, организации), а также систему мер, направленных на минимизацию криминогенных факторов. Этот подход был впоследствии развит рядом авторов.

О. А. Колоткина и соавторы (2018) рассматривают право личности на криминологическую безопасность как самостоятельную правовую категорию. Ю. Афанасенко и В. Кирвель (2022) встроили криминологическую безопасность в систему национальной безопасности и уголовной политики государства [5]. С. М. Иншаков (2020) заложил методологические основы, связывающие криминологию с теорией национальной безопасности [6]. Примечательно, что ни одна из названных работ не затрагивала адвокатуру как объект защиты – она оставалась за пределами исследовательского внимания.

Принципиальным событием стала диссертация Д. А. Конева (2022), где впервые на монографическом уровне анализируется криминологическая безопасность в сфере цифровых технологий [4]. Конев уточнил понятийный аппарат и заложил основы того, что иногда называют «цифровой криминологией». Т. В. Пинкевич (2022) обосновала необходимость модернизации системы обеспечения криминологической безопасности через правовую конвергенцию и межведомственное взаимодействие [7]. А. Л. Осипенко и В. С. Соловьев (2021) определили основные криминальные угрозы цифрового пространства, указав на усиление роли криминологии в обеспечении национальной безопасности [8]. Впрочем, и эти исследования не обращались к специфике адвокатской деятельности.

Почему же адвокатура заслуживает выделения в самостоятельный объект криминологической безопасности? На наш взгляд, тому есть три причины. Во-первых, повышенная информационная чувствительность: адвокат аккумулирует сведения, составляющие охраняемую законом тайну, – адвокатскую тайну, тайну предварительного расследования, персональные данные доверителей. Компрометация таких сведений наносит ущерб, несоизмеримый масштабу самого инцидента. Во-вторых, особый правовой статус – конституционные гарантии независимости (ст. 48 Конституции РФ, ст. 18 ФЗ-63) налагают повышенные требования к защите. И в-третьих, системообразующая роль: нарушение криминологической безопасности адвокатуры угрожает

не только конкретным адвокатам или их доверителям, но и состязательности судопроизводства как таковой.

Исходя из сказанного, мы предлагаем следующее определение: криминологическая безопасность адвокатской деятельности – это состояние защищённости адвокатуры как института гражданского общества, адвокатской тайны и прав доверителей от преступных посягательств и криминогенных факторов, порождаемых цифровой трансформацией правовой сферы, а также осознание адвокатским сообществом такой защищённости. Это определение учитывает и объективный компонент (реальная защищённость), и субъективный (восприятие безопасности профессиональным сообществом), что соответствует логике, заложенной ещё Бабаевым и Плешаковым.

Кибератаки на адвокатские образования и юридические фирмы. Эмпирические данные последних лет фиксируют стремительную эскалацию киберугроз в юридическом секторе. По данным ABA TechReport (2023), 29% американских юридических фирм подверглись хотя бы одной утечке данных [9]. В Великобритании рост кибератак на юридические фирмы за год составил 77% (SRA, 2024), а количество инцидентов с утечкой данных в юридическом секторе достигло 2 284 за период до сентября 2024 г. [10]. В 2024 г. зафиксировано рекордное количество – 45 атак программ-вымогателей на юридические фирмы, скомпрометировавших более 1,5 млн записей.

Утечка 11,5 млн документов из панамской фирмы Mossack Fonseca (2016) парализовала работу компании и привела к её ликвидации. Атака вымогателя NotPetya на DLA Piper (2017) повлекла многонедельный простой и многомиллионные убытки. В 2020 г. у Grubman Shire Meiselas & Sacks было похищено 756 ГБ данных с требованием выкупа в 42 млн долларов. Утечка данных 637 000 человек из Orrick, Herrington & Sutcliffe (2023) завершилась урегулированием на 8 млн долларов [11]. Масштабная кибератака на Legal Aid Agency в Великобритании (2025) привела к компрометации более 2,1 млн записей за период с 2007 по 2025 г.

Российская специфика заслуживает отдельного внимания – и не только в силу общего характера угроз. Ни Роскомнадзор, ни InfoWatch, ни Positive Technologies не выделяют юридическую отрасль в отдельную категорию при мониторинге кибератак и утечек. Отсутствие специализированной статистики само по себе является криминологической проблемой: невозможно оценить масштаб явления, а значит, невозможно выстроить адекватную систему противодействия. При этом общая ситуация с утечками в стране крайне неблагоприятна (см. данные во введении). Адвокатские образования, которые в подавляющем большинстве относятся к категории малого бизнеса, особенно уязвимы ввиду ограниченных бюджетов на информационную безопасность. Как метко заметил один из практикующих адвокатов

в ходе обсуждения на площадке ФПА, «мы тратим на антивирус меньше, чем на канцелярию».

Угрозы, связанные с искусственным интеллектом. Использование ИИ-инструментов адвокатами создаёт три категории криминологически значимых рисков.

Первая – утечка адвокатской тайны через публичные ИИ-сервисы. Загрузка конфиденциальных документов доверителей в ChatGPT и аналогичные платформы ставит под угрозу информацию, составляющую адвокатскую тайну. По данным Wolters Kluwer, более 60% юридических компаний в Европе и США считают защиту данных главной причиной, сдерживающей внедрение ИИ [12]. Вопрос не академический: стоит адвокату один раз загрузить материалы дела в облачный ИИ-сервис – и контроль над этими данными утрачен безвозвратно.

Вторая – так называемые «галлюцинации» ИИ и фальсификация правовых позиций. Инцидент *Mata v. Avianca* (США, 2023) стал хрестоматийным: адвокат представил суду шесть несуществующих прецедентов, сгенерированных ChatGPT. Аналогичные случаи зафиксированы в Канаде и ряде других юрисдикций. В. А. Лаптев обращает внимание на массовое применение нейросетей для подготовки процессуальных документов в российских судах, что уже приводит к появлению ссылок на несуществующие судебные акты [13]. По последним данным, модели o3 и o4-mini компании OpenAI демонстрируют уровень «галлюцинаций» в 33% и 48% соответственно. Для юридической практики, где каждая ссылка подлежит верификации, такие показатели неприемлемы.

Третья категория – deepfake-технологии и фальсификация доказательств. М. А. Ефремова и Е. А. Русскевич (2024) обосновали, что deepfake может использоваться для фальсификации доказательств, результатов ОРД, служебного подлога и воспрепятствования правосудию [14]. В. А. Лаптев (2021) раскрыл угрозы deepfake для онлайн-правосудия [13]. Н. Н. Апостолова (2023) исследовала влияние deepfake на достоверность доказательств в уголовном процессе [15]. Действующее российское законодательство не содержит ни определения deepfake, ни специальной ответственности за фальсификацию доказательств с применением генеративного ИИ – и это серьёзный пробел.

Угрозы адвокатской тайне в цифровой среде. Н. С. Чистяков (2024) выделил ключевые риски нарушения адвокатской тайны в цифровом пространстве: цифровой след, утечки через облачные сервисы и мессенджеры, уязвимость электронных каналов связи [16]. Д. И. Магдеева (2025) дополнила этот перечень, указав на фишинг, вредоносное ПО и облачные хранилища как основные факторы угрозы [17]. Н. Ю. Акинина и Н. С. Чистяков (2024) подчеркнули, что КИС АР при электронном документообороте через ЕСМЭВ способна превратиться в канал нарушения адвокатской тайны при отсутствии абсолютных гарантий безопасности цифровых баз [18]. Иными словами,

инфраструктура, призванная повысить эффективность адвокатуры, одновременно расширяет «поверхность атаки» – и этот парадокс требует криминологического осмысления.

Правовую основу обеспечения криминологической безопасности адвокатской деятельности составляет многоуровневая система актов. На конституционном уровне это ст. 48 (право на квалифицированную юридическую помощь) и ст. 23 (тайна переписки). На уровне федерального законодательства центральное место занимает ФЗ от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» – ст. 8 (адвокатская тайна), ст. 18 (гарантии независимости), глава 4.1, введённая ФЗ-83 от 22 апреля 2024 г. (КИС АР). Уголовно-правовую защиту обеспечивают нормы главы 28 УК РФ (ст. 272–274.2 о компьютерных преступлениях), а с 11 декабря 2024 г. действует новая ст. 272.1, установившая уголовную ответственность за незаконный оборот персональных данных с санкцией до 10 лет лишения свободы. Помимо этого, релевантны ст. 137 (неприкосновенность частной жизни), ст. 138 (тайна переписки), ст. 310 (разглашение данных предварительного расследования).

Регулирование дополняется ФЗ от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» с существенными изменениями 2024–2025 гг.: ФЗ от 30 ноября 2024 г. № 420-ФЗ ввёл оборотные штрафы до 3 % выручки при повторных утечках, а ФЗ от 28 февраля 2025 г. № 23-ФЗ запретил хранение персональных данных россиян за пределами РФ. Кодекс профессиональной этики адвоката (ред. от 18 апреля 2025 г.) в ст. 6 закрепляет правила сохранения профессиональной тайны, однако – и это существенно – не содержит специальных норм о цифровой безопасности.

Адвокатские образования формально не являются субъектами критической информационной инфраструктуры (ФЗ от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ). Юридическая деятельность не включена в перечень 14 сфер КИИ – хотя адвокаты обрабатывают информацию наивысшего уровня конфиденциальности. Можно ли считать информационную систему, содержащую сведения о подозреваемых в тяжких преступлениях, менее критичной, чем, скажем, система бронирования гостиниц? Вопрос, мы полагаем, риторический.

УПК РФ не содержит легального определения «цифрового доказательства». Р. В. Костенко (2025) справедливо указывает, что классические критерии допустимости доказательств не адаптированы к цифровой реальности [19]. А. Р. Шарипова (2023) констатирует: электронные следы настолько специфичны, что прежние процессуальные формы доказывания уже непригодны [20]. Эта проблема имеет прямое отношение к криминологической безопасности адвокатов – ведь именно они вынуждены работать с цифровыми доказательствами, не располагая ни надёжными процессуальными гарантиями их подлинности, ни инструментами проверки.

Отсутствует специальное регулирование использования ИИ адвокатами. Ни ФЗ-63, ни Кодекс профессиональной этики не содержат норм об ответственности за загрузку данных доверителей в публичные ИИ-сервисы, об обязанности верификации ИИ-генерированных текстов, об уведомлении доверителя. Единый комплексный закон об ИИ в России по состоянию на март 2026 г. не принят. Не менее тревожно и отсутствие специальных норм о deepfake: действующее законодательство не определяет это явление и не предусматривает специальной ответственности за фальсификацию доказательств с использованием генеративного ИИ.

Отдельные юрисдикции продвинулись значительно дальше. Американская ассоциация юристов (ABA) разработала модельные правила кибербезопасности для юристов, обязывающие принимать «разумные усилия» по защите данных клиентов (Model Rules of Professional Conduct, Rule 1.6). Европейский союз принял AI Act (Regulation 2024/1689), классифицирующий ИИ-системы по уровням риска [21]. Управление по регулированию деятельности солиситоров Великобритании (SRA) проводит системные проверки кибербезопасности юридических фирм и публикует регулярные отчёты об инцидентах. Этот опыт не может быть механически перенесён на российскую почву, однако он демонстрирует вектор, в котором развивается правовое регулирование.

Правовой компонент предполагает: внесение изменений в ФЗ-63 (закрепление обязанности адвокатов по обеспечению кибербезопасности); дополнение Кодекса профессиональной этики адвоката нормами об использовании ИИ-инструментов; введение специальных норм об ответственности за deepfake-фальсификацию доказательств. Отдельного обсуждения заслуживает вопрос о распространении отдельных требований ФЗ-187 (о КИИ) на адвокатские образования – как минимум в части обязательной сертификации информационных систем адвокатуры. Мы понимаем, что подобная мера встретит сопротивление со стороны адвокатского сообщества, но альтернатива – сохранение нынешнего «бумажного» контроля за цифровой безопасностью – представляется ещё менее приемлемой.

Организационный компонент включает: разработку Федеральной палатой адвокатов (ФПА) стандарта информационной безопасности адвокатской деятельности; введение обязательного повышения квалификации адвокатов в области кибербезопасности; организацию ведения специализированной статистики кибератак на адвокатские образования (мы уже отмечали, что сегодня такая статистика попросту не существует); создание при ФПА центра мониторинга и реагирования на киберинциденты. Последнее предложение, возможно, покажется амбициозным, но международная практика подтверждает его оправданность: например, SRA в Великобритании именно так выстраивает свою работу.

Технологический компонент охватывает: обязательное сквозное шифрование коммуникаций между адвокатом и доверителем; применение криптографических стандартов (в соответствии с приказами ФСБ) при хранении электронных досье; внедрение многофакторной аутентификации в КИС АР; запрет загрузки сведений, составляющих адвокатскую тайну, в публичные ИИ-сервисы с одновременным развитием «корпоративных» ИИ-решений с локальным хранением данных [22]. Здесь необходима осторожность в оценках: запрет сам по себе малоэффективен без альтернативы, и задача состоит в том, чтобы предложить адвокатам безопасные инструменты, не уступающие по функциональности публичным.

На основании проведённого исследования мы формулируем пять конкретных предложений.

Первое: дополнить ст. 8 ФЗ-63 нормой об обязанности адвоката принимать разумные технические и организационные меры по защите информации, составляющей адвокатскую тайну, в цифровой среде. Формулировка «разумные меры» заимствована из практики АВА и позволяет адаптировать требования к масштабу адвокатского образования.

Второе: дополнить Кодекс профессиональной этики адвоката нормами, регулирующими использование ИИ-инструментов: обязанность верификации результатов ИИ, запрет загрузки персональных данных доверителей в публичные ИИ-сервисы, обязанность уведомления доверителя об использовании ИИ.

Третье: рассмотреть возможность включения информационных систем адвокатуры (КИС АР, реестр адвокатов) в перечень объектов КИИ или установить для них аналогичные требования к защите информации.

Четвёртое: внести в УК РФ квалифицирующий признак «совершение преступления с использованием технологий глубокого синтеза (deepfake)» в статьи о фальсификации доказательств (ст. 303) и воспрепятствовании правосудию (ст. 294). Хотя это предложение выходит за рамки собственно адвокатской проблематики, оно напрямую связано с криминологической безопасностью адвокатской деятельности.

Пятое: организовать ведение специализированной статистики кибератак на адвокатские образования силами ФПА совместно с ФСТЭК и Роскомнадзором. Без количественных данных любые меры останутся интуитивными.

Какой бы совершенной ни была нормативная база, человеческий фактор остаётся слабым звеном. По международным данным, 60 % юридических фирм считают главной уязвимостью поведение сотрудников (SRA), а медианное время от получения фишингового письма до клика составляет менее 60 секунд (Verizon DBIR, 2024). Для российского адвокатского сообщества, где уровень цифровой грамотности, мы полагаем, существенно ниже, чем в крупных международных юридических фирмах, эта проблема стоит ещё острее. Необходима

программа повышения цифровой грамотности, включающая: регулярное обучение распознаванию фишинга; правила работы с конфиденциальными данными в облачных средах и ИИ-сервисах; алгоритмы реагирования на киберинциденты. Такая программа могла бы быть интегрирована в существующую систему повышения квалификации адвокатов, предусмотренную ФЗ-63.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов.

Криминологическая безопасность адвокатской деятельности представляет собой самостоятельный объект криминологического исследования, не получивший до настоящего времени научной разработки. Адвокатура обладает совокупностью характеристик – повышенная информационная чувствительность, конституционные гарантии независимости, системообразующая роль в механизме защиты прав граждан, – которые требуют специфического подхода к обеспечению безопасности, не сводимого к общим мерам кибербезопасности.

Цифровизация адвокатуры – внедрение КИС АР, электронный документооборот, ИИ-инструменты – формирует качественно новые криминогенные факторы. Международная статистика фиксирует нарастание угроз: от 39 до 40 % юридических фирм подвергались кибератакам, 45 атак программ-вымогателей зафиксировано в 2024 г., средняя стоимость одной утечки составляет 5,08 млн долларов. В России специализированная статистика по адвокатским образованиям не ведётся, что само по себе является существенной проблемой.

Действующая нормативно-правовая база содержит критические пробелы. Адвокатские образования не отнесены к субъектам КИИ. УПК РФ не определяет «цифровое доказательство». Законодательство не регулирует использование ИИ адвокатами и не содержит специальных норм о противодействии deepfake. Между тем зарубежный опыт (ABA, SRA, AI Act EC) демонстрирует возможность и необходимость комплексного регулирования.

Обеспечение криминологической безопасности адвокатской деятельности требует комплексного подхода, объединяющего правовой, организационный и технологический компоненты. Предложенная авторская концепция и конкретные предложения *de lege ferenda* – дополнение ФЗ-63 нормой о кибербезопасности, регулирование ИИ в Кодексе профессиональной этики, включение информационных систем адвокатуры в перечень объектов КИИ, введение квалифицирующего признака deepfake в нормы о фальсификации доказательств – могут послужить основой для дальнейших исследований и законодательных инициатив.

Перспективными направлениями исследования видятся: разработка детализированного стандарта информационной безопасности адвокатской деятельности; криминологическое прогнозирование угроз с использованием ИИ; виктимологический анализ адвокатского сообщества как группы риска

в цифровой среде. Вопрос остаётся дискуссионным – насколько быстро законодатель и профессиональное сообщество смогут адаптироваться к новым реалиям, – но необходимость такой адаптации, на наш взгляд, очевидна.

Список литературы

1. Акинина Н. Ю., Чистяков Н. С. Некоторые проблемы нарушения адвокатской тайны // *Научные высказывания.* – 2024. – № 9 (56). – С. 66–69.
2. Апостолова Н. Н. Достоверность доказательств и технологии дипфейка // *Российский судья.* – 2023. – № 11. – С. 7–11.
3. Афанасенко Ю., Кирвель В. Криминологическая безопасность как элемент системы национальной безопасности и уголовной политики государства // *Общество и инновации.* – 2022. – Т. 3. – № 4. – С. 46–61.
4. Варыгин А. Н., Желудков М. А. Криминология сегодня (состояние, проблемы, развитие) // *Вестник Казанского юридического института МВД России.* – 2024. – Т. 15. – № 3. – С. 24–32.
5. Гаврилов С. Н. Цифровая трансформация адвокатской деятельности и адвокатуры: нормативное и нормативно-правовое регулирование // *Адвокатская практика.* – 2022. – № 2. – С. 56–60.
6. Гладышева О. В., Семенцов В. А., Лошкобанова Я. В. Искусственный интеллект и цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве // *Юридический вестник Кубанского государственного университета.* – 2024. – № 1. – С. 89–99.
7. Ефремова М. А., Русскевич Е. А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // *Вестник Казанского юридического института МВД России.* – 2024. – Т. 15. – № 2. – С. 45–53.
8. Иниаков С. М. Методологические основы теории национальной безопасности: монография. – М.: РУСАЙНС, 2020. – 278 с.
9. Конев Д. А. Криминологическая безопасность и её обеспечение в сфере цифровых технологий: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Омск: Омская академия МВД России, 2022. – 206 с.
10. Костенко Р. В. Допустимость доказательств в цифровую эпоху: трансформация процессуальных стандартов // *Юридический вестник Кубанского государственного университета.* – 2025. – Т. 17. – № 1. – С. 30–35.
11. Лаптев В. А. Deepfake и иные продукты искусственного интеллекта на пути развития онлайн-правосудия // *Актуальные проблемы российского права.* – 2021. – Т. 16. – № 11 (132). – С. 180–186.

12. Магдеева Д. И. Адвокатская тайна в цифровую эпоху: вызовы и способы защиты // Вестник Пензенского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 22–26.
13. Осипенко А. Л., Соловьев В. С. Основные направления развития криминологической науки и практики предупреждения преступлений в условиях цифровизации общества // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15. – № 6. – С. 649–660.
14. Пинкевич Т. В. Обеспечение криминологической безопасности в условиях цифровой трансформации // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – Т. 13. – № 2. – С. 52–58.
15. Чистяков Н. С. Влияние процессов цифровизации на институт адвокатской тайны // Научные высказывания. – 2024. – № 10 (57). – С. 60–63.
16. Шарипова А. Р. Новые источники уголовно-процессуальных и иных судебных доказательств в цифровой реальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2023. – Т. 14. – № 1. – С. 73–89.
17. Концептуальные основы нормативного регулирования единой цифровой среды адвокатуры России: монография / под науч. ред. Ю. С. Пилипенко, С. И. Володиной. – М., 2022. – 256 с.
18. Набатов М. Б. О некоторых рисках внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство // Адвокатская практика. – 2022. – № 4. – С. 30–35.
19. Шенин В. М., Попков Д. В. Искусственный интеллект в сфере юриспруденции в эпоху цифровизации // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 5 (233). – С. 73–77.
20. Приженникова А. Н. Цифровые технологии в практической деятельности адвоката // Образование и право. – 2020. – № 5. – С. 224–229.

DOI 10.34660/INF.2026.94.99.169

УДК 347.965:004

АДВОКАТ БУДУЩЕГО: МЕНЕДЖМЕНТ КАК СТРАТЕГИЯ И ЦИФРОВОЙ СТАНДАРТ

Селезнёва Елизавета Алексеевна

*адвокат адвокатской палаты г. Москвы,
кандидат юридических наук, доктор юридического
администрирования*

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики»,*

доцент

Российский университет адвокатуры и нотариата имени

Г. Б. Мирзоева,

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

Аннотация. В статье рассматриваются два взаимосвязанных трансформационных процесса в современной адвокатуре: становление менеджмента адвокатской практики как стратегического императива и цифровая трансформация адвокатской деятельности в условиях развития LegalTech и искусственного интеллекта. Проведён анализ нормативно-правовой базы Российской Федерации, эмпирических данных Федеральной палаты адвокатов, российских и зарубежных научных источников. Отмечено, что российская адвокатура вступила в фазу системной цифровой трансформации, центральным элементом которой выступает Комплексная информационная система адвокатуры России (КИС АР). Выявлено, что генеративный искусственный интеллект представляет одновременно инструмент повышения эффективности и источник профессиональных рисков, связанных с сохранением адвокатской тайны. Определено, что модель адвоката будущего предполагает интеграцию правовой экспертизы, управленческих компетенций и цифровой грамотности. Сделан вывод о том, что формирование данной модели требует обновления образовательных стандартов и принятия специальных нормативных документов профессионального сообщества по вопросам использования искусственного интеллекта в адвокатской практике.

Ключевые слова: адвокатура, менеджмент адвокатской практики, LegalTech, цифровая трансформация, искусственный интеллект в праве, электронное правосудие, КИС АР, адвокатская тайна, управление юридической фирмой.

Введение

Юридическая профессия переживает период радикальной трансформации, обусловленной взаимодействием нескольких факторов: цифровизацией государственного управления и судопроизводства, распространением генеративного искусственного интеллекта и изменением ожиданий доверителей в отношении качества и доступности юридической помощи. Р. Сасскинд в своей работе прогнозирует принципиальное изменение способов оказания юридических услуг под воздействием технологий, указывая на неизбежность декомпозиции юридической работы и коммодитизации её рутинных компонентов [1]. Российская адвокатура не является исключением из данного общемирового тренда.

По данным XII Всероссийского съезда адвокатов (апрель 2025 г.), впервые в истории зафиксировано снижение общей численности адвокатов с действующим статусом до 75 813 человек, при этом доля молодых адвокатов (до 30 лет) сократилась до 6,4% [2]. Параллельно с демографическими вызовами адвокатура столкнулась с фундаментальным изменением нормативной и технологической среды: принятие Федерального закона от 22.04.2024 № 83-ФЗ, законодательное закрепление Комплексной информационной системы адвокатуры России (КИС АР), развитие суперсервиса «Правосудие онлайн» и стремительное распространение генеративного искусственного интеллекта формируют принципиально новый ландшафт профессиональной деятельности.

В этих условиях адвокатская практика перестаёт быть исключительно правоприменительной деятельностью и приобретает черты управляемого бизнес-процесса, требующего стратегического мышления, маркетинговых навыков и технологической компетентности. Дж. Ферлонг обосновывает, что юридические услуги должны выстраиваться вокруг потребностей доверителя, а не вокруг удобства адвоката, что обусловлено переходом юридического рынка к модели «рынка покупателя» [3].

Цель статьи – провести комплексный анализ взаимовлияния управленческих и цифровых трансформаций в адвокатской деятельности и обосновать модель «адвоката будущего» как профессионала, интегрирующего правовую экспертизу, менеджерские компетенции и цифровую грамотность.

Актуальность исследования определяется тем, что российская адвокатура вступила в период одновременных демографических, управленческих и технологических трансформаций, концептуальное осмысление которых на уровне

профессионального сообщества пока носит фрагментарный характер. Научная новизна состоит в комплексном рассмотрении менеджериальных и цифровых аспектов модернизации адвокатской практики как взаимообусловленных процессов и в обосновании интегративной модели компетенций адвоката будущего.

Материалы и методы

Материалы исследования включают нормативные правовые акты Российской Федерации (Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в редакции Федерального закона от 22.04.2024 № 83-ФЗ, Кодекс профессиональной этики адвоката), документы Федеральной палаты адвокатов (материалы XII Всероссийского съезда адвокатов, статистические данные о состоянии адвокатского сообщества, Правила поведения адвокатов в сети «Интернет»), статистические данные о развитии электронного правосудия и рынка LegalTech, а также отечественные и зарубежные научные публикации по проблематике менеджмента юридической практики, цифровой трансформации адвокатуры и этических аспектов применения искусственного интеллекта в праве.

Методами исследования являются формально-юридический метод (анализ нормативных правовых актов и корпоративных документов адвокатского сообщества), сравнительно-правовой метод (сопоставление российского и зарубежного опыта регулирования использования искусственного интеллекта в адвокатской деятельности), системно-структурный метод (выявление взаимосвязей между управленческими, цифровыми и этическими аспектами трансформации адвокатуры), а также метод теоретического обобщения научных источников.

Результаты исследования

1. Менеджмент адвокатской практики: от ремесла к стратегическому управлению.

Исторически российская адвокатура формировалась как профессиональное сообщество, в котором управленческие функции занимали подчинённое положение по отношению к правовой экспертизе. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ определяет адвокатскую деятельность как квалифицированную юридическую помощь, оказываемую на профессиональной основе, и прямо указывает, что она «не является предпринимательской» (п. 2 ст. 1) [4]. Это нормативное ограничение сформировало устойчивую установку на восприятие адвокатуры как миссии, применение к которой управленческого инструментария представляется неуместным.

Между тем реальность адвокатской практики свидетельствует об обратном. По данным ФПА РФ, в России функционируют свыше 27 тысяч адвокатских образований, из которых 83,4% приходится на адвокатские кабинеты, 12,7% – на коллегии адвокатов и менее 4% – на адвокатские бюро [2]. При этом 62% адвокатов с действующим статусом осуществляют деятельность в составе

коллегий, что указывает на высокую концентрацию профессионалов в крупных организационных формах, объективно нуждающихся в системном управлении.

С. Н. Гаврилов, один из ведущих исследователей менеджмента качества в адвокатуре, обосновал необходимость построения системы менеджмента качества юридической помощи на основе международных стандартов [5]. В развитие этих идей им была предложена процессная модель качества квалифицированной юридической помощи, опирающаяся на три группы критериев: профессиональные, процедурные и потребительские [6]. Данный подход концептуально созвучен модели А. Остервальда, адаптированной применительно к юридическим компаниям: ключевым ресурсом адвокатского образования являются знания и опыт юристов, а основными бизнес-процессами – управление знаниями, обучение и формирование корпоративной культуры [7].

Зарубежный опыт подтверждает магистральный тренд перехода к клиентоориентированной модели юридической практики. Дж. Ферлонг детально описывает модель юридической фирмы, в которой ценообразование, маркетинг, организация работы и компенсация выстраиваются вокруг интересов доверителя [3]. Р. Сасскинд предлагает модель декомпозиции юридической работы, при которой каждая задача разделяется на компоненты, часть которых требует уникальной экспертизы, а часть может быть стандартизирована и коммодитизирована [1]. Применительно к российским условиям это означает, что рутинные операции (подготовка типовых документов, мониторинг судебных дел, проверка контрагентов) поддаются автоматизации, в то время как стратегическое консультирование и защита в сложных делах остаются доменом квалифицированного адвоката.

Маркетинг юридических услуг в России развивается, хотя и в условиях этических ограничений. С. Б. Ильяшенко показывает, что адвокатские коллегии вынуждены придерживаться «осторожного» подхода к продвижению без самовосхваления и некорректных обещаний, в строгом соответствии с нормами Кодекса профессиональной этики адвоката [8]. Рекомендации ФПА РФ по ведению персональных сайтов (2022 г.) прямо указывают, что не рекомендуется называть юридическую помощь «услугами», а доверителя – «клиентом» [9]. Вместе с тем Е. А. Селезнева убедительно обосновывает, что применение маркетингового управления в адвокатском бизнесе не противоречит профессиональной этике, а дополняет её, повышая доступность квалифицированной юридической помощи [10].

Стратегический вывод из анализа управленческого измерения адвокатуры состоит в следующем: менеджмент перестаёт быть факультативным навыком и становится необходимым условием устойчивости адвокатской практики в конкурентной среде. Совокупная выручка 800 российских юридических фирм по итогам 2023 года составила 175,9 млрд рублей, а рынок LegalTech

оценивается в 15 млрд рублей [11]. Фирмы, не освоившие базовые управленческие практики – стратегическое планирование, управление знаниями, клиентскую аналитику – рискуют оказаться на периферии рынка.

2. Цифровая инфраструктура адвокатуры: от справочных систем к экосистемам.

Цифровая трансформация адвокатуры разворачивается одновременно на нескольких уровнях: инфраструктурном (корпоративные информационные системы), инструментальном (LegalTech-продукты) и институциональном (электронное правосудие). Каждый из этих уровней задаёт новые стандарты профессиональной деятельности.

Центральным элементом цифровой экосистемы российской адвокатуры является Комплексная информационная система адвокатуры России (КИС АР), правовой статус которой закреплён в главе 4.1 Федерального закона № 63-ФЗ (статьи 39.1 и 39.2), введённой Федеральным законом от 02.12.2019 № 400-ФЗ и расширенной Федеральным законом от 22.04.2024 № 83-ФЗ [4]. КИС АР представляет собой автоматизированную информационную систему класса ERP, размещённую на облачной платформе с аттестатом соответствия первому классу защищённости государственных информационных систем. Первоочередным модулем стала подсистема АРПН – автоматизированное распределение поручений на защиту по назначению, которая исключает влияние следователей на выбор адвоката и обеспечивает прозрачность назначений.

К 2025 году КИС АР внедрена примерно в 80 % региональных палат, квалификационные экзамены на статус адвоката проводятся исключительно через эту систему, ведётся работа по интеграции с государственными информационными системами через СМЭВ и МЭДО [6]. С. Н. Гаврилов определяет стратегическую цель проекта как создание корпоративной цифровой экосистемы адвокатуры, основанной на принципе «цифрового суверенитета» – адвокатура должна быть субъектом, а не объектом цифровизации.

Российский рынок LegalTech характеризуется высокой долей отечественных разработок: по имеющимся оценкам, 95 % решений создаются российскими компаниями [11]. Базовый слой составляют справочно-правовые системы «КонсультантПлюс» (свыше 25 млн документов) и «Гарант», которыми пользуется подавляющее большинство адвокатов. Профессиональный аналитический слой представлен платформами нового поколения: Casebook (база из более 90 млн судебных актов, мониторинг дел, оценка рисков) и Caselook (140 млн судебных актов с AI-ассистентом, осуществляющим поиск практики по описанию ситуации и автоматическую генерацию аналитических сводок).

Прорывным трендом 2024–2025 годов стало внедрение генеративного искусственного интеллекта в юридическую практику. По имеющимся данным,

использование AI-ассистентов позволяет сократить время анализа документов с 40–60 минут до 2–3 минут, а подготовки проектов документов – с 25–30 минут до 1–3 минут, что даёт экономию свыше 90 % рабочего времени на рутинных операциях [11]. Вместе с тем применение AI сопряжено с серьёзными рисками: по некоторым оценкам, современные языковые модели допускают значительный процент ошибок в юридических ответах, порождая так называемые «галлюцинации» – ссылки на несуществующие судебные акты и недостоверные факты [12].

На глобальном уровне тренд ещё более выражен. Мировой рынок LegalTech оценивается в 27–34 млрд долларов (2024 г.) с прогнозируемым ростом до 47–66 млрд долларов к 2030–2034 годам [13]. Компания Harvey AI, специализирующаяся на юридическом ИИ, достигла оценки в 8 млрд долларов (декабрь 2025 г.), а Thomson Reuters приобрела платформу Casetext, создав на её основе продукт CoCounsel.

Взаимодействие адвоката с судебной системой стремительно переходит в цифровой формат. Система «Мой арбитр» обеспечивает подачу 74 % всех документов в арбитражные суды в электронной форме – 15,7 млн документов за 2023 год, что представляет рост в 20,5 раз по сравнению с 2012 годом. В судах общей юрисдикции через ГАС «Правосудие» создано более 2,7 млн личных кабинетов и подано около 22 млн электронных обращений. Ежедневно в российских судах проводится свыше 6 000 судебных заседаний по видеоконференцсвязи.

Суперсервис «Правосудие онлайн», разрабатываемый с 2020 года в рамках национальной программы «Цифровая экономика РФ», в мае 2025 года был запущен в опытную эксплуатацию в пилотных регионах – Саратов, Свердловской области, Татарстане. Целевая модель предполагает полный цикл дистанционного участия в судопроизводстве: подача иска, расчёт и оплата госпошлины, онлайн-уведомления, участие в заседаниях из дома, получение решений. Использование элементов ИИ самими судами набирает темп: по имеющимся данным, около 35 % российских судов применяют элементы искусственного интеллекта – от автозаполнения данных до подготовки проектов судебных приказов [12].

3. Профессиональная этика адвоката в цифровой среде: новые границы конфиденциальности.

Цифровизация создаёт беспрецедентные вызовы для института адвокатской тайны – краеугольного камня профессии. Статья 8 Федерального закона № 63-ФЗ определяет адвокатскую тайну как «любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю» [4], а Кодекс профессиональной этики адвоката (ст. 6, ред. XII Всероссийского съезда адвокатов от 18.04.2025) закрепляет обязанность её сохранения. Однако ни закон,

ни Кодекс не содержат специальных норм о защите конфиденциальности в условиях использования облачных технологий, мессенджеров и AI-инструментов.

Проблема является многомерной. Д. И. Магдеева обоснованно указывает, что хранение данных доверителей на внешних серверах облачных сервисов создаёт риск утечки, при этом действующее законодательство не предусматривает специальных гарантий защиты адвокатской тайны в цифровой среде [14]. Использование генеративного ИИ усиливает данный риск: адвокат, вводящий фабулу дела в нейросетевую модель, фактически передаёт конфиденциальные сведения третьему лицу – оператору платформы, серверы которого могут располагаться за пределами российской юрисдикции.

Прецедентным стало дело *Mata v. Avianca* (2023, США), где адвокат был подвергнут дисциплинарным санкциям за представление суду «выдуманных» ИИ прецедентов – это наглядно продемонстрировало как этические, так и процессуальные последствия неконтролируемого применения нейросетей. В российском контексте Арбитражный суд (дело А60–39444/2024) постановил, что результаты работы генеративного ИИ не рассматриваются как самостоятельные допустимые доказательства, поскольку носят «производный, абстрактный и непроверяемый характер» [12]. Это формирует важный прецедент: ИИ является инструментом адвоката, но не заменой его профессионального суждения.

Федеральная палата адвокатов предпринимает шаги по регулированию ситуации, хотя специальный документ по использованию ИИ адвокатами пока не принят. Утверждённые Советом ФПА Правила поведения адвокатов в сети «Интернет» распространяют нормы Кодекса профессиональной этики на цифровую среду, квалифицируя публичное размещение информации как поведение «высокой степени риска» для конфиденциальности [9]. В 2025 году ФПА провела анкетирование адвокатов по вопросам допустимости использования ИИ, а руководство палаты сформулировало позицию: адвокат обязан предупреждать доверителя о применении ИИ и не должен злоупотреблять помощью нейросетей.

Показателен зарубежный опыт регулирования. Американская ассоциация адвокатов (АВА) в Формальном мнении 512 (29 июля 2024 г.) – первом официальном этическом руководстве по генеративному ИИ – установила, что использование AI подпадает под правила о компетентности, информировании клиента, разумности гонорара и конфиденциальности [15]. Адвокат, подготовивший документ с помощью ИИ за значительно меньшее время, может выставить счёт только за фактически затраченное время. Рабочая группа АВА по праву и ИИ в итоговом отчёте (декабрь 2025 г.) констатировала, что ИИ перешёл из стадии эксперимента в стадию инфраструктуры юридической профессии.

Европейский союз избрал регуляторный путь: Акт об искусственном интеллекте (Регламент (ЕС) 2024/1689), вступивший в силу 1 августа 2024 года

с полной применимостью с 2 августа 2026 года, классифицирует AI, используемый в отправлении правосудия, как систему «высокого риска», что влечёт обязательства по прозрачности, справедливости и подотчётности. Штрафные санкции достигают 35 млн евро или 7 % мирового годового оборота. Данный подход представляет собой наиболее системную попытку нормативного регулирования ИИ в правовой сфере на мировом уровне.

4. Компетентностная модель адвоката будущего.

Конвергенция управленческих и цифровых трансформаций предъявляет принципиально новые требования к профессиональному профилю адвоката. Р. Сасскинд прогнозирует появление новых ролей в юридической профессии: юридический инженер знаний, дизайнер правовых процессов, аналитик данных, юридический технолог [1]. Применительно к российской адвокатуре И. В. Понкин и А. И. Редькина подчёркивают необходимость последовательного законодательного обеспечения использования и развития ИИ с учётом специфики конкретных сфер применения, что предполагает наличие у адвоката не только правовых, но и технико-аналитических компетенций.

Формирование компетенций адвоката будущего может быть структурировано по трём блокам. Первый блок – цифровые компетенции. И. В. Ершова и Е. Е. Енькова определяют цифровые компетенции юриста как способность эффективно использовать цифровые технологии для решения профессиональных задач. Конкретный набор включает: владение справочно-правовыми системами и аналитическими платформами, навыки работы с генеративным ИИ (формулирование запросов, верификация результатов), компетенции в области информационной безопасности и защиты данных, понимание принципов электронного документооборота и электронного правосудия.

Ведущие российские вузы уже формируют соответствующие образовательные программы. НИУ ВШЭ запустила магистратуры «LegalTech» и «Цифровое право», а также бакалавриат «Юриспруденция: цифровой юрист». МГЮА имени О. Е. Кутафина предлагает курс повышения квалификации «LegalTech-менеджер» и магистратуру «Цифровое право (IT Law)». В. А. Северин обосновывает необходимость междисциплинарного подхода к подготовке юристов нового поколения для цифровой экономики, включающего элементы информатики, экономики и управления.

Второй блок – управленческие компетенции. Современный адвокат, работающий в составе коллегии или бюро, выполняет роли бизнес-аналитика, риск-менеджера и клиентского менеджера одновременно. Программа ДПО НИУ ВШЭ «Предпринимательство и стратегическое управление в юридическом бизнесе» включает модули по стратегии, финансам, маркетингу и управлению персоналом юридической фирмы. По данным исследования «Бенчмаркинг юридической функции – 2024», 53 % юридических команд крупных

компаний уже имеют в штате специалиста по операционному управлению юридической функцией (Legal Operations Manager), а 85 % считают необходимым наличие инструментов автоматизации. Эти показатели свидетельствуют об институционализации управленческой функции в юридической практике.

Третий блок – этико-коммуникативные компетенции. Представляется, что именно в эпоху искусственного интеллекта возрастает значение человеческих качеств адвоката. Как было отмечено на конференции ФПА «Цифровые компетенции адвоката будущего» (2025 г.), адвокаты будут последними, кого заменит искусственный интеллект, поскольку их работа требует эмпатии – качества, которое ИИ не способен воспроизвести. Навыки управления доверием, ведения переговоров, работы в условиях неопределённости, этической рефлексии становятся конкурентным преимуществом в ситуации, когда рутинные юридические задачи автоматизируются.

Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятый VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, устанавливает минимальные требования к деятельности адвоката-защитника: согласование позиции с подзащитным, разъяснение последствий, активное участие в доказывании, обжалование незаконных решений. Цифровые технологии не отменяют эти требования, но трансформируют способы их выполнения: собирание доказательств дополняется предиктивной аналитикой, подготовка правовой позиции – AI-ассистированным анализом практики, коммуникация с подзащитным – защищёнными цифровыми каналами.

Мировой опыт демонстрирует аналогичные тенденции: ряд юридических школ США ввели обязательное обучение работе с ИИ для всех студентов, а Школа права Беркли запустила магистратуру (LL.M.), полностью посвящённую AI в праве [15]. Разрыв между требованиями практики и содержанием образования остаётся одним из главных барьеров трансформации юридической профессии.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, российская адвокатура находится в точке бифуркации, где совпадают три трансформационных вектора: демографический (снижение численности и «старение» адвокатского корпуса), управленческий (необходимость перехода от ремесленной модели к стратегическому менеджменту) и технологический (стремительная цифровизация профессиональной среды). Эти процессы взаимообусловлены: без управленческих компетенций невозможна эффективная цифровая трансформация, а без цифровых инструментов недостижимо качественное стратегическое управление.

Во-вторых, КИС AP, охватившая около 80 % региональных палат, становится инфраструктурной основой адвокатуры, однако её потенциал реализован

лишь частично – основной функционирующий модуль (АРПН) решает задачу прозрачности назначений, тогда как модули управления делами, финансового учёта и аналитики находятся в разработке. Интеграция с ГАС «Правосудие» и суперсервисом «Правосудие онлайн» создаст единый цифровой контур «адвокат – суд – доверитель», но до её завершения предстоит преодолеть инфраструктурные и нормативные барьеры.

В-третьих, генеративный ИИ представляет собой одновременно инструмент повышения эффективности (экономия до 90 % времени на рутинных операциях) и источник профессиональных рисков (галлюцинации, утечка конфиденциальной информации, подмена профессионального суждения). Российской адвокатуře необходим специальный нормативный документ ФПА, регламентирующий допустимые границы и порядок использования AI, по аналогии с Формальным мнением 512 Американской ассоциации адвокатов.

В-четвёртых, модель «адвоката будущего» интегрирует три измерения профессионализма: правовую экспертизу (глубокие знания материального и процессуального права), управленческую компетентность (стратегическое мышление, клиентоориентированность, маркетинг, управление знаниями) и цифровую грамотность (владение LegalTech-инструментами, AI, электронным правосудием, информационной безопасностью). Формирование этой модели требует обновления образовательных стандартов юридического образования и программ повышения квалификации адвокатов с обязательным включением управленческих и цифровых модулей.

Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются: разработка методологии оценки цифровой зрелости адвокатских образований, анализ экономических эффектов внедрения AI в адвокатскую практику, а также сравнительное исследование моделей регулирования юридического ИИ в различных правовых системах.

Список литературы

1. *Susskind R. Tomorrow's Lawyers: An Introduction to Your Future. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2017. 240 p.*
2. *Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. Материалы XII Всероссийского съезда адвокатов (18 апреля 2025 г.). URL: <https://fparf.ru> (дата обращения: 20.02.2026).*
3. *Furlong J. Law Is a Buyer's Market: Building a Client-First Law Firm. Toronto: Law21 Press, 2017. 276 p.*
4. *Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024, № 83-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.*

5. Гаврилов С. Н. Построение системы менеджмента качества юридической помощи в адвокатуре // *Стандарты и качество*. 2007. № 8. С. 98–99.

6. Гаврилов С. Н. Процессная модель качества квалифицированной юридической помощи в контексте цифровой трансформации адвокатуры // *Адвокатская практика*. 2020. № 6. С. 9–24.

7. Косов, М. Е. Особенности бизнес-модели юридической компании и влияющие на неё факторы / М. Е. Косов // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2019. – № 5. – С. 241–249. – DOI 10.24411/2073–0454–2019–10289. – EDN APEPCS.

8. Ильяшенко, С. Б. Особенности продвижения юридических услуг в СМИ и социальных сетях / С. Б. Ильяшенко // *Практический маркетинг*. – 2024. – № 12(330). – С. 55–59. – DOI 10.24412/2071–3762–2024–12330–55–59.

9. Федеральная палата адвокатов РФ. Правила поведения адвокатов в сети «Интернет»; Рекомендации по ведению персональных сайтов адвокатами (15 сентября 2022 г.). URL: <https://fparf.ru> (дата обращения: 20.02.2026).

10. Селезнева Е. А. Теоретико-прикладные аспекты маркетингового управления в адвокатском бизнесе // *Адвокатская практика*. 2023. № 3. С. 13–17. DOI: 10.18572/1999-4826-2023-3-13-17.

11. Рынок LegalTech в России: итоги 2025 и перспективы 2026 // РБК Компании. 2025. URL: <https://companies.rbc.ru> (дата обращения: 20.02.2026).

12. Делпроф. Судебная практика по вопросам искусственного интеллекта: обзор 2025. URL: <https://delprof.ru> (дата обращения: 20.02.2026).

13. Global Legal Tech Market Size & Share Report, 2024–2034 / Precedence Research. URL: <https://www.precedenceresearch.com> (дата обращения: 20.02.2026).

14. Магдеева, Д. И. Адвокатская тайна в цифровую эпоху: вызовы и способы защиты / Д. И. Магдеева // *Вестник Пензенского государственного университета*. – 2025. – № 2(50). – С. 22–26.

15. American Bar Association. Formal Opinion 512: Generative Artificial Intelligence Tools (July 29, 2024); ABA Task Force on Law and AI: Year 2 Final Report (December 2025). URL: <https://www.americanbar.org> (дата обращения: 20.02.2026).

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ АБИТУРИЕНТОВ, ДОБИВШИХСЯ ВЫСОКИХ СПОРТИВНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ, ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ В УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ БЕЛАРУСИ

Воробьёв В. А.

*Гомельский государственный университет имени Франциска
Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь*

Аннотация. В настоящей статье приводится результат анализа правового регулирования ряда требований, предъявляемых для абитуриентов при поступлении в учреждения высшего образования для обучения за счёт средств республиканского бюджета. В ходе исследования были обнаружены определенные проблемы в отношении абитуриентов, имеющих спортивные достижения международного уровня.

Ключевые слова: правила приёма национальная сборная, справка о спортивных результатах, целевая подготовка, уменьшение документооборота.

Согласно статье 49 Конституции Республики Беларусь «каждый имеет право на образование, при этом, высшее образование доступно для всех в соответствии со способностями каждого. Каждый может на конкурсной основе бесплатно получить соответствующее образование в государственных учреждениях образования».

Порядок участия в конкурсе абитуриентов для получения высшего образования в Республики Беларусь регламентирован «Правилами приема лиц для получения общего высшего и специального высшего образования», утвержденными Указом Президента Республики Беларусь № 23 (далее – Указ № 23) [1]. В нем изложены основные требования к порядку работы приёмных комиссии учреждений высшего образования, перечень документов необходимых для участия в конкурсе и прочие организационные вопросы, однако, в свете исследуемого вопроса отдельный интерес вызывает требование к абитуриентам, имеющим высокие спортивные достижения на международном уровне.

Указом № 23 в пунктах 23 и 24 предоставлено право поступления без вступительных испытаний лицам:

участники (спортсмены) Олимпийских, Паралимпийских и Дефлимпийских игр, лица, занявшие 1–3-е места на Юношеских Олимпийских играх, принимавшие участие в данных спортивных соревнованиях **в составе национальных и сборных команд Республики Беларусь** по видам спорта, при поступлении на специальности групп специальностей «Физическая культура и спорт» и «Подготовка педагогов в области физической культуры»;

лица, занявшие 1–3-е места на чемпионатах, в финалах кубков, на первенствах мира и Европы, Европейских играх, Европейских юношеских олимпийских фестивалях по видам спорта, входящим в программу Олимпийских игр и включенным в реестр видов спорта Республики Беларусь и (или) по которым Министерством спорта сформированы национальные команды Республики Беларусь по видам спорта, принимавшие участие в данных спортивных соревнованиях **в составе национальных и сборных команд Республики Беларусь** по видам спорта, при поступлении на специальности групп специальностей «Физическая культура и спорт» и «Подготовка педагогов в области физической культуры»;

лица, занявшие 1–3-е места на чемпионатах, первенствах мира и Европы среди инвалидов по зрению и (или) с нарушением опорнодвигательного аппарата, на чемпионатах, первенствах мира и Европы среди инвалидов по слуху по видам спорта, входящим в программу Паралимпийских и Дефлимпийских игр и включенным в реестр видов спорта Республики Беларусь, принимавшие участие в данных спортивных 51 соревнованиях **в составе национальных и сборных команд Республики Беларусь** по видам спорта, при поступлении на специальности групп специальностей «Физическая культура и спорт» и «Подготовка педагогов в области физической культуры».

Все три категории указанных выше лиц объединяет одно важное условие: данные лица обязательно должны принимать участие в соревнованиях **«в составе национальных и сборных команд Республики Беларусь»**.

Порядок предоставления справок о подтверждении спортивных достижениях регламентирован Постановлением Министерства спорта и туризма Республики Беларусь от 26 июня 2024 г. № 31 «Об установлении форм справок, выдаваемых гражданам» [2]. Приложение 1 утверждена форма «Справка о подтверждении нахождения в составе национальной или сборной команды Республики Беларусь по виду (видам) спорта», Приложением 2 форма – «Справка, подтверждающая спортивные достижения».

Таким образом для реализации своего права для участия в конкурсе без вступительных испытаний лица, показавших высокие спортивные достижения должны брать сразу две справки, отсутствие одной из них не дает такого права.

В связи с вышеизложенным для уменьшения документооборота, связанного с выдачей справок, а также в целях совершенствования правовой защиты

абитуриентов, показавших высокие спортивные достижения на международной арене, предлагается добавить Постановлением Министерства спорта и туризма Республики Беларусь от 26 июня 2024 г. № 31 «Об установлении форм справок, выдаваемых гражданам», путем дополнения его Приложением 3, утверждающим форму «Справка, подтверждающая спортивные достижения в составе национальной или сборной команды Республики Беларусь по виду (видам) спорта». Её содержания будет оформлено путем компиляции справок, утвержденных Приложениями 1 и 2. Данное изменение позволит минимизировать случаи необоснованного отказа от применения к абитуриентам, не предоставившим должное количество справок.

Список литературы:

1. О правилах приема лиц для получения высшего и среднего специального образования [Электронный ресурс] 27 янв. 2022 г., № 23: Указ Президента Республики Беларусь. // ЭТАЛОН. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=p32200023&q_id=6337084 (дата обращения 25.07.2026).
2. Об установлении форм справок, выдаваемых гражданам [Электронный ресурс] 26 июня 2024 г., № 31: Постан. Мин. спорта и тур. Респ. Беларусь // ЭТАЛОН. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=w22441876&q_id=6450868 (дата обращения 25.07.2026).

О СОЗДАНИИ РАВНЫХ УСЛОВИЙ ДЛЯ АБИТУРИЕНТОВ, ПОСТУПАЮЩИХ В БЕЛОРУССКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Воробьёв В. А.

*Гомельский государственный университет имени Франциска
Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь*

Аннотация. В настоящей статье приводится результат анализа правового регулирования льготных условий поступления абитуриентов для обучения за счёт средств республиканского бюджета в региональных учреждениях высшего образования Республики Беларусь. В ходе исследования были выявлены определенные ограничения категории абитуриентов для участия в университетских олимпиадах по учебным предметам, дающих победителям право поступления в региональные университеты без вступительных испытаний.

Ключевые слова: абитуриент, университетская олимпиада, льготы, равенство, региональные университеты высшего образования.

Порядок участия в конкурсе абитуриентов для получения высшего образования в университетах Республики Беларусь регламентирован указом Президента Республики Беларусь «О правилах приема лиц для получения высшего и среднего специального образования» от 27 января 2022 года № 23 (далее – Указ № 23) [1]. В нем изложены основные требования к порядку работы приёмных комиссии учреждений высшего образования, перечень документов необходимых для участия в конкурсе и прочие организационные вопросы, однако, в свете исследуемого вопроса отдельный интерес вызывает анализ состава абитуриентов, имеющих право участвовать в университетских олимпиадах по учебным предметам, проводимым на базе региональных университетов.

Сам Указ № 23 ограничивается лишь указанием данной льготы. Абзац тринадцатый пункта 23 Указа № 23 даёт право поступления без вступительных испытаний лицам, являющимся «победителями (дипломы I, II, III степени) университетских олимпиад (в соответствии с перечнем учреждений высшего образования и специальностей, квотой, устанавливаемыми Министерством образования), проведенных учреждениями высшего образования в учебном

году в порядке, установленном Министерством образования, при поступлении в эти учреждения высшего образования». Аналогичная норма содержится в пункте 24 Указа № 23, различие состоит лишь в том, что в данном пункте идет речь о лицах, поступающих на условиях целевой подготовки специалистов [1].

Порядок организации и проведения университетских олимпиад регламентирован постановлением Министерства образования Республики Беларусь 12 августа 2022 г. № 264 «О проведении университетских олимпиад». Данным постановлением утверждено «Положение о порядке проведения университетских олимпиад, победители которых (дипломы I, II, III степени) имеют право зачисления без вступительных испытаний». В дальнейшем региональные учреждения высшего образования утверждают свои локальные нормативные акты, которые регламентируют проведение университетских олимпиад по учебным предметам на конкретный учебный год, по конкретным предметам, с указанием перечня специальностей университета, по которым победители будут иметь право поступать без вступительных испытаний. Вместе с тем в пункте 1 положения, утверждённого Министерством образования указано, что «настоящее Положение определяет порядок, организацию и проведение университетских олимпиад, победители которых (дипломы I, II, III степени) имеют право зачисления без вступительных испытаний в учреждения высшего образования Республики Беларусь (далее – олимпиада). Участниками олимпиады (далее – участники) являются учащиеся XI классов учреждений, реализующих образовательные программы общего среднего образования» [2]. Таким образом, право участия в университетских олимпиадах прямо ограничено лишь учащимися учреждений общего среднего образования (школы, гимназии, лицее и пр.).

В изложенном нормативном подходе усматривается не соразмерность прав абитуриентов, имеющих льготы при поступлении в региональные учреждения высшего образования Беларуси. Так, Указом № 23 среди условий, поступления без вступительных испытаний указаны лица, имеющие аттестат об общем среднем образовании особого образца с награждением золотой (серебряной) медалью, или диплом о профессионально-техническом образовании с отличием, подтверждающий получение профессионально-технического образования с общим средним образованием, ... (при наличии рекомендации педагогического совета учреждения образования, которое они окончили), при поступлении на педагогические специальности, перечень которых устанавливается Министерством образования; а также «лица, имеющие аттестат об общем среднем образовании особого образца с награждением золотой (серебряной) медалью, или диплом о профессионально-техническом образовании с отличием, подтверждающий получение профессионально-технического образования с общим средним образованием ... при поступлении на наиболее востребованные экономикой

специальности, а также при поступлении в учреждения высшего образования, за исключением расположенных на территории г. Минска», аналогичный подход предусмотрен в части общего приёма (пункт 23) [1],

Таким образом, Указом № 23 четко усматривается равенство между абитуриентами, успешно окончившими учреждения общего среднего образования и лицами имеющим диплом о профессионально-техническом образовании с отличием, подтверждающий получение профессионально-технического образования с общим средним образованием.

В связи с вышеизложенным видится необходимым изменения нормы постановления Министерства образования Республики Беларусь 12 августа 2022 г. № 264 «О проведении университетских олимпиад», путем внесения дополнения в пункт 1 «Положения о порядке проведения университетских олимпиад, победители которых (дипломы I, II, III степени) имеют право зачисления без вступительных испытаний»: после слов «среднего образования» добавить текст следующего содержания; «, а также учащиеся оканчивающие учреждения профессионально-технического образования с получением общего среднего образования в учебный год проведения университетской олимпиады».

Данное изменение позволит устранить не равенство прав поступления абитуриентов без вступительных испытаний, осваивающих учебные программы общего среднего образования, что полностью соответствует правовому подходу, реализуемому указом Президента Республики Беларусь «О правилах приема лиц для получения высшего и среднего специального образования» от 27 января 2022 года № 23.

Список литературы:

1. *О правилах приема лиц для получения высшего и среднего специального образования [Электронный ресурс] 27 янв. 2022 г., № 23: Указ Президента Республики Беларусь. // ЭТАЛОН. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=p32200023&q_id=6337084 (дата обращения 25.07.2026).*
2. *О проведении университетских олимпиад [Электронный ресурс] 12 авг.. 2022 г., № 264: Постан. Мин. обр. Респ. Беларусь // ЭТАЛОН. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=w22238704&q_id=6450425 (дата обращения 25.07.2026).*

ПОЛИПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ РАННЕЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ И РОДИТЕЛЯМ В УСЛОВИЯХ КОНСУЛЬТАЦИОННОГО ПУНКТА ДОО

Гриценко Жанна Александровна

заведующий МАДОУ № 57,

город Ангарск, Иркутская область, Россия

Бирюкова Татьяна Маннуровна

заместитель заведующего по ВМР, МАДОУ детский сад № 57,

город Ангарск, Иркутская область, Россия

Кириллова Юлия Валерьевна

педагог – психолог ВКК, МАДОУ детский сад № 57,

город Ангарск, Иркутская область, Россия

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Консультационного пункта МАДОУ № 57, города Ангарска как современной вариативной модели оказания комплексной ранней помощи детям от 2 месяцев до 8 лет и их семьям. Раскрываются направления работы педагогических работников по раннему выявлению нарушений развития, формы поддержки успешного родительства и алгоритмы межведомственного сотрудничества.

Описывается эффективный практический опыт реализации данной Модели, что подтверждает высокую социальную значимость и перспективность для широкого внедрения в практику дошкольного образования.

Ключевые слова: консультационный пункт, модель комплексной ранней помощи, осознанное родительство, межведомственное сотрудничество, традиционный и инновационный подход, вариативные формы сотрудничества, психолого-педагогическая помощь.

Опираясь на государственные приоритеты в сфере защиты семьи и создания развивающей родительской среды, развитие сети служб бесплатной психолого-педагогической и консультативной помощи семьям, воспитывающим детей до 8 лет на базе ДОО является эффективным инструментом снижения социальной напряженности.

Консультационный пункт является оптимальным решением для удовлетворения потребностей семей в квалифицированной, адресной помощи,

поддержке семейного воспитания, ранней социализации детей и доступности получения профессиональных услуг непосредственно по месту жительства.

Практический опыт работы Консультационного пункта МАДОУ детским садом № 57 города Ангарска представлен с 2018 года.

Основной целью деятельности данного Консультационного пункта является предоставление населению города Ангарска услуги по оказанию консультативной, методической, психолого – педагогической и диагностической помощи семьям, воспитывающим детей в возраст от 2 месяцев до 8 лет по вопросам воспитания, образования и развития.

Деятельность Консультационного пункта МАДОУ № 57 регламентируется следующими нормативно- правовыми документами:

Федеральные законы и региональные нормативные акты:

- Конституция Российской Федерации (Статья 43).
- Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29.12.2012 г. (в частности, статья 64 п. 3, регламентирующая право родителей на получение бесплатной методической, психолого-педагогической, диагностической и консультативной помощи).
- Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (ФГОС ДО 3.1 п. 6; 3.2.1. п. 8).
- Приказ Минпросвещения России № 1028 об утверждении Федеральной образовательной программы дошкольного образования (ФОП ДО).
- Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30.05.2025 № 344н, «Об утверждении стандарта оказания услуг по ранней помощи детям их семьям».
- Распоряжение министерства образования Иркутской области от 30.07.2018 г. № 489-мр «О реализации комплекса мер» (включение МАДОУ № 57 в состав исполнителей комплекса мер по направлению «Оказание помощи родителям»).
- Письмо министерства образования Иркутской области от 27.03.2019 года № 02–55–2357/19 «О реализации программы «Доступная среда» о распределении субсидий на реализацию мероприятий по созданию в образовательных организациях (в том числе в МАДОУ № 57).
- Соглашение от 01.09.2023 года о сотрудничестве в части реализации мероприятий, предусмотренных распоряжением Правительства Иркутской области от 16.02.2021 года № 8-рзп «О Концепции формирования и развития системы ранней помощи детям».

Локальные акты организации:

- Локальные акты учреждения: Приказ МАДОУ № 57 «Об организации консультационного пункта и его составе». Положение о консультационном пункте. Паспорт консультационного пункта. Расписание консультационного

пункта. Журнал регистрации обращений населения в Консультационный пункт. Форма договора на получение консультации.

Санитарно-эпидемиологические правила:

- Действующие санитарно-эпидемиологические требования к организациям воспитания и обучения

В работе консультационного пункта принимает участие 7 педагогических работников, из них 5 педагогов-специалистов (педагог-психолог, учитель-логопед, инструктор по физической культуре, музыкальный руководитель, руководитель по ИЗО деятельности) и 2 воспитателя групп раннего и дошкольного возраста.

В рамках Консультационного пункта созданы условия для повышения психолого – педагогической компетентности, методической и консультативной помощи семьям и родителям (законным представителям):

- имеющих детей с 2 месяцев до 7 лет, получающих дошкольное образование в форме семейного образования.

- имеющих детей с 2 лет до 7 лет, получающих дошкольное образование в других дошкольных учреждениях АГО.

- имеющих детей с 7 лет до 8 лет, являющиеся выпускниками МАДОУ № 57 и получающие начальное школьное образование.

Деятельность Консультационного пункта строится на трех ключевых составляющих:

- диагностической работе по выявлению индивидуальных особенностей развития ребенка раннего и дошкольного возраста,

- оказании адресной консультативной помощи,

- повышение у родителей (законных представителей) детей компетентности психолого-педагогических знаний

Система работы Консультационного пункта в МАДОУ № 57 (г. Ангарск), представлена в виде Модели (См. рис. № 1).

В рамках разработанной модели система взаимодействия с семьями, воспитывающими детей раннего и дошкольного возраста, базируется на сочетании традиционных и инновационных форм сотрудничества. Теоретическим обоснованием модели выступают концепции детско-родительских отношений и возрастно-психологического консультирования (А. Я. Варга, А. С. Спиваковская, О. А. Карабанова, Е. И. Захарова, М. М. Семаго). Практическим ориентиром реализации модели являются методические рекомендации в области дошкольного образования и ранней помощи (Т. И. Чиркова, Л. М. Шипицина, Е. П. Арнаутова, Т. Н. Доронина, Ю. А. Разенкова, Е. В. Кожевникова).

Работа Консультационного пункта осуществляется по следующим направлениям:

- воспитание и развитие детей с учетом их возрастных возможностей;

- подготовка детей раннего возраста к поступлению в ДОО;

- социализация детей;

- преодоление трудностей в речевом, физическом, познавательном и социальном развитии;
- дошкольная подготовка;
- проведение комплексной психолого – педагогической и речевой диагностики детей дошкольного возраста;
- организация питания детей раннего возраста;
- оказание адресной помощи семье (как и куда обратиться родителю с детьми с особенностями развития или особыми потребностями).

Рис. 1. Модель Консультационного пункта по оказанию комплексной ранней помощи детям и их семьям в условиях ДОО

Для эффективного взаимодействия Консультационного пункта с семьями детей применяются формы индивидуальной адресной помощи и коллективного взаимодействия:

- Индивидуальное консультирование.
- Индивидуальные занятия с ребенком в присутствии родителей (законных представителей).
- Индивидуальная психолого – педагогическая или речевая диагностика детей в присутствии родителей (законных представителей).
- Оказание помощи родителям (законным представителям) в разработке плана мероприятий по оптимизации индивидуального развития детей.
- Групповое консультирование (по одинаковым проблемам).
- Информационно-просветительская форма: сбор информации у заказчиков посредством анкетирования, опросов.

Хотелось бы отметить, что Модель выстроена с учетом традиционных и инновационных подходов.

Традиционный подход включает в себя следующие форматы: очные консультации со специалистами ДОО, познавательные семинары для родителей детей

до 3-х лет, анкетирование родителей, индивидуальное взаимодействие по проблемам детско – родительских отношений; информационно-просветительская работа с семьями посредством бюллетеней, стендов, сайта МАДОУ № 57.

В то же время инновационный компонент объединяет:

- Дистанционное консультирование и просвещение родителей, возможность организовать интерактивную диагностику;

- Информационно-просветительская работа посредством современных цифровых каналов коммуникации (мессенджеров).

- Детско –родительские занятия (привлекаются дети 2–3 лет) в сотрудничестве со специалистами ДОО (педагога – психолога, музыкального руководителя ДОО, воспитателей групп раннего возраста) с применением игрового оборудования В.В. Воскобовича. Целью которых является, обучение родителей эффективным методам и приемам взаимодействия с ребенком.

- Формат совместных консультаций (проводимых в вариативном составе: «воспитатель – педагог специалист ДОО – родитель») обеспечивает всестороннее обсуждение динамики развития ребенка. Что позволяет коллегиально вырабатывать эффективные стратегии семейного взаимодействия, а также своевременно решать конкретные проблемы, возникающие в познавательном-речевом развитии, процессе социализации и эмоциональном благополучии ребенка.

- Ранняя помощь как направление работы Консультационного пункта. Наряду с консультированием родителей дошкольников (от 3 до 7 лет), специалисты ведут приём семей с детьми от рождения до 3 лет. Специалисты (логопед, психолог) проводят первичную диагностику развития малыша, консультируют родителей по вопросам раннего развития, ухода и создают для них развивающие рекомендации.

Ключевые аспекты новизны Модели включают:

- Выделение целевой группы получателей услуг Консультационного пункта: разделение всех обратившихся в Консультационный пункт родителей на отдельные, четко определенные группы по их конкретным запросам и жизненным ситуациям, тем самым обеспечивая равные стартовые возможности для детей на этапах возрастного развития.

- Подбор диагностического инструментария для обследования семьи и ребенка: использование методов, методик оценки познавательного, речевого и эмоционального состояния ребенка, выявление неблагополучного эмоционального состояния, трудностей адаптации и социализации.

- Синтез педагогических технологий: адаптация методов: экстренной психологической помощи, коррекции для работы с детьми в ситуациях нормативных и ненормативных кризисов развития и психолого-педагогическая и методическая помощь с семейными кризисами.

- Комплексная поддержка родителя: развитие их психолого-педагогической компетентности, формирования навыков осознанного родительства и конструктивного детско-родительского взаимодействия.

- Межведомственное взаимодействие: деятельность Консультационного пункта строится на принципах межведомственного взаимодействия с учреждениями здравоохранения, социальной защиты и образования Ангарского городского округа и направлена на комплексную поддержку семей с детьми от 2 месяцев до 8 лет, развитие психологической компетентности родителей в ситуациях семейных кризисов и обеспечение равных стартовых возможностей для детей на ключевых этапах взросления.

Обозначенные аспекты новизны определили структуру и содержание авторской Модели деятельности Консультационного пункта, которая представляет собой целостную систему.

Первый этап включает комплексную психолого-педагогическую диагностику детского развития. происходит наблюдение и оценка его эмоционального состояния на момент диагностики, выявление признаков эмоционального неблагополучия ребенка, опрос и анкетирование родителей, о потребностях семьи в оказании помощи.

В проведении диагностики принимают участие педагогические работники Консультационного пункта (воспитатели, педагог – психолог, учитель – логопед, музыкальный руководитель, инструктор по физической культуре и руководитель по изобразительной деятельности, администрация учреждения).

Второй этап включает:

- анализ данных, полученных в результате психолого-педагогической диагностики выявление у детей проблем и трудностей в развитии, признаков эмоционального неблагополучия, неблагоприятных и деструктивных состояний.

- разработка основных направлений психолого-педагогической помощи детям и их родителей (законных представителей) в рамках работы Консультационного пункта.

По необходимости, может быть организована дополнительная встреча для рассмотрения вновь полученной информации о ребенке от родителей (законных представителей) и (или) по результатам дополнительной диагностики специалистов.

Коллегиальное рассмотрение дополнительной информации о воспитаннике ДОО, с участием педагогов – специалистов ДОО, дает возможность внести корректировку индивидуального маршрута психолого-педагогической помощи данному ребенку:

- систематизация первичных сведений о соматическом и нервно – психическом статусе ребенка, условиях семейного воспитания, степени

адаптированности в детском коллективе, особенностях развития психических процессов у ребенка, специфике взаимоотношений со взрослыми и сверстниками, актуальном эмоциональном состоянии;

- всестороннее обсуждение с родителями ребенка проблем детского развития, с целью выделения основных трудностей, на которые необходимо направить коррекционные – развивающие мероприятия в первую очередь;

- повышение психолого-педагогической компетентности родителей в направлениях, связанных с проблемами развития ребенка;

- выстраивание индивидуального маршрута по решению выявленных проблем у детей, с учетом рекомендаций всех специалистов;

- выработка рекомендаций для родителей (законных представителей) ребенка, с целью успешного развития, стабилизации его эмоционального состояния.

Ежегодно в мае месяце для родителей (законных представителей) детей до 3-х лет, не посещающие дошкольные учреждения, на базе Консультационного пункта (в рамках мероприятий по оказанию ранней помощи детям и их семьям), проводится практико-ориентированный семинар «Психолого-педагогическая помощь родителям в подготовке и успешной адаптации детей раннего возраста к условиям и режиму ДОО».

Для методической поддержки семей педагоги – специалисты разрабатывают информационно-просветительские материалы:

- Буклеты: «Что такое раннее детство?!», «Мы идем в детский сад!»; «Чем ребенку могут помочь в Службе ранней помощи?»

- Памятка для родителей: «Как родители могут помочь своему ребенку адаптироваться к детскому саду?», «Особенности развития малыша в раннем детстве!», «Кризис 3 лет у ребёнка: как вести себя родителям в «царстве упрямства и капризов?».

Педагоги-специалисты МАДОУ № 57 (педагог-психолог, учитель-логопед и воспитатель группы раннего возраста) обеспечивают всестороннее консультирование родителей (законных представителей) детей раннего возраста в очном и дистанционном режимах.

Такая комплексная и своевременная поддержка позволяет вовремя оказать квалифицированную помощь ребенку на самых первых этапах его развития. Работа с родителями (законными представителями) детей раннего возраста проводится в соответствии с перспективным планом мероприятий, утвержденным заведующим ДОО.

По результатам комплексной диагностики и на основании выявленных дефицитов специалистами и воспитателями ДОО предусматриваются следующие рекомендации для родителей (законных представителей):

- взаимодействие со специалистами медицинского профиля: обеспечение родителям (законным представителям) возможности получения

консультаций детского невролога, психиатра, профильных специалистов (например, сурдопедагога) и содействие в реализации медикаментозного сопровождения ребенка с учетом медицинских рекомендаций, его актуального эмоционального состояния и индивидуальных образовательных возможностей.

- организация комплексной коррекционно-развивающей работы с ребенком: проведение профильными специалистами смежных направлений (учителем-логопедом, учителем-дефектологом, педагогом-психологом, клиническим психологом и др.) занятий, направленных на преодоление нарушений и дефицитов в развитии когнитивной, речевой и эмоционально-волевой сфер ребенка.

- подготовка документов для вывода ребенка на территориальную ПМПК для углубленной диагностики проблем в развитии ребенка и определения путей психолого-медико-педагогического сопровождения ребенка специалистами консилиума, перевода воспитанника в группу или детское учреждение компенсирующей направленности с целью получения ребенком соответствующего образования по АОП ДО.

- оказание консультативной поддержки родителям по гармонизации внутрисемейной обстановки и формированию позитивных детско-родительских отношений; разработка рекомендаций для домашних занятий по активизации интеллектуального, познавательного и речевого развития ребенка (стимуляция высших психических функций, расширение кругозора); а также проектирование индивидуальной траектории дополнительного образования (подбор кружковой, секционной или студийной деятельности) с учетом склонностей, интересов и психофизических возможностей воспитанника для его успешной социализации.

Третий этап предполагает взаимодействие с субъектами социального партнерства Ангарского городского округа (АГО), что позволяет качественно и всесторонне расширить ресурсную базу Консультационного пункта МАДОУ № 57.

Взаимодействие с внешними социальными партнерами реализуется в рамках двух направлений:

1. Межведомственное взаимодействие и социальное сопровождение:

- Государственное автономное учреждение Иркутской области «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи» (ГАУ ЦППМиСП): совместная организация сопровождения и оказание адресной помощи воспитанникам и членам их семей. Ежегодно проводится скрининг-диагностика развития детей раннего возраста с использованием стандартизированной «Шкалы развития детей от 14 месяцев до 3,5 лет» (RCDI-2000), по результатам которой организуется индивидуальная консультационная и работа с родителями;

– Областное государственное бюджетное учреждение социального обслуживания «Региональный ресурсный реабилитационный центр «Веста»» (ОГБУСО «РРРЦ «Веста»»): сотрудничество в целях повышения эффективности коррекционно-развивающей работы, направленной на преодоление нарушений в ментальной сфере и успешную социальную адаптацию воспитанников Консультационного пункта;

– Областное государственное казенное учреждение социального обслуживания «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Малютка»» г. Ангарска (ОГКУСО «СРЦН «Малютка»»): своевременная комплексная помощь и реабилитация детей раннего возраста с особенностями психофизического развития;

– Муниципальная служба психологического консультирования детей и их родителей «Зеркало» (МБУ ДПО ЦОРО): обеспечение кризисной психологической помощи и психокоррекции для семей, оказавшихся в сложных жизненных ситуациях;

– «Семейный МФЦ» на базе ОГКУСО «Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей, г. Ангарска»: осуществление комплексного информирования родительского сообщества о доступных мерах государственной социальной поддержки, предоставлении профильных социальных услуг и реализации индивидуального социального сопровождения семей.

2. Муниципальная сеть консультационных пунктов ДОО города Ангарска (профильная маршрутизация семей), для обеспечения семей узкоспециализированной помощью:

– МБДОУ детский сад комбинированного вида № 81: организация консультативной помощи по вопросам обучения, воспитания и коррекции детей с нарушениями слуха;

– МБДОУ детский сад комбинированного вида № 105: организация консультативной помощи по вопросам образования и сопровождения детей с нарушениями зрения;

– МБДОУ детский сад компенсирующего вида № 9: организация консультативной помощи по вопросам комплексного развития, обучения и реабилитации детей с детским церебральным параличом (ДЦП) и тяжелыми нарушениями речевых функций;

Реализация межведомственного сотрудничества обеспечивает маршрутизацию семей для получения детьми комплексных реабилитационных услуг.

Анализ обращений в Консультационный пункт демонстрирует устойчивый рост средней частоты обращений со стороны одной семьи, соотношение обращений, приходящихся на 1 семью ежегодно растет (см. Таблицу № 1).

Указанная тенденция свидетельствует о качественном изменении характера взаимодействия с семьями, обратившимися в Консультационный пункт.

Это подтверждает переход от формата однократного консультирования к модели комплексного, системного сопровождения семей.

Таблица № 1. Анализ обращений в консультационный пункт МАДОУ № 57

Год	Кол-во обращений (в том числе с детьми раннего возраста)	Кол-во семей (в том числе с детьми раннего возраста)	Соотношение кол-ва обращений на семью (в том числе с детьми раннего возраста)	Из них		Из них			Из них дети, которые не посещают ДОО	Из них на системном сопровождении
				очно	Дистанционно	Дети от 0 до 3 лет	Дети от 3 до 7 лет	Дети от 7 до 8 лет		
2023 год	367 (86)	67 (58)	4,8 (1,48)	67	7	58	16	2	9	7
2024 год	457 (115)	72 (68)	5,1 (1,69)	72	7	68	18	3	9	7
2025 год	464 (132)	92 (67)	5,0 (1,97)	115	25	67	22	8	17	7

В процессе анализа деятельности Консультационного пункта были выявлены следующие проблемы и запросы со стороны родителей (законных представителей) детей (см. таблицу № 2).

Таблица № 2

№	Возрастная категория	Проблемы
1.	Дети раннего возраста (дети 2–3 лет)	– Адаптация детей к «новым» социальным условиям, режиму детского сада; – Возрастные кризисы (детская агрессивность (кусаются, дерутся), капризы); – Проблемы организации питания; – Трудности социализации (не ориентированы на игровое взаимодействие со взрослыми, сверстниками); – Признаки РАС (2 детей); – Отсутствие речевой активности (сниженный познавательный интерес).

№	Возрастная категория	Проблемы
2.	Дети дошкольного возраста (дети 3–7 лет)	– Трудности социализации в детском коллективе (конфликтность, агрессивные реакции, нарушение поведения (норм и правил); – Трудности в познавательном-речевом развитии, в освоении ООП ДО; – Отказ ребенка посещать ДОО (со слов родителей: грубое обращение с ребенком со стороны педагогов, нет индивидуального подхода в организации ребенка); – Дети с особенностями развития: слабослышащие, слабовидящие, ЗПР (запрос родителей: определить основные коррекционно- развивающие направления в работе с ребенком (куда пойти?, к каким специалистам?))
3.	Дети школьного возраста (8–12 лет)	– Трудности адаптации к школьной ситуации (страхи); – Проблемы социализации (общение со сверстниками: факты агрессии, враждебности со стороны сверстников (насмешки, издевательства, социальное отвержение); – Признаки нарушений в поведении (не соблюдение требований режима школы, норм и правил поведения и общения с педагогами и сверстниками). – Неуспеваемость в школе.

В рамках непрерывного повышения профессиональной компетентности педагоги проходят курсы повышения квалификации (КПК) по направлению ранней помощи, а также принимают ежегодное участие в межведомственных региональных семинарах-практикумах.

Педагоги – специалисты МАДОУ № 57 освоили дополнительную профессиональную программу повышения квалификации «Региональная система ранней помощи детям и их семьям в субъекте Российской Федерации» в объеме 72 часов на базе Автономной некоммерческой организации дополнительного профессионального образования «Санкт-Петербургский институт раннего вмешательства».

Результативность разработанной Модели оказания комплексной ранней помощи детям и их семьям подтверждается регулярной трансляцией профессионального опыта педагогического коллектива ДОО на разных уровнях: от муниципальных профессиональных сообществ до межведомственных региональных и Всероссийских научно-практических площадок.

Таким образом, в условиях высокой актуальности обеспечения благополучия семей и создания условий для успешного родительства, деятельность Консультационного пункта МАДОУ № 57 доказывает, что данная структура

выступает как высокоэффективная современная модель оказания комплексной ранней помощи детям и их семьям в условиях ДОО.

Активное межведомственное сотрудничество со сторонними организациями позволяет успешно решать задачи раннего выявления нарушений развития и гармонизации семейных отношений.

Результативный, практический опыт реализации данной Модели, подтверждает свою высокую социальную значимость и перспективность для широкого внедрения в практику дошкольного образования.

Литература

1. Гарифуллина, Н. А. Служба ранней помощи в детском саду: методические рекомендации: ФОП, ФГОС / Н. А. Гарифуллина, Е. Л. Норкина. – Санкт-Петербург: Детство-Пресс, 2025. – 400 с. – (Серия «Служба ранней помощи в ДОО»).
2. Лорер В. В. Основы ранней помощи детям и их семьям: учебно-методическое пособие / В. В. Лорер [и др.]; под редакцией В. В. Лорер. – Москва: ФГБУ «ИКП РАО», 2021. – 182 с.
3. Приходько, О. Г. Ранняя психолого-педагогическая помощь детям с особыми потребностями и их семьям: учебное пособие / О. Г. Приходько. – Москва: Издательство МГПУ, 2017. – 160 с.
4. Разенкова, Ю. А. Служба ранней помощи: концептуальные основания, инновационные технологии, модели: монография / Ю. А. Разенкова. – Москва: Школьная Пресса, 2021. – 224 с.
5. Смирнова, Е. О. Диагностика психического развития детей от рождения до 3 лет: методическое пособие для практических психологов / Е. О. Смирнова, Л. Н. Галигузова, Т. В. Ермолаева, С. Ю. Мецеракова. – Санкт-Петербург: ДЕТСТВО-ПРЕСС, 2007. – 128 с.
6. Хуснутдинова, Р. М. Модель организации Службы ранней помощи на базе дошкольной образовательной организации: практическое пособие / Р. М. Хуснутдинова. – Казань: ИРО РТ, 2019. – 84 с.
7. Архипова, Е. Н. Организация и содержание деятельности консультационного пункта в ДООУ / Е. Н. Архипова, Н. В. Емельянова, Е. С. Копица. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 11.1 (353.1). – С. 9–11.
8. Кудрявцева Е. П. Организация работы консультационного пункта для родителей, дети которых не посещают ДООУ / Е. П. Кудрявцева // Социальные и педагогические вопросы образования: материалы Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 12 мая 2020 г.) / редколлегия: Ж. В. Мурзина [и др.]. – Чебоксары: ИД «Среда», 2020. – С. 107–110.

9. Консультативные пункты как вариативная форма дошкольного образования: методические рекомендации / составители: Т. А. Майорова, Н. В. Шмелькова, Ю. В. Жильцова, С. К. Галахова; Министерство образования Рязанской области, Рязанский институт развития образования. – Рязань: РИРО, 2012. – 44 с.

10. Методические рекомендации по организации и осуществлению ранней помощи детям и их семьям в субъектах Российской Федерации / Федеральный научный центр реабилитации инвалидов им. Г. А. Альбрехта Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. – Санкт-Петербург: ФНЦРИ им. Г. А. Альбрехта, 2025. – 96 с.

DOI 10.34660/INF.2026.98.26.197

УДК 377.5:37.032

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ СПО В АСПЕКТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕРЕЗ РАБОТУ С НОРМАТИВНОЙ ДОКУМЕНТАЦИЕЙ

Долгих Антон Александрович

аспирант

Красноярский монтажный колледж,

г. Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлена практическая модель развития коммуникативной компетенции студентов инженерных специальностей среднего профессионального образования (специальность 21.02.01 «Разработка и эксплуатация нефтяных и газовых месторождений») в аспекте профессионального взаимодействия. Обосновано, что работа с нормативной и производственной документацией (заполнение форм текущего и капитального ремонта скважин) выступает основой письменной профессиональной коммуникации и подготавливает студента к последующему устному взаимодействию в производственной ситуации. Описана система практических заданий на материале документации ТРС и КРС, предложены критерии и показатели оценивания письменного и устного компонентов компетенции, приведены результаты предварительной апробации. Новизна работы состоит в интеграции письменной и устной форм профессиональной коммуникации в единую систему через профессионально ориентированные документы.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, профессиональное взаимодействие, среднее профессиональное образование, инженерные специальности, нормативная документация, компетентностный подход.

Abstract. The article presents a practical model for developing the communicative competence of engineering students in vocational secondary education (specialty 21.02.01 “Oil and Gas Field Development and Operation”) in the aspect of professional interaction. It is substantiated that working with regulatory and industrial documentation (filling out forms for well workover and

overhaul) serves as the basis for written professional communication and prepares the student for subsequent oral interaction in a production situation. A system of practical tasks based on well-repair documentation is described, criteria and indicators for assessing the written and oral components of the competence are proposed, and the results of preliminary approbation are given.

Keywords: *communicative competence, professional interaction, vocational secondary education, engineering specialties, regulatory documentation, competence-based approach.*

Введение

Современная система среднего профессионального образования (СПО) занимает особое место в подготовке квалифицированных специалистов среднего звена для отраслей промышленности. Её отличительной чертой является прикладная направленность и тесная связь с потребностями рынка труда: доля практических занятий и стажировок в программах СПО традиционно высока и достигает 30–40% при подготовке специалистов среднего звена [1]. В соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ образовательный процесс представляет собой единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, реализуемый в интересах личности, общества и государства, что предопределяет ориентацию образовательных программ на формирование необходимых компетенций обучающихся [2].

Инженерная деятельность относится к сложному набору процессов, связанных с проектированием, разработкой и производством технологических решений. Однако одной из ключевых составляющих успеха современных инженерных проектов является не только техническая компетенция, но и умение эффективно взаимодействовать с коллегами и руководством, адаптироваться к различным коммуникационным ситуациям производственного процесса [3]. Практика убедительно доказывает, что в полной мере владеть коммуникативной компетенцией – значит в немалой степени заранее определить успех в профессиональной деятельности [4].

Вместе с тем анализ образовательной практики выявляет противоречие между требованиями федеральных государственных образовательных стандартов СПО к готовности выпускника инженерного профиля к профессиональному взаимодействию и недостаточной интеграцией письменной и устной форм профессиональной коммуникации в системе учебных заданий. Профессионально ориентированные задания зачастую рассматриваются лишь как средство контроля предметных знаний, а не как инструмент целенаправленного развития коммуникативной компетенции.

Цель статьи – описать практическую модель развития коммуникативной компетенции студентов инженерных специальностей СПО в аспекте

профессионального взаимодействия на основе системы заданий по работе с нормативной и производственной документацией, обеспечивающей сопряжение письменной и устной форм профессиональной коммуникации.

Теоретические основания исследования

Ведущую роль в подготовке современного специалиста играет компетентностный подход, целью внедрения которого является достижение конкурентоспособности человеческих ресурсов на рынке труда [4]. В рамках данного подхода принято различать понятия «компетенция» и «компетентность»: компетенция понимается как заданное нормативное требование к подготовке (совокупность знаний, умений, способов деятельности), а компетентность – как уже состоявшееся личностное качество, владение соответствующей компетенцией, проявляющееся в деятельности.

Коммуникативную компетенцию в аспекте профессионального взаимодействия рассматривается в данной работе как интегративное качество личности будущего специалиста, обеспечивающее его готовность и способность к продуктивному обмену профессионально значимой информацией в производственных ситуациях как в письменной, так и в устной формах. В структуре коммуникативной компетенции, с опорой на модель коммуникативной компетентности О. Ю. Шубкиной, адаптированную к условиям инженерного СПО, выделяются следующие компоненты:

- профессионально-речевой – владение профессиональной терминологией и нормами речи, характерными для отрасли;
- дискурсивный – умение строить связное, логичное и структурированное сообщение (письменное и устное) в соответствии с жанром производственного документа или ситуации общения;
- социокультурный – понимание норм профессионального общения, ролей и статусов участников производственного взаимодействия;
- стратегический – способность выбирать адекватные ситуации коммуникативные средства, реагировать на уточняющие вопросы, отстаивать и аргументировать принятое решение.

Данные компоненты проявляются как в письменной деятельности студента (заполнение производственных форм, отчётов, актов), так и в последующей устной коммуникации, что позволяет рассматривать их как единую систему профессионального взаимодействия.

Практическая модель и описание методики

Практическая модель реализована на материале дисциплин профессионального цикла специальности 21.02.01 «Разработка и эксплуатация нефтяных и газовых месторождений». В её основу положены разработанные автором практические работы по заполнению документации текущего (ТРС) и капитального (КРС) ремонта скважин в соответствии с требованиями РД

153–39–023–97 «Правила ведения ремонтных работ в скважинах» и РД 153–39.0–088–01 «Классификатор ремонтных работ в скважинах».

Ключевая идея модели состоит в том, что письменная работа с нормативной документацией выступает когнитивным каркасом профессиональной коммуникации, а последующее устное взаимодействие – её реализацией в производственной ситуации. Каждое задание строится как последовательность из трёх этапов:

1) письменный этап – студент заполняет пакет производственной документации по выданному варианту (например, заявку на текущий ремонт, акт приёмки скважины в ремонт, план работ (технологическую карту операций), сменный рапорт бригады, акт сдачи скважины после ремонта);

2) этап устного взаимодействия – студент представляет результаты в форме доклада, имитирующего производственную ситуацию: «докладывает мастеру» (роль исполняет преподаватель или другой студент), обосновывает выбор вида ремонта и состав работ, отвечает на уточняющие вопросы;

3) рефлексивно-оценочный этап – преподаватель и студенты оценивают уровень сформированности письменного и устного компонентов компетенции по заданным критериям.

В качестве примера приведём фрагмент задания по капитальному ремонту скважины. Согласно п. 1.9 РД 153–39–023–97, ремонтные работы в скважинах могут проводиться только при наличии утверждённого плана-заказа. Студент по своему варианту определяет вид капитального ремонта (например, КР2 – ремонтно-изоляционные работы или КР9 – работы по интенсификации добычи), заполняет план-заказ, оформляет акт приёмки скважины в ремонт, составляет план работ и схему скважины до и после ремонта, после чего устно защищает принятые технологические решения перед «мастером». Аналогичным образом строится задание на материале текущего ремонта скважин (виды ТР1–ТР8), где студент оформляет заявку, план работ и сменный рапорт бригады.

Критерии и показатели оценивания

Для диагностики уровня сформированности коммуникативной компетенции разработаны критерии оценивания, отдельно охватывающие письменный и устный компоненты.

Письменный компонент оценивается по показателям: точность применения профессиональной терминологии; соблюдение норм оформления документа и требований нормативного акта; структурированность и полнота фиксации производственной информации; логичность и непротиворечивость представленных данных.

Устный компонент оценивается по показателям: ясность и связность устного сообщения; профессиональная аргументация принятых решений; корректное использование отраслевой лексики; адекватность коммуникативной позиции ситуации взаимодействия; умение отвечать на уточняющие вопросы.

По совокупности показателей выделяются три уровня сформированности компетенции: низкий (репродуктивный), средний (продуктивный) и высокий (творческий), что позволяет фиксировать динамику развития компетенции у каждого студента и увязывать её с профессиональными компетенциями ФГОС СПО.

Организация апробации и результаты

Предварительная апробация системы заданий проводилась в учебной группе студентов СПО, обучающихся по специальности 21.02.01, в рамках практических занятий профессионального модуля. Задания внедрялись поэтапно: от индивидуального заполнения документации к групповому обсуждению и имитации производственного взаимодействия.

Качественный анализ письменных и устных работ студентов позволил зафиксировать положительную динамику. На начальном этапе типичными затруднениями являлись неточное употребление профессиональной терминологии, нарушение структуры документа и неуверенность при устной защите решений. По мере выполнения серии заданий у большинства студентов наблюдалось повышение точности оформления документации, рост объёма и корректности используемой профессиональной лексики, а также более уверенная и аргументированная устная презентация результатов. Наиболее заметный прирост отмечен в дискурсивном и профессионально-речевом компонентах компетенции, что подтверждает продуктивность сопряжения письменной и устной форм профессиональной коммуникации.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что коммуникативная компетенция студентов инженерных специальностей СПО в аспекте профессионального взаимодействия может целенаправленно развиваться посредством системы практических заданий по работе с нормативной и производственной документацией. Письменная деятельность (заполнение документации ТРС и КРС) выступает основой, а устное профессиональное взаимодействие – реализацией коммуникативной компетенции в производственной ситуации.

Новизна предложенной модели состоит в интеграции письменной и устной форм профессиональной коммуникации в единую систему через профессионально ориентированные документы, что позволяет использовать привычные учебные материалы не только как средство контроля знаний, но и как инструмент развития коммуникативной компетенции. Перспективы дальнейшей работы связаны с расширением перечня используемых производственных документов, интеграцией модели с производственной практикой и разработкой цифровых тренажёров профессиональной коммуникации.

Список литературы

1. Долгих А. А. Инженерная подготовка студентов в условиях практико-ориентированного подхода / Л. В. Юртаева, А. А. Долгих, Д. П. Тимохина // *Актуальные проблемы инженерного образования*. – Красноярск, 2024. – С. 45–49.
2. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 2024 г.). – Текст: электронный // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 22.07.2026).
3. Богдан Н. Н. Формирование модели выпускника вуза в системе взаимодействия «государство – вуз – работодатель» / Н. Н. Богдан, М. Г. Масилова // *Высшее образование в России*. – 2019. – № 3. – С. 28–36.
4. Долгих А. А. Коммуникативная компетентность в инженерной области и способ её формирования / А. А. Долгих // *Молодёжь и наука: сборник материалов конференции*. – Красноярск: СибГУ им. М. Ф. Решетнёва, 2024. – С. 112–116.
5. Шубкина О. Ю. Формирование коммуникативной компетентности студентов технических направлений подготовки: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / О. Ю. Шубкина. – Красноярск, 2017. – 246 с.
6. Правила ведения ремонтных работ в скважинах: РД 153–39–023–97; утв. Минтопэнерго России 18.08.1997; введ. 01.11.1997. – Москва, 1997. – 68 с.
7. Классификатор ремонтных работ в скважинах: РД 153–39.0–088–01. – Москва, 2001. – 34 с.
8. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 21.02.01 Разработка и эксплуатация нефтяных и газовых месторождений: утв. приказом Минобрнауки России. – Текст: электронный. – URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 22.07.2026).

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ В МНОГОКУЛЬТУРНОМ РЕГИОНЕ

Нюдюрмагомедов Абдулахад Нюдюрмагомедович

Дагестанский государственный университет,

Махачкала, Дагестан, Россия

Абдурагимова Лейла Абдулахадовна

Северо-Кавказский филиал,

Российская правовая академия Минюста

Махачкала, Дагестан, Россия

Савзиханова Марьям Абдулахадовна

Дагестанский государственный университет,

Махачкала, Дагестан, Россия

В современных условиях навязчивого влияния массовой культуры на сознание и поведение молодежи возникла опасность объективному процессу формирования этнической идентичности как изначального, существенного признака социальной позиции представителей отдельных этносов. При этом этносом принято считать межпоколенную группу людей, объединенных длительным совместным проживанием на определенной территории, общим языком, культурой и самосознанием [9]. Но наблюдающиеся в последние годы миграционные и демографические процессы привели к тому, что даже в государствах с небольшими территориями уже нельзя найти такие однородные группы. Но, если даже найдем такие анклавы с однородным составом людей, доступность информации о разных народах, культурах через электронные средства создает у них поликультурное социальное пространство. Поскольку электронные средства более направлены на индивидуального человека они служат изолирующим средством, настойчиво влияющим на сознание молодежи. Многократность, эмоциональность, развлекательность и разнообразие массовой культуры не оставляет ни малейшей возможности для влияния на молодежь традиционной, исторической культуры предков. А этническая идентичность понимается как эмоционально-когнитивный процесс отождествления человеком себя с другими представителями одной этнической группы, знание истории, традиций и уклада жизни, позитивное отношение к ним и проявление

их в своем поведении [4]. Соответственно проблема состоит в регулировании молодежью своей позиции в ситуациях выбора, предпочтения, отношения, оценки и стиля поведения в ситуациях межкультурного взаимодействия. На сознательном уровне такой выбор является очень сложной процедурой, и массовая культура оказывается в выигрышном состоянии, поскольку она оперативно меняется, обновляется и подстраивается под запросы и настроение молодых людей. В этнопедагогических исследованиях выражается обеспокоенность таким положением и считают, что ситуация, складывающаяся в социально-нравственном воспитании, формировании этнокультурной идентичности детей и молодежи требует принятия срочных мер [7].

Этническая культура своей историчностью, традиционностью и консерватизмом зовет их в прошлое своего народа, в связи с чем проигрывает идеологии и технологиям массовой культуры. Но в этнопедагогике и практике воспитания известен подход этнофутуристического примирения, согласования и даже развития ценностей этнической культуры современными технологиями массовой культуры. Представители этнофутуризма (П. Вийрес, А. Хейнапуу, Э. М. Колчева, О. И. Генисаретский, В. Л. Шибанов) определили его как «мировоззрение и творческий метод, соединяющие архаическое, первобытное этническое содержание, присущее лишь данному народу, с современными технологиями или способы традиционного уклада жизни с современным содержанием» [7]. Подход этнофутуристов к воспитанию этнической идентичности можно понимать двояко. С одной стороны, как способ самозащиты, сохранения национального самосознания, уникальности своей культуры [2, с. 238], а с другой стороны, эту уникальность ценностей традиционной культуры технологии массовой культуры могут превратить в совершенно чуждые для данного народа атрибуты и нормы жизни. Это подтверждается современными представлениями и модификацией народных традиций даже в сельской местности. Если рассмотреть проблему этнической идентификации как динамического этнопедагогического процесса, то необходимо обратиться к ее познавательному, эмоциональному и поведенческому компонентам.

Процесс формирования этнической идентичности имеет несколько актуальных аспектов. В сельской местности, где пока сохраняется традиционный уклад жизни, нормы отношений могут усваиваться спонтанно, но без должного осмысления, поскольку молодежь может только наблюдать, подражать или выполнять их под давлением взрослых. Но этот процесс не сопровождается целенаправленным объяснением значимости наблюдаемых социальных событий в жизни этноса и каждого его представителя. Хотя социокультурная атмосфера села насыщена требованиями и нормами традиционной жизни народа, молодежи доступны и другие нормы массовой культуры через Интернет-ресурсы, которые сопровождаются комплексом стимулирования их восприятия и оценки.

Поскольку демонстрируемая жизнь придумана и приукрашена шоуменами, преимущество при сравнении оказывается на ее стороне. Значит, спонтанная социализация молодежи в социокультурной среде необходимо преобразовать в этнопедагогический процесс, который обеспечивает целенаправленное сопровождение объяснением значимости наблюдаемых социальных событий, их значимости в жизни этноса и каждого его представителя.

Другая проблема касается формирования этнокультурной идентичности молодежи малочисленных народов, нормы традиционного уклада жизни и ценности культуры которых не фиксированы в связи с отсутствием письменности. Например, в Республике Дагестан до сих пор есть более двадцати малочисленных бесписьменных народов. Их представители, проживающие в городах и желающие изучать культуру своего народа, не могут изучать культуру своего этноса в системе образования. Они могут это сделать, только побывав некоторое время в селе или по фото и видеоматериалам социальных событий в селе. Или это можно делать через знакомство с историей и традиционным укладом жизни своего народа по описаниям исследователей на других языках. Немного лучше обстоит дело с эмоциональным компонентом этнической идентификации. Каждый народ Дагестана имеет свои оригинальные атрибуты, сопровождающие социальные события радости и несчастья. Хотя в современной городской жизни свадьбы проводятся в банкетных залах, церемонии и атрибуты свадьбы каждого народа своеобразны, и все стараются сохранять такие различия. Особо ревностно малочисленные этносы относятся к традициям, ритуалам и обычаям, сопровождающим ситуации несчастья в социальных событиях.

Есть и еще одна проблема, традиционному укладу сельской жизни грозит массовое строительство жилья в городах, выманивающих сельское население в города к легкой жизни. Еще в четырнадцатом веке арабский историк Ибн Халдун обосновал, что сельские общины ближе к добру, чем горожане. Такую связь он объяснял тем, что насущное, добываемое собственным трудом, предшествует роскоши и развлекательной жизни [1, с. 327–328]. Беспокойство по этому поводу проявлял Р. Гамзатов. Он рекомендовал переселенцам захватить с собой горскую честь, чтобы не остаться нищими в городской роскоши [3, с. 92].

Возникает также проблема с этностереотипами как относительно устойчивыми представлениями о моральных, умственных, физических качествах, присущих представителям различных этнических общностей наиболее существенных свойств которых выделяют их эмоционально-оценочный характер, устойчивость, стабильность, консенсус согласованность даже ригидность [5]. При этом многие исследователи отмечают, что уникальными характеристиками стереотипов является выражение ментальных черт и стандартного поведения представителей того или иного этноса и они могут служить своего рода подсказкой ожидаемого поведения представителей разных народов

в межкультурном общении. Но проблема заключается в том, они могут оказаться несовместимыми с гибкими и оперативными технологиями массовой культуры, параллельно влияющий на представителей разных этносов. Массовая культура, стараясь подстраиваться под настроение и желания аудитории, может вытравить из них огромный жизненный опыт и воспитательный потенциал народной педагогики.

Этнопедагогический подход к воспитанию молодежи может обеспечить их взаимодействие так, чтобы оно было «добрым, справедливым, взаимно обогащающим, в котором никто ничего не теряет, никто никем не вытесняется» [2, с. 241]. В связи с этим исследователи предлагают включить в практику формирования этнокультурной идентичности технологии культуроохранения, культуросозидания, рекреационно-оздоровительные и технологии народных игр [8].

Поскольку владение родным языком является одним из существенных признаков этнической идентичности, возникают проблемы изучения родного языка в школах. В Дагестане эта проблема приобретает особую значимость. Имея на небольшой территории более тридцати разных языков этносов, в республике до сих пор не приняты законы о языках и малочисленных народах. Правда, еще в 1920-е годы А. А. Тахо-Годи провозгласил два принципа реализации национальной политики в образовании. В их числе он предлагал принцип родного языка и роль социокультурной среды в образовании и воспитании молодежи [6, с. 16]. Но постепенно из правового поля образования даже ушло понятие национальная школа. Имея в двух вузах республики Дагестан факультеты родных языков, во многих школах не хватает учителей родного языка. Более двадцати народов, претендующих на самостоятельный статус, не имея письменности, не могут изучать свой родной язык в школах, в силу чего теряют возможность приобретать один из существенных характеристик этнической идентификации.

Еще сложнее проблемы формирования этнокультурной идентичности в развитии ценностей этнической культуры. Как известно, говоря об этнической идентичности, мы имеем в виду вхождение молодежи в традиционный уклад жизненного опыта этносов, сохранение народных традиций, создание добродетельной атмосферы в социокультурной среде, адекватно запросам современной жизни. Однако эта важная область развития культуры этносов в последнее время ограничивается передачами телевидения на родных языках для этносов, имеющих письменность, выставки народно-художественных промыслов и развлекательные концерты с участием представителей разных этносов и создание центров традиционной культуры в поселениях. В нашем исследовании выявлены средства реализации сохранения и созидания культурных ценностей народа. Для этого использовали видеозаписи традиционных культурных событий в селах с проживанием бесписьменных народов,

их демонстрация и импровизация в городских школах. Этот эксперимент показал, что этнокультурная идентичность может быть сформирована и без отсутствия письменности.

Этнопедагогика может обеспечить методологическое обоснование таким поискам, предупреждать и остерегать молодых созидателей культурных ценностей от возможных ошибок, направить их поиски на перспективные аспекты развития культуры и способы взаимопонимания между разными этносами.

Литература

1. Бедуины и горожане в Муккадима Ибн Халдуна // *Очерки истории арабской культуры (VXV вв.)* – М.: Наука, 1982. – С. 311–356.
2. Волков Г. Н. Этнопедагогическое осмысление общечеловеческих ценностей // *Развитие личности*. – 2003. – № 2. – С. 235–243
3. Гамзатов Р. Горцам, переселившимся с гор // *Стихотворения Расула Гамзатова*. – М.: Советская Россия, 1979. – с. 91–92
4. Идентичность этническая // *Этнопсихологический словарь*. – М.: МПСИ, 1999. – URL: <http://ethnopsychology.academic.ru/393>.
5. Нюдюрмагомедов А. Н., Джамалова Б. Б. Материальные средства обучения в школе для бесписьменных народов. // *Известия ВГСПУ*, 2014, № 4
6. Стефаненко Т. Г. Этнические стереотипы – функции и свойства. URL: <http://psyfactor.org/lib/stereotype8.htm>
7. Сухоруков И. С. Формирование этнокультурной идентичности подростков и юношества в контексте становления в России гражданского общества: опыт эмпирического исследования // *Научный результат. Педагогика и психология образования*. 2016, Том 2, вып. № 4
8. Татарова С. П., Харитонова С. А., Затеева Н. А. Технологии и факторы формирования этнокультурной идентичности молодёжи // *«Педагогический ИМИДЖ 2023. Т. 17. № 3 (60). С. 304–316*
9. Тахо-Годи А. А. Проблемы языка в Дагестане. – Махачкала, 1930. – 26с.
10. Хейнапуу А. Кривая этнофутуризма идет в бесконечность /Перевод из газеты Eesti Ekspress. URL: <http://suri.ee/etnofutu/texts/krivaja.htm>
11. Этнос // *Социология: Энциклопедия*. URL: http://sociology_encyclopedia.academic.ru/372/

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1922 ГОДА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Гисцева Алина Сергеевна

старший преподаватель

Ставропольский государственный педагогический институт

Судебная реформа 1922 года стала значимым, поворотным этапом в становлении советской правовой системы. Переход к НЭПу в начале 1920-х гг. потребовал упорядочения правосудия и замены опоры на «революционное правосознание» на систему кодифицированного законодательства и структурированных судебных органов. Реформа заложила институциональные основы судебной власти, определив её место в механизме государства и задав вектор развития на последующие десятилетия. Анализ её реализации на региональном уровне позволяет увидеть разрыв между нормативным замыслом и практикой правоприменения, а также понять истоки дальнейших трансформаций советской юстиции – в том числе усиления административного контроля над судами в 1930-е годы. Для Ставропольского региона тема особенно актуальна: специфика аграрного края, последствия Гражданской войны, продовольственные трудности и высокая преступность делали работу судов особенно сложной и показательной для изучения проблем становления советского правосудия.

Источниками исследования послужили нормативные акты, определившие специфику создания судебных органов в Советской России: в частности, «Положение о судостроительстве РСФСР» (11 ноября 1922 г.), а также Уголовный, Гражданский, Земельный кодексы, Кодекс законов о труде, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Делопроизводственные документы наркомата юстиции, например, циркуляры, инструкции и отчёты о проверках, а также другие делопроизводственные материалы, найденные в Государственном архиве Ставропольского края, позволили проследить, как шли изменения на местах, и с какими проблемами сталкивались созданные судебные органы.

Проведенная молодым советским государством в 1922 году судебная реформа была обусловлена необходимостью упорядочить разобщенную систему местных (народных) судов, созданную сразу после революции. Низкая

результативность их работы определялась также тем, что, в условиях революции и Гражданской войны, шла борьба не столько с уголовным элементом, сколько с политическими противниками партии большевиков, и суды, включенные как составная часть в эту систему, не справлялись с возложенными на них обязанностями, отдавая все большее и большее количество дел специальным судебным органам – революционным трибуналам. Последние, действуя на основании принципа «революционной законности» выносили решения быстро, исполняя приговоры также в срок и неумолимо. В итоге основная функция суда – установление справедливости – была потеряна сразу же, с первых дней его создания, заменившись карательной.

В начале 1920х гг., по мере перехода к мирной жизни, произошли изменения в экономической политике страны, выразившиеся в установлении правил нэпа, гражданам были возвращены некоторые правовые институты, что, безусловно, требовало институционального оформления в виде законодательства. К этому времени относится и создание первых советских кодексов – уголовного, уголовно-процессуального, земельного, семейного, гражданского и др. Ключевой точкой реформы суда стало «Положение о судеустройстве РСФСР», принятое 11 ноября 1922 года на IV Сессии ВЦИКа IX созыва. Именно в этом документе, наконец, была сформулирована цель советского правосудия: «ограждение завоеваний пролетарской революции, обеспечение интересов государства, прав трудящихся и их объединений»¹.

По итогам реформы была создана системы общих судов, состоящая из трех звеньев – народных, губернских судов и Верховного суда РСФСР, которые поначалу не имел координирующей функции, но после создания СССР, созданная структура Верховного Суда СССР, наконец, обрела свой статус и свои полномочия. Компетенция народных судов включала рассмотрение дел по первой инстанции – уголовных и гражданских, за исключением ряда преступлений, к которым были отнесены преступления против государственной власти, военной службы и особо тяжкие хозяйственные преступления². Народный судья, должность которого была выборной, рассматривал дела единолично, либо в составе с также выборными от трудового народа народными судебными заседателями. Губернские суды, как первая инстанция по наиболее опасным преступлениям и сложным гражданским

¹ Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 года «О введении в действие Положения о судеустройстве РСФСР» // СУ РСФСР. – 1922. – № 69. – Ст. 902.

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Утв. Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 15 февраля 1923 года. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_ВЦИК_от_15.02.1923_Об_утверждении_Уголовно-Процессуального_Кодекса_Р.С.Ф.С.Р.

спорам, одновременно выполняя надзорные функции в отношении народных судов, а также рассматривая кассационные жалобы и протесты прокурора. Верховный суд РСФСР занимался обобщением судебной практики, выработкой правовой доктрины, а также толкованием права в некоторых, особо сложных, коллизионных случаях.

Предпринятая в 1920-е гг. кодификация права позволила уйти от опоры на «революционное правосознание» и разрозненные декреты к работе в рамках систематизированного законодательства. Важным элементом реформы стало воссоздание прокуратуры (Положение от 28 мая 1922 года) и адвокатуры (Постановление ВЦИК от 26 мая 1922 года). Прокуратура осуществляла надзор за законностью и поддержанием обвинения, тогда как коллегии защитников при губернских отделах юстиции обеспечивали правовую помощь, в том числе бесплатную для беднейших слоёв населения.

Наряду с судами общей юрисдикции сохранялись специальные судебные органы: военные и военно-транспортные трибуналы, трудовые сессии, земельные комиссии, арбитражные комиссии. Их создание объяснялось убеждением законодателя в том, что народные судьи, зачастую имевшие лишь начальное образование, не смогут квалифицированно разрешать споры в узкоспециализированных сферах – трудовой, земельной, хозяйственной.

Реализация реформы на местах, в частности в Ставропольской губернии, столкнулась с серьёзными трудностями. Объективные проблемы включали слабую связь с центром, минимальное финансирование, последствия Гражданской войны и продразвёрстки, а субъективные – низкий уровень подготовки кадров. Как отмечалось в протоколе заседания Пленума Губсуда от 11 июля 1924 года, судебные работники «очень слабо подготовлены и недостаточно усвоили основные вопросы материального права, технику судебного процесса и не имеют опыта судейской деятельности»¹. Ситуация усугублялась полным отсутствием в крае пособий и руководств по советскому праву, кроме ведомственной литературы.

Нехватка ресурсов проявлялась и в материально-бытовой сфере: острая нехватка бумаги, канцелярских принадлежностей, помещений для судебных камер. Радиус обслуживания судебных участков был чрезмерно велик: по данным исследователя О. И. Слюсаревой, на одну камеру народного суда в Ставропольской губернии приходилось 65 вёрст и 43 тысячи жителей².

¹ Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-455. Оп.1. Д. 3651. Л. 83

² Слюсарева О. И. История развития судебной системы на Северном Кавказе в 20-х – 40-х годах XX века (на примере Ставропольского и Краснодарского краёв). Дисс.. кандидата истор. наук. Ставрополь, 2002. С. 58

К 1925 году в Ставропольском судебном округе действовали 22 народных суда, 16 следственных участков, одна трудосессия и другие подразделения, однако нагрузка распределялась неравномерно: один участок обслуживал 25 тысяч человек, другой – 72 тысячи¹.

Следствием этих проблем стали системные нарушения в работе судов. В докладе уполномоченного по Ставропольскому округу за 1926 год фиксировались «существенные нарушения материального права»: замена штрафа лишением свободы и наоборот, нарушение статьи 35 УК РСФСР (применение личного задержания вопреки норме о принудительных работах без содержания под стражей), рассмотрение дел единолично вместо коллегиального состава, а порой – вынесение приговоров вообще без судебного заседания. Практика правоприменения в Ставропольской губернии наглядно демонстрировала существенные изъяны в работе местных судебных органов. В частности, фиксировались неоднократные случаи неверной юридической оценки деяний: так, отдельные проступки необоснованно квалифицировались как хулиганство в рамках ст. 176 УК РСФСР, хотя объективные признаки данного состава в них отсутствовали².

Данные кассационной инстанции свидетельствовали о серьёзных сбоях в механизме правосудия. Так, Ставропольская постоянная судебнокассационная сессия в 1926 году отменила решения по 30 делам – это составило 15% от общего числа рассмотренных материалов. Наиболее проблемной оказалась категория хозяйственных и должностных преступлений: именно по ним чаще всего выявлялись существенные нарушения. К числу основных причин относились ошибки на стадии предварительного следствия, несвоевременное ознакомление с изменениями законодательства (в том числе применение ст. 79 УК РСФСР после её официальной отмены), а также пренебрежение процессуальными правилами. Среди типичных нарушений – ненадлежащее извещение участников процесса (что противоречило ст. 265 УПК) и неполнота фиксации хода разбирательства: нередко в приговоре фигурировали обстоятельства, которые не были отражены в протоколе судебного заседания³.

В работе судов, вновь созданной прокуратуры и коллегии защитников, наиболее острым был кадровый вопрос. Помимо того, что разрушенная система дореволюционного юридического образования теперь не давала кадры юристов, а система советской юриспруденции только создавалась, к кандидатурам судистов, судебных следователей, советских прокуроров

¹ ГАСК. Ф. Р-299. Оп.2. Д. 8а. Л. 150

² ГАСК. Ф. Р-577. Оп.1. Д. 16. Л. 13

³ ГАСК. Ф. Р-577. Оп.1. Д. 16. Л. 39

предъявлялись требования идейности, рабоче-крестьянского или пролетарского происхождения, партийности. Только защитники, достаточно недолгий период, в течении 1920-х гг., могли быть из «бывших» адвокатов, юристов, следователей. Но и здесь наблюдается так называемая 2текучка кадров»: согласно отчетам Ставропольской коллегии защитников, только за полгода 1926–1927 гг. здесь прекратили работу 41 сотрудник, ещё 10 были отстранены в связи с несоответствием занимаемой должности¹. Адвокаты были вынуждены «уходить» в частную практику, которая по мере свертывания нэпа, уже к 1928 году стала также запрещена. Уже в 1930-е гг. государственный адвокат превращается в обычного малооплачиваемого государственного клерка, к которому граждане не испытывали ни доверия, ни уважения.

В работе ставропольских судов, как свидетельствуют данные их проверок вышестоящими инстанциями, из-за низкого образования и крайне плохой профессиональной подготовки судей и следователей, случались постоянные судебные ошибки – в применении норм процессуального права ввиду их незнания, в составлении судебных документов, в плохой проверке фактов материалов дела. В итоге, как сказано было напрямую в отчетной документации, отдельные приговоры базировались «не на данных, добытых на судебном следствии, а на фантазии писавшего приговор»², что свидетельствовало о глубоком кризисе правоприменительной культуры.

Таким образом, реформа 1922 года позволила сформировать базовую институциональную структуру советской судебной системы, задав единые принципы её организации и нормативного регулирования. Вместе с тем практическая реализация этих преобразований в провинциальных регионах, в том числе в Ставропольской губернии, столкнулась с комплексом устойчивых проблем. Ключевыми из них являлись дефицит квалифицированных кадров, недостаточное материально-техническое обеспечение судов, а также низкий уровень юридической подготовки работников юстиции. Перечисленные факторы провоцировали массовые ошибки как процессуального, так и материально-правового характера, снижая эффективность правосудия и ослабляя авторитет судебных органов в глазах общества. Несмотря на попытки вышестоящих инстанций наладить методическое сопровождение нижестоящих судов и развивать просветительские практики, указанные недостатки сохранялись на протяжении всего десятилетия. В дальнейшем это обусловило усиление административного контроля над судебной системой и смещение акцентов в сторону централизованного управления правосудием.

¹ ГАСК. Ф. Р-577. Оп.1. Д. 16. Л. 112 об.

² ГАСК. Ф. Р-577. Оп.1. Д. 16. Л. 13 об.

**МЕЖДУ ИДЕАЛОМ И РЕАЛЬНОСТЬЮ:
ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПРОЯВЛЕНИЯ
ИНАКОМЫСЛИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ СТАВРОПОЛЯ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1950-Х – НАЧАЛО 1980-Х ГГ.)**

Логвинович Георгий Владимирович

Северо-Осетинский государственный университет

им. К. Л. Хетагурова

Изучение механизмов формирования мировоззрения молодёжи в советском обществе остаётся одним из востребованных направлений в современной историографии. Особый интерес представляет провинциальная среда, где официальные установки встречались с локальными практиками, а декларируемые идеалы нередко вступали в противоречие с повседневными реалиями. Студенчество как наиболее активная и рефлексивная часть молодого поколения оказывалось в фокусе пристального внимания партийно-государственных и комсомольских структур: именно на вузы возлагалась задача воспитания «нового человека», гармонично сочетающего профессиональную компетентность с марксистско-ленинской убеждённостью.

В то же время студенческая среда демонстрировала и иные тенденции – от бытового нонконформизма до осмысленных попыток критического осмысления действительности. В провинции эти проявления имели свою специфику: с одной стороны, здесь слабее ощущались столичные интеллектуальные импульсы, с другой – жёстче срабатывали механизмы административного контроля и идеологического воздействия. На примере Ставрополя можно проследить, как в течение трёх десятилетий менялись формы и эффективность воспитательной работы, а также способы выражения несогласия, не вписывавшегося в официальную парадигму.

Цель настоящей статьи – проанализировать систему идейно-политического воспитания в ставропольских вузах и рассмотреть многообразие проявлений инакомыслия среди студентов во второй половине 1950-х – начале 1980-х годов. В работе сочетаются анализ нормативных документов и программных установок власти с привлечением источников личного происхождения (воспоминаний, интервью) и материалов спецслужб, что позволяет увидеть проблему в двойном ракурсе: как её формулировали идеологи и как воспринимали сами

студенты. Такой подход помогает не только реконструировать механизмы воздействия на молодёжь, но и выявить реальные настроения в студенческой среде, а также оценить степень эффективности официальных воспитательных практик в условиях нарастающего разрыва между декларируемыми ценностями и жизненным опытом поколения.

В студенческой среде Ставрополя второй половины 1950-х – начала 1980-х годов проявлялись разные формы несогласия с официальной идеологией. Порой даже приверженность религиозным взглядам – например, православию или исламу – расценивалась как отклонение от нормы и могла обернуться административными мерами вплоть до отчисления. Показателен случай из воспоминаний профессора А. А. Аникеева: его друг, будущий лермонтовед В. А. Захаров, в студенческие годы регулярно посещал Андреевский храм вслед за своим наставником, профессором В. А. Романовским, и в итоге подвергся «проработке» на институтском собрании и был отчислен [1].

При этом в некоторых вузах, где обучались иностранцы (например, в Ставропольском медицинском институте), к верующей молодёжи относились чуть терпимее. Рост числа иностранных студентов, особенно после 1960 года, вносил определённое разнообразие в атмосферу вузов и отчасти смягчал жёсткие идеологические рамки.

О внутреннем настрое части молодёжи можно судить по откровенным высказываниям самих студентов. Так, студентка 4-го курса МВТУ им. Баумана Лида Коваленко в 1974 году рассуждала: «В нашем обществе личность каждого человека, в том числе и молодого, я уверена, отличается, прежде всего, тем, что для неё, этой личности, желание участвовать в общественно-полезном деле органично и естественно, но, в принципе, не расходится с тем, что мы вкладываем в понятие свободы личности, оно неотъемлемая часть этой свободы...» [2. С. 8]. Это интервью, опубликованное в первом номере журнала «Студенческий меридиан», передаёт искренний взгляд представителя поколения 1970-х.

Однако документы спецслужб рисуют более противоречивую картину. В «Аналитической справке о характере и причинах негативных проявлений среди учащейся и студенческой молодёжи» от 03.12.1976 г., составленной начальником 5-го управления КГБ Ф. Д. Бобковым, подчёркивается опасность влияния зарубежных радиостанций. В справке отмечалось: «С территории капиталистических стран на Советский Союз ведут передачи 41 радиостанция, объём вещания которых составляет 253 часа в сутки» [3]. По данным анкетирования, передачи регулярно слушали до 80 % студентов и около 90 % старшеклассников. Интерес к «Радио Свобода» и другим зарубежным источникам был велик не только из-за любопытства: молодёжь искала альтернативные точки зрения, стремилась сопоставить официальную версию истории и реальности с иными трактовками.

Сами формы инакомыслия были неоднородны. В 1950-е годы встречались попытки создания подпольных организаций, участники которых нередко не отрицали социалистические идеалы, а, напротив, считали, что страна отошла от «ленинских норм». Например, члены «Союза революционных ленинистов» в Ленинградском педагогическом институте призывали соблюдать Конституцию и бороться со «сталинщиной», полагая, что возвращение к «истинно ленинским нормам жизни» позволит достичь подлинного коммунизма. Подобные группы распространяли листовки и обсуждали программы преобразований, за что получали реальные сроки – от 6 до 10 лет [4. С. 330–344, 346–354, 368–371].

К 1960–1970-м годам характер протеста менялся. На первый план выходили иные формы несогласия: чтение и распространение самиздата, обсуждение «запрещённых» тем в узком кругу, увлечение западной музыкой и субкультурами. Для многих молодых людей это было не столько политической позицией, сколько проявлением юношеского нонконформизма. Как вспоминала Е. А. Кириллова, учившаяся в конце 1970-х: «Мы были чертовски аполитичны: скандалы и демонстрации не устраивали, кому хотелось вылетать из института? Дискуссии велись в узких кругах, где хотелось верить, что находишься в безопасности» [5]. При этом даже внешние проявления инакомыслия – длинные волосы, джинсы, тёмные очки – могли стать поводом для разбирательств на комсомольских собраниях и отчислений.

Государство и партийные структуры отвечали на эти тенденции усилением идейно-воспитательной работы. Её цели были чётко сформулированы в программных документах: воспитание «нового человека», преданного идеалам марксизма-ленинизма, готового к труду и защите Родины. Важную роль в этом процессе играл комсомол, чьи задачи, закреплённые в Уставе 1962 года, включали помощь партии в воспитании молодёжи «в духе коммунизма, неукоснительного соблюдения Конституции СССР и советских законов», а также подготовку поколения, которое будет жить и работать при коммунизме.

Одним из главных инструментов воспитания стали общественные дисциплины: политическая экономия, диалектический и исторический материализм, история КПСС. Их объём в учебных планах был значительным, а содержание – жёстко идеологизированным. Например, в Ставропольском пединституте в 1957/1958 учебном году на изучение основ марксизма-ленинизма отводилось 250 часов, а на политэкономии и диалектический материализм – по 140 часов [6. Л.8]. Обязательным был и госэкзамен по общественно-политическим дисциплинам, который студенты считали особенно сложным.

Помимо аудиторных занятий, воспитательная работа активно велась во внеучебное время. Формы её были разнообразными: политинформации, кружки по изучению трудов классиков марксизма, Ленинские уроки и зачёты, встречи с передовиками, походы по местам боевой и трудовой славы. Особое место

занимали массовые мероприятия – демонстрации 1 Мая и 7 Ноября, субботники, комсомольские стройки. Как вспоминала В. И. Еременко, студентка физмата СГПИ 1966–1970 годов: «Два раза в год: 1-го мая, в День международной солидарности трудящихся, и 7-го ноября – в годовщину Октябрьской Социалистической революции – весь город ходил на демонстрации... Массовое мероприятие городского масштаба... Ранним утром, часов эдак в восемь, весь институт собирался около главного учебного корпуса и долго строился в колонну человек по десять. Затем начинали движение и через некоторое время выходили на главную площадь. Здесь, на трибуне, стояли руководители города и края... провозглашали в микрофон лозунги... «Да здравствует наше студенчество – будущие строители коммунизма!» -это уже для нас, студентов, – «Ура!» – отвечали мы» [7].

Для вовлечения молодёжи в пропагандистскую деятельность создавались специальные структуры, например, Школа молодого лектора. Студенты готовили и читали лекции на предприятиях, в колхозах, по радио и телевидению, охватывая темы вроде «XXV съезд КПСС о мирном сосуществовании» или «Мирное сосуществование и идеологическая борьба» [8. С. 1]. В рамках Ленинского зачёта каждый комсомолец должен был отчитаться о выполнении личного плана, участия в общественной работе и освоении марксистско-ленинской теории.

Тем не менее к середине 1970-х годов всё отчётливее проявлялся разрыв между официальной повесткой и реальными интересами студентов. Формализм многих мероприятий был очевиден и самим учащимся. Студент Николай Хохлов в 1975 году так описывал атмосферу комсомольских собраний: «Дайте зайдем в одну из аудиторий. Здесь идёт комсомольское собрание. Зал переполнен. Докладчик перечисляет цифры и фамилии, фамилии и цифры. Половина присутствующих читает книги, пишет конспекты, другая половина играет в «морской бой». Скучно! Не выдержав сонной атмосферы, выходим...» [9. С. 2]. Подобные наблюдения свидетельствовали о нарастающем равнодушии к традиционным формам воспитательной работы.

Кризис идеологического воспитания становился всё более очевидным. Даже в провинции, где столичные тенденции доходили с опозданием, к началу 1980-х годов привычные методы уже не находили отклика у молодёжи. Студент А. Никонов в 1982 году обращался в редакцию «Студенческого меридиана» с вопросом: «Планы иногда пишутся под копирку, аттестация проходит формально. Может быть, Ленинский зачёт как форма воспитания студенчества устарел и нужно искать что-то новое?» [10. С.11]. Но новых подходов так и не появилось: система продолжала наращивать внешнюю форму, не меняя содержания.

В результате к середине 1980-х годов стало ясно, что традиционные способы идейно-политического воспитания утратили эффективность. Молодёжь

всё чаще обращалась к альтернативным ценностям – через музыку, самиздат, неформальные сообщества. Как отмечала Е. А. Кириллова о своих сокурсниках: «Наше поколение было очень разнообразное, если не сказать разнообразнейшая публика, особенно что касается идеалов и ценностей. Объединяло нас, пожалуй, только то, что мы все имели какой-нибудь «блат» в институте и не верили в комсомол и его демократический централизм» [5]. Этот внутренний разлад, копившийся годами, стал одной из предпосылок масштабных перемен, развернувшихся в эпоху перестройки.

Источники и литература:

1. Из устного интервью с А. А. Аникеевым, студентом СГПИ 1960–1966 гг. / Личный архив автора
2. Демидов П. Ищу алгоритм // *Студенческий меридиан*. 1974. № 1.
3. Аналитическая справка о характере и причинах негативных проявлений среди учащейся и студенческой молодежи начальника 5 управления КГБ при СМ СССР Ф. Д. Бобкова от 03.12.1976. В Кн.: *Власть и диссиденты из документов КГБ и ЦК КПСС*. URL: <http://psi.ece.jhu.edu/%7Ekaplan/IRUSS/BUK/GBARC/pdfs/dis70/ct37b76.pdf>
4. Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / Сост. В. А. Козлов, О. В. Эдельман, Э. Ю. Завадская. Под ред. В. А. Козлова, С. В. Мироненко. – М.: «Материк», 2005.
5. Анкета Е. А. Кириловой, студентки СГПИ 1975–1980 / Личный архив автора
6. Учебный план педагогического института на 1947–1948 учебный год. Специальность История. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-1872. Оп. 1. Д. 82.
7. Анкета В. И. Еременко, студентки СГПИ 1966–1970 / Личный архив автора
8. Манин С. Школа лекторского мастерства // «За медицинские кадры». – 16 июня 1978. № 23 (538)
9. Хохлов Н. Пусть звучит колокол! // *За педагога-ленинца!* 10.12.1975. № 38 С. 2
10. Карпунин О. Рубцов А. «Без идеала нет стержня человеческой личности» // *Студенческий меридиан*. 1982 № 2.

ОСОБЕННОСТИ РАССКАЗОВ АБДУЛ БИСМИЛЛАХА

Раджабов Хабибулло

*доктор филологических наук, профессор
Таджикский национальный университет,
г. Душанбе, Таджикистан*

Абдул Бисмиллах является одним из ведущих современных прозаиков литературы хинди. Он относится к поколению писателей периода независимой Индии. Он своими рассказами и романами внес весомый вклад в развитии современной прозы хинди. Будучи прогрессивным писателем-реалистом, он привнес в прозу хинди глубокий, лишенный идеализации взгляд на социальные низы. В своих рассказах он поднимает острые вопросы неравенства, кастовой дискриминации и социальной изоляции в современной Индии. Персонажи Бисмиллаха часто сталкиваются с нарушением их прав. Рассказы Абдула Бисмиллаха представляют собой одни из лучших образцов прозы на языке хинди 1980–1990-х годов. Они охватывают период, когда рассказ хинди постепенно выходил за рамки мрачных, пессимистических описаний шестидесятых и семидесятых годов и вступал в фазу, характеризующуюся ростом оптимизма и поиском социальных надежд.

В свой самый известный роман «Jhini Jhini Bini Chadariya» («Тонко сотканное покрывало») Абдул Бисмиллах с документальной точностью описывает тяжелую жизнь ткачей-мусульман в Бенаресе. Данная статья первая попытка рассмотреть вкратце некоторые особенности реализма в творчестве писателя.

Ключевые слова: *Абдул Бисмиллах, литература хинди, Кабирдас, рассказ, роман, автобиографический характер, мусульмане, индусы, сельские жители.*

Абдул Бисмиллах – один из самых известных писателей хинди, чья литературная деятельность пришлась на период становления независимой Индии. Он родился 5 июля 1949 года в деревне Балапур, расположенной недалеко от города Аллахабад (штат Уттар-Прадеш). Начальное образование получил в городе Мандла (штат Мадхья-Прадеш). Ранняя потеря родителей в 1963 и 1964 годах затруднила продолжение учебы, однако Абдул Бисмиллах

успешно окончил среднюю школу в 1966 году. После этого он продолжил образование в колледже города Мирзапур и в 1972 году поступил на факультет литературы хинди Аллахабадского университета.

После окончания университета Абдул Бисмиллах получил степень магистра гуманитарных наук и в течение приблизительно десяти лет преподавал в Национальном интер-колледже города Бенареса. В 1979 году он получил степень доктора философии (PhD) в Аллахабадском университете. С 1984 года по настоящее время он работает профессором кафедры хинди факультета гуманитарных наук и языков Университета Джамия Миллия Исламия в Дели.

В различные периоды своей профессиональной деятельности Абдул Бисмиллах работал за рубежом: в 1993–1995 годах в Варшавском университете (Польша) и в 2003–2005 годах в культурном центре имени Джавахарлала Неру при посольстве Индии в Москве. Однако его постоянным местом работы является Университет Джамия Миллия Исламия в Дели.

Абдул Бисмиллах свободно владеет хинди, урду, санскритом и английским языками. За выдающиеся заслуги в области литературы хинди он был удостоен множества наград, среди которых премия имени Джавахарлала Неру (эта премия была учреждена журналом «Soviyat Land» (Советская страна), издававшимся в Индии), премия Академии литературы (Дели), две премии «Ассоциации хинди» штата Уттар-Прадеш, премия «Общества литературы» штата Мадхья-Прадеш и другие.

Абдул Бисмиллах проявил себя как в поэзии, так и в прозе, однако наибольшую известность получил как прозаик. Его произведения переведены на маратхи, урду, гуджарати, малаялам, бенгали, английский, русский и другие языки. За почти пятьдесят лет литературной деятельности писатель создал ряд стихотворений, рассказов и романов, опубликованных под следующими названиями:

1. Сборники стихов: «Позвольте мне сказать» («Mujhe bolne do», 1987), «Предание о маленьких идолах» («Chote buton ka bayan»), «Стихи Валимухаммада и Кариманби» («Vali-muhammad aur Karimanbi ki kavitaen»).

2. Романы: «Битва продолжается» («Samar shesh he», 1984), «Тонко сотканная ткань» («Jhini-jhini bini chadariya», 1986), «Захрабад» («Zahrbad», 1987), «Легенда» («Dant katha», 2007), «Нечестивая легенда» («Apavitra akhayan», 2008), «Рави пишет» («Ravi likhta he», 2010), «Что видит лицо» («Mukhra kya dekhe», 2014) и другие.

«Джини джини Бини чадария» (1986) – его самый обсуждаемый роман писателя, в котором рассказывается о борьбе ткачей Банараси.

3. Сборники рассказов: «Сломанное крыло» («Tuta huva pankh», 1981), «Много вопросов» («Kitne-kitne saval», 1984), «Известные рассказы Абдула Бисмиллаха» («Abdul Bismilah ki vishisht kahaniyan», 1986), «Гостиница для

ночлега» («Rain basera», 1989), «Мир гостеприимной госпожи» («Atithi devi bhav», 1990), «Неловкий союз» («Raf raf mel», 2000), «Шут на свадьбе» («Shadi ka joker», 2013), «Чтобы осталось доказательство» («Taki sanad rahe», 2014).

Абдул Бисмиллах также является автором ряда статей и отдельных книг в области литературоведения, в том числе произведения под названием «Времена критики» («Vimarsh ke ayam»).

Абдул Бисмиллах стремится внести свой вклад в улучшение жизни своих соотечественников, именно это стремление стало причиной того, что его называют писателем передовых идей. «Абдул Бисмиллах считается прогрессивным писателем, поскольку в своих рассказах он последовательно обличает тех, кто виновен в упадке общества»¹.

Творчество Абдула Бисмиллаха находится под заметным влиянием Максима Горького (1868–1936), что особенно проявляется в его романе «Битва продолжается». Подобно Горькому, Абдул Бисмиллах пережил трудное детство и юность, что делает творчество русского писателя ему особенно близким. В своих рассказах Абдул Бисмиллах поднимает одну из наиболее значимых социальных проблем своего времени – безжалостную эксплуатацию детского труда, а также использование детей и женщин в качестве бесплатной рабочей силы.

Следует отметить, что данная тема не является новой: к ней обращались и другие прогрессивные писатели, выступавшие против социальной несправедливости задолго до Абдула Бисмиллаха. Однако его подход отличается особой реалистичностью. Писатель не стремится сознательно искать причины эксплуатации несовершеннолетних; читатель сам видит эти причины через реалистическое отображение темных сторон жизни бедных людей.

В изображении социальных контрастов писатель выстраивает повествование в определенной последовательности: сначала описывается мир состоятельных людей, их изобилие, спокойствие и беззаботность, а затем – в той же атмосфере благополучия – показываются голодные и оборванные люди, которые сами создают эти богатства и комфорт для других.

Рассказ «Ломтик сдобного хлеба» («Shirmal ka tukra») повествует о нескольких эпизодах из жизни маленькой девочки, работающей в доме богатого человека. Этот рассказ вызывает глубокие эмоции как у подростков, так и у взрослых читателей.

Дети обращают внимание на судьбу своей сверстницы, которая, находясь среди обилия еды, страдает от голода. Взрослые же задумываются над более

¹ Мишра Винод. Термометр внутреннего состояния человека. Журнал «Сакшаткар» («Встреча»), ноябрь-декабрь, 1986, стр. 138.

широким вопросом: действительно ли право на сытость и беззаботную жизнь принадлежит только определённым слоям общества?

Повествование ведётся от лица главной героини – маленькой девочки по имени Махрун. Её рассуждения отличаются внутренней логикой и зрелостью. Если бы автор не указал, чьими устами произносятся эти слова, можно было бы предположить, что размышления принадлежат взрослому человеку. Лишенная простых удобств, жизнь, полная несправедливости и горечи, научила девочку рассудительности и осознанному восприятию мира. В её мыслях отражаются и смирение перед судьбой, и недовольство ею, и, наконец, внутренний протест против неё. Хотя восстание Махрун кажется незначительным, оно глубоко символично для ребёнка: «Вчера Баблий оставил в своей чашке глоток молока. Я его выпила. За это мать Баблий меня сильно наказала. Разве это люди? Каков их Бог?... Им дают всё, а нам – ничего. Я в этом году не буду поститься. Если Бог ничего не даёт мне, то и я ничего не сделаю для Бога»¹.

До конца рассказа остаётся неизвестным, когда завершится работа матери и дочери в доме богатого человека. Известно лишь, что свадьба закончится, гости разойдутся, останутся недоеденные хлеб и еда, а Махрун и её мать Насиба будут продолжать страдать от голода, выполняя приказы хозяев. Автор подчёркивает, что, хотя любое событие имеет завершение, страдания бедных и эксплуатируемых людей бесконечны. В финале рассказа Махрун, не выдержав голода, берёт кусок сдобного хлеба и убегает от хозяев и изнурительного труда.

Некоторые рассказы Абдула Бисмиллаха имеют автобиографический характер, в частности рассказ «Мюрид». Повествование в нем ведётся от лица несовершеннолетнего мальчика. Автор, помимо изложения отдельных автобиографических сведений, относящихся к периоду его детства, которые не являются основной целью повествования, акцентирует внимание на проблемах бедности, детского голода и обмана со стороны ловких и корыстных людей.

Абдул Бисмиллах посвятил часть своего творчества теме межрелигиозных столкновений и конфликтов между мусульманами и индуистами, которые продолжаются в течение длительного времени и до сих пор не завершены. В этих произведениях писатель показывает бессмысленность и пагубность подобных противоречий. Он хорошо осведомлён о том, что противостояние между мусульманами и индуистами имеет многовековую историю и до настоящего времени полностью не прекратилось, периодически ослабевая или, напротив, усиливаясь. Поэтому, обращаясь к данной теме, автор не может оставаться безмолвным наблюдателем.

¹ Абдул Бисмиллах. Популярные рассказы Абдула Бисмиллаха. Дели, 1986, стр.65.

Этой проблематике Абдул Бисмиллах посвятил несколько своих рассказов, подчеркивая их гуманистическую направленность и осуждая вражду, основанную на религиозных различиях. В большинстве литературных произведений, затрагивающих данную тему, в центре повествования изображается ожесточённое противостояние двух сторон, где люди, противопоставленные друг другу, называют себя мусульманами или индуистами и, проявляя невежество, мстят противнику под любым предлогом.

Однако в рассказе «Новый Кабирдас» («Naya Kabirdas») Абдул Бисмиллах избирает иное решение: его герой не принадлежит ни к мусульманам, ни к индуистам. Имя Кабирдас само по себе символично, поскольку состоит из двух частей: «Кабир» – слово, характерное для мусульманского языка, и «дас» – элемент индийского происхождения, означающий «раб».

Как известно, знаменитый средневековый индийский поэт Кабир (1440–1518) выступал против разделения людей по религиозному признаку, отрицая противопоставление индуистов и мусульман. Он утверждал идею равенства всех людей перед единым Богом, пребывающим не в мечетях и храмах, а в сердце каждого человека. Достоверных исторических сведений о Кабире не существует, однако в многочисленных преданиях, посвящённых ему, подчеркивается невозможность определить, принадлежал ли он к мусульманам или индуистам. Именно по этой причине Абдул Бисмиллах дал своему рассказу такое название. Поэт Кабир, несмотря на неопределённость своих религиозных взглядов, прожил достойную жизнь и имел многочисленных учеников и последователей как среди индуистов, так и среди мусульман.

Кабирдас, изображённый Абдулом Бисмиллахом, страдает именно из-за того, что обладает теми же качествами, что и поэт Кабир. «Долгое время люди спорили о том, кем является Кабирдас: индуистом или мусульманином. Индуисты называли его мусульманином, а мусульмане – индуистом. И обе стороны осуждали его. Эта ненависть распространилась и на жену Кабирдаса. Эту красивую женщину обе стороны высмеивали так же, как и её мужа»¹.

Постепенно, однако, отношение к нему меняется: люди видят, что Кабирдас не обращает внимания на враждебные высказывания, и начинают проявлять к нему уважение. Со временем он становится известным и уважаемым человеком, пользующимся почётом на всех собраниях и общественных мероприятиях. Мусульмане и индуисты, проживающие в одном районе с Кабирдасом, прекращают вражду и ненависть друг к другу.

Однако мир длится недолго. «Однажды пришла весть о том, что между индуистами и мусульманами вновь вспыхнула драка. Услышав это, Кабирдас

¹ Абдул Бисмиллах. Популярные рассказы Абдула Бисмиллаха. Дели, 1986, стр.61.

потерял дар речи. «Почему это произошло? Почему один брат жаждет крови другого?» – спрашивал он себя»¹.

Как показывает развитие сюжета, на примере отношения окружающих к Кабирдасу прослеживается мысль о том, что огонь вражды и ненависти между индуистами и мусульманами на протяжении веков то разгорается, то угасает, но никогда не исчезает полностью.

Абдул Бисмиллах, сам являясь мусульманином, никогда не выражал ненависти к индуистам. Его гуманистическое отношение к представителям другой религии подтверждается тем, что он избрал для своего творчества язык хинди, а героями его произведений становятся как индуисты, так и мусульмане. В их поступках и взаимоотношениях отсутствует пренебрежение к достоинству и человеческой ценности друг друга.

Кабирдас убеждён, что никто не должен его обижать, поскольку он не является ни мусульманином, ни индуистом. Он никому не причинил вреда и не вызывал ни у кого враждебных чувств. Однако из-за того, что вероисповедание его жены известно, его избивают и связывают. При внимательном чтении финала рассказа невозможно определить, кто именно напал на Кабирдаса – мусульмане или индуисты. Автор сознательно оставляет этот вопрос без ответа, поскольку убеждён, что несправедливо возлагать ответственность за межрелигиозные конфликты только на одну из сторон.

Ещё один важный аспект, на который обращает внимание писатель, заключается в том, что в подобных столкновениях страдают совершенно невинные люди, в том числе и те, кто не принадлежит ни к индуизму, ни к исламу. Для гуманистически настроенного автора, каким является Абдул Бисмиллах, главным объектом внимания и сочувствия остаётся человек. Он рассматривает существование людей в условиях ненависти и вражды как крайне опасное, разрушительное и препятствующее любому общественному прогрессу.

Как и другие прогрессивные писатели, Абдул Бисмиллах не остаётся равнодушным к положению женщин, особенно представительниц индуистского сообщества. В этом отношении показателен рассказ «После развода» («Talaq ke bad»). Несмотря на взаимную любовь Саттора и Собиры, отец Саттора заставляет сына развестись с женой, совершив троекратный обряд расторжения брака («се талок»). Через некоторое время Саттор возвращается к Собири с намерением вернуть её, однако мать девушки отказывает ему, объясняя, что после троекратного обряда развода Собира не может снова стать женой своего бывшего мужа, пока не выйдет замуж за другого и не разведётся с ним.

В рассказе акцентируется внимание прежде всего на бесправии женщины. Собира лишена возможности самостоятельно распоряжаться своей

¹ Вышеупомянутая работа, стр. 62.

судьбой и не имеет права на личный выбор. В доме мужа она подвергается оскорблениям со стороны всех членов семьи, не имея возможности возразить. В доме матери также никто не задумывается о её желаниях, мечтах и душевных переживаниях. Судьба отдельного человека отходит на второй план, в то время как традиционные законы, независимо от их справедливости или несправедливости, продолжают неукоснительно соблюдаться.

Абдул Бисмиллах посвятил ряд своих рассказов жизни сельских жителей. Среди них можно отметить такие произведения, как «Безумный раджа» («Pagla raja»), «Лицемер» («Laphanga»), «Гостиница для ночлега» («Rain basera»). Однако, как показывает анализ его творчества, для писателя место действия не имеет решающего значения. Ведь обман, месть, двуличие и иные проявления человеческих пороков существуют не только в определённых социальных или географических условиях. Всё это в полной мере представлено в рассказе «Безумный раджа».

В центре повествования – плотник по имени Бхулан, живущий в одной из деревень. Односельчане считают его сумасшедшим и называют деревенским раджой. Деревня разделена на несколько групп, каждая из которых стремится занять доминирующее положение и получить первенство. Вражда, соперничество и групповая рознь вызывают у Бхулана – «безумного раджи» – глубокое неприятие. Его размышления и поступки оказываются гораздо более разумными и нравственно зрелыми, чем действия лидеров этих соперничающих групп.

Рассказы Абдула Бисмиллаха представляют собой одни из лучших образцов прозы на языке хинди 1980–1990-х годов. Они охватывают период, когда хинди-рассказ постепенно выходил за рамки мрачных, пессимистических описаний и вступал в фазу, характеризующуюся ростом оптимизма и поиском социальных надежд.

В своих произведениях Абдул Бисмиллах сохраняет особенности речевого стиля своих персонажей: богатые и бедные, образованные и неграмотные, сельские и городские жители, чиновники и простые труженики – каждый говорит на своём языке, соответствующем его социальному положению и жизненному опыту. Хотя эта особенность не повлияла на общий литературный стиль автора, некоторые критики называют язык Абдула Бисмиллаха «деревенским», подчёркивая его органическую связь с живой народной речью и аутентичностью изображаемой среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдул Бисмиллах. Популярные рассказы Абдула Бисмиллаха. Дели, 1986.
2. Абдул Бисмиллах. Тонко сотканная ткань («Jhini-jhini bini chadariya», 1986).
3. Абдул Бисмиллах. Битва продолжается» («Samar shesh he», Дели 1984.
4. Виджендра Снатэк. История литературы хинди. Дели, 2921.
5. Мишра Винод. Термометр внутреннего состояния человека. Журнал «Сакшаткар» («Встреча»), ноябрь-декабрь, 1986.
6. Очерки истории литератур Индии (X–XX вв.) Санкт-Петербург, 2018.
7. Раджабов Х. Литература хинди в новое время. Душанбе, 2018.
8. Раджабов Х. Три поколения новелистов хинди. Душанбе, 2002.

DOI 10.34660/INF.2026.99.86.277

УДК 00.8.1751

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКА И ЦЕННОСТЬ: ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТАТАРСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Гизатуллина Альбина Камилевна

кандидат филологических наук, доцент

ГАПОУ «Международный колледж сервиса»

Аннотация. В статье представлены категории «Эмоциональная оценка» и «Ценность», их видимое сходство и различия. Дается определение эмоционально-экспрессивному фактору, который реализуется в синтаксисе двух сопоставляемых языков, татарского и французского. Автором осуществляется попытка рассмотреть связь эмоционально-экспрессивного фактора и аксиологического аспекта указанных предложений.

Ключевые слова: эмоционально-экспрессивный фактор; ценность, антиценность; структурно-семантическая характеристика предложения; эмоции и их классификация; эмоционально-экспрессивная картина мира.

Abstract. The article presents the categories of «Emotional Evaluation» and «Value», their apparent similarities and differences. It defines the emotional-expressive factor, which is realized in the syntax of the two compared languages, Tatar and French. The author attempts to examine the connection between the emotional-expressive factor and the axiological aspect of the above sentences.

Key words: emotional-expressive factor; value, anti-value; structural and semantic characteristics of a sentence; emotions and their classification; emotional-expressive picture of the world.

Современная лингвистика признает, что изучение оценки невозможно без ценностного восприятия, которая является отражением конкретной культуры народа, нации. Термины «Оценка» и «Ценность» имеют внешнюю схожесть. Необходимо, на наш взгляд, выяснить их сходство и различие.

Функция оценки проявляется в соотнесении события и восприятие человеком идеализированной модели картины мира. Для оценки характерны

такие значимые характеристики, как достоверность, возможность и другие. Такие ученые, как Ю. Д. Апресян, В. Н. Телия, Н. А. Авганова исследуют в своих работах категорию «Оценочность», которая передает, по их мнению, такие эмоции, как сомнительность, вероятность [3].

Необходимо отметить, что категория «Ценность» многогранна и передает значения, которые обусловлены социокультурной средой, а также субъективными предпочтениями человека. Различают: социальные ценности, правовые ценности, эмоциональные ценности.

Кроме того, оценка – это, прежде всего, отношение человека к действительности, результат эмоционально-экспрессивного восприятия мира. По мнению М. А. Малышева, мыслительная способность человека тесно переплетена с его эмоционально-чувственным восприятием [6].

Под воздействием внешних обстоятельств эмоционально-чувственная сфера человека включает не только ценностную констатацию событий, но также предполагаемые, возможные проекции событий. Иными словами, категория «Оценка» выполняет также и прогностическую функцию [2; 4].

Таким образом, «оценка – это мнение о важности, весомости, ценности, нужности, полезности, целесообразности, эстетичности, этичности и т.д. (одним словом, о значимости) для человека того, что обозначается оценочными предикатами» [2, с. 12]. Следует отметить, что ценность ориентирована на эталон, в то время, как оценка – это результат сравнения с эталоном.

Прежде чем перейти к анализу эмоционально-экспрессивных предложений в татарском и французском языках, необходимо отметить, что эмоции передают личностное отношение человека к миру и, как ни странно, к самому себе. Нами выделены основные эмоции – среди них 5 имеют отрицательный характер, 3 – положительный. Как мы видим, в количественном отношении положительных эмоций меньше. Предполагаем, что разнообразие отрицательных эмоций отражает развивающую возможность адаптации человека к неблагоприятным обстоятельствам жизни. Эти, отрицательные эмоции, тонко сигнализируют и предупреждают о не благоприятном развитии событий. «Положительный аспект менее богат оттенками эмотивно-оценочного отношения, чем отрицательный, поскольку воспринимается как норма и поэтому не нуждается в столь же детальной дифференциации, как отклонения от нее» [1, с. 23].

Хотелось отметить, что такие эмоции, как: «Восхищение», «Радость» и «Одобрение» являются самыми распространенными реакциями положительного спектра. Следует сказать несколько слов об эмоции «Удивление», которая имеет нейтральный оттенок. Однако, в сочетании с другими эмоциями, категория «Удивление» может передавать значения как положительного, так и отрицательного спектра.

Рассмотрим предложения в татарском и французском языках, выражающие *положительные эмоции*.

Ценность / антиценность	Татарский язык	Французский язык
Восхищение	Менә бәхет! Вот счастье! [8].	Bravo! Браво! [10].
	Жәннәт инде! Рай уж! [8].	Quel bonheur! Какое счастье! [11].
	Шәп мастер! Хороший мастер! [9].	Merveilleux choux! Замечательная капуста! [10].
	Нинди гүзәллек! Какая красота! [9].	Sensationnel! Parfait! Sensация! Прекрасно! [10].
Радость	Урра! Урра! [9].	Bravo! Браво! [11].
	Их, хозур! Эх, счастливый! [9].	Une vraie demoiselle! Настоящая девушка! [10]
	Менә шатлык! Вот радость! [8].	Que d'éloges! Какая похвала! [11].
	Ай, ул бәхетле минутлар!.. Ай, эти счастливые минуты!.. [9].	Quelle heureuse rencontre! Какая счастливая встреча! [11].
Одобрение	Молодец! Молодец! [8].	Heureuse alliance! Счастливый союз! [10].
	Нинди чисталык, матурлык! Какая чистота, красота! [9].	Mais naturellement! Ну естественно! [11].
	Нинди идеаль тәртип! Какое идеальное воспитание! [8].	Quelle éducation idéale! Какое идеальное воспитание! [10].
	Чибәр. Уенчак. Үткен. Красивый. Игривый. Пробивной [8].	Un bon exemple! Хороший пример! [11].

Как мы видим, как в татарском, так и во французском языках предложения, передающие положительные эмоции, имеют сокращенную синтаксическую структуру. Наиболее распространенными в двух языках являются: междометные, распространенные субстантивные, адъективные и адverbиальные предложения.

Кроме того, как мы видим из предложений сравниваемых языков, предметом эмоциональной ценности могут быть как абстрактные явления: «воспитание», «чистота», «союз», так и конкретные предметы, сами люди: «девушка», «мастер».

Следует отметить, что, как и в эмоционально-экспрессивных предложениях татарского языка, так и упомянутых предложениях французского языка, в качестве предмета ценностной оценки служат собирательные образы. Это объясняется на наш взгляд тем, что в состоянии переживания положительных эмоций, человек тяготеет к возвышенным чувствам, нравственности. Это явление наблюдается в предложениях с положительной эмоциональной оценкой в двух языках.

Перейдем к рассмотрению такой эмоции, как «удивление», в целом *нейтральной*.

Ценность / антиценность	Татарский язык	Французский язык
Удивление	Аб-бай! Надо же! [9].	Tiens! Ну! [11].
	Әкәмәт! Смех да и только! [9].	Le miracle! Чудо! [10].
	Тылсымлы дөнья!.. Волшебный мир! [9].	Quelle chance! Какая удача! [11].
Удивление	Нинди зур авыл! Какая большая деревня! [8].	Incroyable! Невероятно! [10].

Как видим из примеров, ценность «удивление» может быть нейтральной, вернее вне контекста и коммуникативной ситуации сложно декодировать эмоциональный оттенок. Большинство приведенных примеров ценности «удивление» имеет положительную оценку.

Изучение вышеуказанных предложений, позволило выявить, что для татарского и французского языков характерны следующие общие конструкции: междометные предложения, субстантивные нераспространенные и субстантивные предложения с экскламаторами, адъективные и адвербиальные нераспространенные предложения. В татарском языке также широко используются субстантивные предложения с междометиями, указательными местоимениями, прилагательными в качестве определения и спрягаемые глагольные предложения. Из глагольных предложений французского языка чаще всего используются инфинитивные. Иными словами, эмоционально-экспрессивные предложения со значением удивления тяготеют к односоставности.

Рассмотрим предложения, выражающие *отрицательные эмоции*, которые, как было сказано, отличаются большим разнообразием по сравнению с положительными эмоциями.

Ценность / антиценность	Татарский язык	Французский язык
Неодобрение	Әй-йй!.. Ай-йй! [8].	Ça alors! Ну и что! [11].
	Оятсызык... Стыд... [9].	Les enragés! Бешеные! [10].
	Әх, шушы беркатлылык! Әх, эта простота! [8].	Quelle perversité! Какое извращение! [11].
	Мәгънәсез шаяру!.. Бесплезная игра! [9].	Sale affaire! Грязное дело! [10].
	Яле-яле, кабатла эле бер шул сүзләреңне, безобразник! Ну-ка, ну-ка, повтори-ка раз эти слова, безобразник! [8].	Un misérable! Un imbécile! Несчастный! Глупый! [11].

Ценность / антиценность	Татарский язык	Французский язык
Сожаление	Их, бичара, бичара Эх, бедный, бедный [8].	Hélas! Увы! [11].
	Мескен картлач! Бедная старость! [9].	Misère! Нищета! [10].
	Нинди мәрхәмәтсез үлем! Какая жестокая смерть! [9].	Un pauvre petit chat... Бедный котенок... [10].
	Бик көенеч! Очень грустно! [8].	Quel dommage! Какая жалость! [10].
Ирония	Һе, машина, имеш! Хе, машина, якобы! [8].	Quitter le camp pour un lit d'hôpital! Покинуть лагерь, чтобы попасть в больницу! [11].
	Акчасыз комедия. Бесплатная комедия [8].	Nouvelle intervention de ma mère! Новый выпад моей мамы! [10].
	Әдәбият кичәсе, имеш! Тоже мне, литературный вечер! [9].	Me faire traiter d'insupportable patient! Меня считать невыносимым пациентом! [10].
	Синамы соң андый нечкә хисләр белән эш итәргә! Тебе ли работать с такими тонкостями! [9].	
Возмущение	Хурлык бит! Стыд ведь! [8]	Quel malentendu! Какая неожиданность! [10].
	Менә жүләр! Вот дурак! [8].	Quelle abominable fatalité! Какая отвратительная смерть! [10].
	Тфү! тагын нинди уйлар! Тьфу, еще какие мысли! [9].	Paresseux! Ленивый! [11].
	Коточкыч көрәш! Страшная борьба!.. [8].	Foutre! Черт побери! [10]
Презрение	Эх-эх, нинди кабәхәтлек! .. Эх, какое ничтожество!.. [9].	Meurtrière et cannibale! Убийца и каннибал! [10].
	Начар малай! Плохой мальчик! [9].	Quelle hypocrisie. Какое лицемерие! [11].
	Халык дошманы! Враг народа! [9].	Espèce d'emerdeur! Сволочь! [11].
	Фу, хәерсез! Фу, противный! [8].	Ames trafiquées et histoire suspendue! Продажные души и повисшая история! [10].
Страх	У-у, коточкыч! .. У-у, страшно!.. [9].	Mon Dieu! Боже мой! [10].

Ценность / антиценность	Татарский язык	Французский язык
	Ух... нинди коточкыч нәрсе! Ух... какое страшилище! [8].	Catastrophe imminente! Inévitable! Катастрофа! Неми- нуемая! [10].
	Харап бит! Ужас ведь! [9].	Quelle horreur! Какой ужас! [10].
	Таптала, харап була! Раздавят, погибнет! [9].	

Итак, эмоционально-экспрессивные предложения отрицательного спектра широко представлены в двух сопоставляемых языках.

Чаще всего собеседники прибегают к выражению антиценности «Неодобрение», когда появляется желание повлиять, воспитать, продемонстрировать свое отношение к предмету оценки. Это – междометные, субстантивные, а также глагольные предложения двух языков.

«Сожаление» также используется и выражается в речи носителей татарского и французского языков. Умение сожалеть и сопереживать говорит о глубоких душевных переживаниях человека, его качествах. Иными словами, мы можем говорить об эмоциональной стороне национального характера двух народов сопоставляемых языков.

Антиценность «Ирония» представлена в эмоционально-экспрессивных предложениях сравниваемых языков не равномерно. Во французском языке для выражения этой антиценности чаще используются инфинитивные предложения, тогда как в татарском языке это – субстантивные предложения с эмоционально-оценочными прилагательными, также междометиями и вводными словами. Особенность этой эмоции заключается в скрытой, однако уловимой «усмешки», «сдержанного возмущения».

«Возмущение», «Презрение», «Страх» также достаточно часто употребляемые эмоции. Как правило, это односоставные субстантивные распространенные предложения. Большую роль в данных предложениях играет эмоционально-оценочная лексика – явления вторичной номинации, которые широко распространены в двух языках. Об этом нами было изложено в других статьях.

Таким образом, сопоставив эмоционально-экспрессивные предложения двух языков, можем отметить, что такие категории, как «Эмоциональная оценка» и «Ценность» действительно внешне схожи. Они находятся в значении созависимости. В основе любой эмоциональной оценки всегда находится ценностное содержание.

Анализ предложений в татарском и французском языках, выражающие положительные и отрицательные эмоции показывает, что два языка используют примерно одинаковые с точки зрения структуры предложения.

Список литературы

1. Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания: сб. науч. трудов / под ред. Н. А. Красавского. – Волгоград: Колледж, 2002. – 222 с.
2. Бабаева Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. В. Бабаева. – Волгоград, 2004. – 40 с.
3. Васильев Л. М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики / Л. М. Васильев // Уфа: РИО БашГУ, 2006. – 524 с.
4. Гулыга А. В. Эстетика в свете аксиологии / А. В. Гулыга. – СПб.: Алтейя, 2000. – 447 с.
5. Додонов Б. И. Эмоции как ценность. / Б. И. Додонов // В мире эмоций. Киев, 1987. – С. 48–52.
6. Малышев, М. А. Человек и мир его переживаний / М. А. Малышев // Екатеринбург: Изд-во УрГУ им. А. М. Горького, 2000. – С. 4–13.
7. Мирошников Ю. И., Шибеко Т. Ю. Эмоции и эмоциональные оценки в структуре ценностного сознания / Ю. И. Мирошников, Т. Ю. Шибеко // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 2 (217). Философия. Социология. Культурология. Вып. 20. – С. 7–10.
8. Хәким З. Повестьлар. Хикәяләр // Сайланма әсәрләр / З. Хәким: – II т. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1997. – 383 б.
9. Шамов А. Чын хикәяләр: Хикәяләр, очерклар, ыстәлекләр / А. Шамов. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1986. – 440 б.
10. Kaplan L. Le pont de Brooklyn / L. Kaplan. – Paris: P.O.L., 1987. – 236 p.
11. Pennac D. Messieurs les enfants / D. Pennac. – Paris: Gallimard, 1997. – 239 p.

Научное издание

Научный диалог: теория и практика

Материалы международного научного форума
(г. Москва, Форум 30 июля 2026 г.)

Научный редактор Д.Р. Хисматуллин
Корректор А.И. Николаева

Подписано в печать 30.07.2026 г. Формат 60х84/16.
Усл. печ.л. 10,75. Тираж 500 экз.

Отпечатано в редакционно-издательском центре
издательства Инфинити

